639.1
A41

ОВЪ

ЧИ

ЫБЫ

КИ

ОННИКА

86892

ЗАПИСКИ

объ

УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

С. Т. Аксакова

ПРОВ.-59

639.1 25

639.1
А41

ЗАПИСКИ

объ

УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

С. Т. Аксакова.

86892

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

Изъ книги „Уставъ Сокольничьяго пути писанный Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“.

ЦКХ

Охоту тѣшить — не бѣду платить.
Охота пуще неволи.

Русскія пословицы.

Изданіе пятое, дополненное статьями и замѣтками изъ книги: «Разсказы и воспоминанія охотника» тогоже автора, съ политипажами и примѣчаніями К. Ф. Рулье.

МОСКВА.
Типографія **Т. И. Гагенъ,** на Большой Лубянкѣ, домъ кн. Голицына.
1881.

82

БЕЛГОРОДСКАЯ
Областная
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вступленіе	V
Происхожденіе удочки	1
Удилище	3
Леса	7
Наплавокъ	12
Грузило	15
Крючокъ	17
Поводокъ	20
Устройство удочки	23
Насадка	27
О выборѣ мѣста	37
Прикормка	46
Объ умѣньѣ удить	50
О рыбахъ вообще	72
Лошокъ	94
Верховка	96
Голецъ	98
Пескарь	100
Уклейка	104
Елецъ	107
Ершъ	109
Плотица	113

Стран.

Красноперка 117
Язь 120
Головль. 125
Лещъ 131
Сазанъ 135
Карпъ или карпія 138
Линь. 141
Карась 145
Окунь 152
Щука 161
Жерихъ, шересперъ. 171
Судакъ 174
Лохъ, красуля. 176
Форель, пеструшка 179
Кутема 184
Налимъ. 187
Сомъ. 191
Раки. 193
Крючки и жерлицы 197
Блесна 202
Ходъ рыбы противъ теченія воды. *Статья К. Ф. Рулье* . . 204

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Полая вода и ловля рыбы въ водополье 216
Охота съ острогою 228
Странный случай. 242
Новыя охотничьи замѣтки 246

МОИМЪ БРАТЬЯМЪ И ДРУЗЬЯМЪ

Н. Т. и А. Т. Аксаковымъ.

Есть однако примиритель,
Вѣчно юный и живой,
Чудотворецъ и цѣлитель, —
Ухожу къ нему порой.
Ухожу я въ міръ природы,
Въ міръ спокойствія, свободы,
Въ царство рыбъ и куликовъ,
На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ,
Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
И — въ свои младые годы.

(Отрывокъ изъ посланія къ М. А. Д. 1850 г. Январь).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я написалъ записки объ уженьѣ рыбы для освѣженія моихъ воспоминаній, для собственнаго удовольствія. Печатаю ихъ для рыбаковъ по склонности, для охотниковъ, для которыхъ слова: „удочка и уженье“ слова магическія, сильно дѣйствующія на душу. Я считаю, что мои записки могутъ быть для нихъ пріятны и даже нѣсколько полезны: въ первомъ случаѣ потому, что всякое сочувствіе къ нашимъ склонностямъ, всякій особый взглядъ, особая сторона наслажденій, иногда уясненіе какого-то темнаго чувства, не вполнѣ прежде сознаннаго, — могутъ и должны быть пріятны; во второмъ случаѣ потому, что всякая опытность и наблюденіе человѣка, страстно къ чему-нибудь привязаннаго, могутъ быть полезны для людей, раздѣляющихъ его любовь къ тому-же предмету. — Уженье, какъ и другія охоты, бываетъ и простою склонностью и даже сильною страстью: здѣсь не мѣсто и безполезно разсуждать объ этомъ. Русская пословица говоритъ глубоко и вѣрно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человѣческую охоту такъ много и съ такимъ презрѣньемъ нападаютъ, какъ

на тихое, невинное уженье. Одинъ называетъ его охотою празднолюбцевъ и лѣнтяевъ; другой — забавою стариковъ и дѣтей; третій — занятіемъ слабоумныхъ. Самый снисходительный изъ судей пожимаетъ плечами и съ сожалѣніемъ говоритъ: „я понимаю охоту съ ружьемъ, съ борзыми собаками — тамъ много движенія, ловкости, тамъ есть какая-то жизнь, что-то дѣятельное, даже воинственное. О страсти къ картамъ я уже не говорю; но удить рыбу, признаюсь, этой страсти я не понимаю....“ Улыбка договариваетъ, что это просто глупо. Такъ говорятъ не только люди, которые, по несчастію, родились и выросли безвыѣздно въ городѣ, подъ вліяніемъ искусственныхъ понятій и направленій, никогда не живали въ деревнѣ, никогда не слыхивали о простыхъ склонностяхъ сельскихъ жителей и почти не имѣютъ никакого понятія объ охотахъ; нѣтъ, такъ говорятъ сами охотники — только до другихъ родовъ охоты. Послѣднихъ я рѣшительно не понимаю. Всѣ охоты: съ ружьемъ, съ съ собаками, ястребами, соколами, съ тенетами за звѣрьми, съ неводами, сѣтьми и удочкой за рыбою — всѣ имѣютъ одно основаніе. Всѣ разнородные охотники должны понимать другъ друга: ибо охота, сближая ихъ съ природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь — все это вмѣстѣ стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ, или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы

совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ *красотамъ природы*, то-есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декораціямъ, къ призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте ихъ въ тихую, жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночнаго мрака, или на берегъ соннаго озера, оброснаго камышами; окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнію творенія: для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинки, и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоніемъ загнившихъ прудовъ въ ихъ жалкихъ садахъ, или вечерними испареніями мостовой, раскаленной дневнымъ солнцемъ... Но, Богъ съ ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня, — въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безъискуственность жизни, простота отношеній!

Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши, — улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всею пошлостью человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ. Непримѣтно, мало по малу, разсѣется это недовольство собою, эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помышленій — эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣхи наши....

Но я увлекся въ сторону отъ своего предмета. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ защиту уженья и нѣсколько словъ въ объясненіе моихъ записокъ. Начнемъ сначала: обвиненіе въ праздности и лѣни совершенно несправедливо. Настоящій охотникъ необходимо долженъ быть очень бодръ и очень дѣятеленъ; раннее вставанье,

часто до утренней зари, перенесенье полдневнаго зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое вниманіе во время самаго уженья, пріискиванье удобныхъ мѣстъ, для чего иногда надо много ихъ перепробовать, много исходить, много изъ-ѣздить на лодкѣ: все это вмѣстѣ не по вкусу лѣнивому человѣку. Если найдутся лѣнтяи, которые, не имѣя настоящей охоты къ уженью, а просто не зная, куда дѣваться, чѣмъ занять себя, предпочтутъ сидѣнье на берегу съ удочкой бѣганью съ ружьемъ по болотамъ, то неужели ихъ можно назвать охотниками? Чѣмъ виновато уженье, что такіе люди къ нему прибѣгаютъ? Другое обвиненіе, будто уженье забава дѣтская и стариковская — также не основательно: никто въ старости не дѣлался настоящимъ охотникомъ-рыболовомъ, если не былъ имъ смолоду. Конечно, дѣти почти всегда начинаютъ съ уженья, потому что другія охоты менѣе доступны ихъ возрасту; но развѣ дѣти въ одномъ уженьѣ подражаютъ забавамъ взрослыхъ? Что же касается до того, что слабый старикъ, или больной, иногда не владѣющій ногами, можетъ удить, находя въ томъ нѣкоторую отраду бѣдному своему существованію, то въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ, драгоцѣнныхъ преимуществъ уженья предъ другими охотами. Остается защитить охотниковъ до уженья въ томъ, что будто оно составляетъ занятіе слабоумныхъ или, попросту сказать, дураковъ. Но, Боже мой, гдѣ же ихъ нѣтъ? За какія дѣла они не берутся? Въ какихъ умныхъ и полезныхъ предпріятіяхъ не участвуютъ? Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ остальные люди, занимающіеся одними и тѣми же дѣлами съ ними, были также глупы. Противъ нелѣпости такого

обвиненія можно назвать нѣсколько славныхъ, историческихъ людей, которыхъ мудрено заподозрить въ глупости, и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Извѣстно, что нашъ знаменитый полководецъ, Румянцевъ, преданъ былъ этой охотѣ до страсти; извѣстенъ также и его отвѣтъ, съ притворнымъ смиреніемъ сказанный, на одинъ важный дипломатическій вопросъ: *это дѣло не нашего ума, наше дѣло рыбку удить, да городки плѣнить*. Славный Моро, поспѣшая съ береговъ Мисиссипи на помощь Европѣ, возставшей противъ своего побѣдителя, не могъ проѣхать мимо уженья трески, не посвятивъ ему нѣсколькихъ часовъ, драгоцѣнныхъ для ожидавшаго его вооруженнаго міра — такъ страстно любилъ онъ эту охоту! Людовикъ-Филиппъ, человѣкъ, кажется, тоже умный, все время, свободное отъ дѣлъ государственныхъ, посвящалъ удочкѣ въ своемъ прелестномъ Нельи.

Теперь объяснимся о моихъ запискахъ: на русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не напечатано ни одной строчки объ рыболовствѣ вообще, или объ уженьѣ въ особенности, написанной грамотнымъ охотникомъ, знающимъ коротко свое дѣло. На французскомъ и англійскомъ языкахъ есть много полныхъ сочиненій по этой части и еще болѣе маленькихъ книжекъ собственно объ уженьѣ. Въ Лондонѣ даже существуетъ общество охотниковъ до ловли рыбы удочкой, которое систематически преслѣдуетъ охоту, совершенствуя ее во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя сочиненія объ этомъ предметѣ у Французовъ написаны очень живо и увлекательно. Но у насъ они не переведены, а еслибъ и были

переведены, то могли бы доставить болѣе удовольствія при чтеніи, чѣмъ пользы въ примѣненіи къ дѣлу. Причиною тому разность въ климатахъ, въ породахъ рыбъ и ихъ свойствахъ. Въ этомъ случаѣ добросовѣстныя наблюденія рыболова-туземца, какъ бы ни были недостаточны, будутъ имѣть важное преимущество.

Все это вмѣстѣ рѣшило меня сдѣлать первый опытъ на русскомъ языкѣ. Охотниковъ до уженья много на Руси, особенно въ деревняхъ, и я увѣренъ, что найду въ нихъ сочувствіе. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *Трактатъ объ уженьѣ, не Натуральная исторія рыбъ*. Моя книжка, ни больше, ни меньше, какъ простыя записки страстнаго охотника: иногда поверхностныя, иногда одностороннія и всегда неполныя, относительно къ обширности обоихъ предметовъ, сейчасъ мною названныхъ *).

С. А.

1847 годъ.

*) *Примѣчаніе къ 3-му изданію.* Я печатаю книжку мою третьимъ изданіемъ. Въ теченіи шести лѣтъ, постоянно продолжая удить, съ меньшимъ увлеченіемъ и бо̀льшимъ вниманіемъ, я имѣлъ возможность, для втораго изданія, сдѣлать много новыхъ наблюденій и сказать пространнѣе и полнѣе о томъ, о чемъ было сказано слишкомъ коротко, въ чемъ справедливо обвиняли меня нѣкоторые охотники; въ теченіи же послѣднихъ 3 лѣтъ, я почти ничего новаго прибавить не могъ.

1856 годъ.

С. Аксаковъ.

ЗАПИСКИ

объ

УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

Происхожденіе удочки.

Вѣроятно, изъ всѣхъ родовъ рыболовныхъ снастей, одна изъ первыхъ была изобрѣтена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегамъ рѣки или моря для добыванія себѣ скудной пищи, или безпечно отдыхая подъ тѣнью крутаго берега и растущихъ на немъ деревьевъ, примѣтилъ стаи рыбъ, плавающихъ около береговъ; видѣлъ, какъ голодныя рыбы жадно хватаютъ, падающихъ на поверхность водъ, разныхъ насѣкомыхъ и древесные листья, и, можетъ быть, самъ бросалъ ихъ въ воду, сначала забавляясь только быстрыми движеніями рыбъ. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы въ насѣкомыя спрятать что-нибудь похожее на крючокъ (изъ кости, или крѣпкаго дерева) и привязать его на нитку, выдѣланную изъ звѣриныхъ жилъ, или волоконъ растеній, и что если рыба схватитъ и проглотитъ такую насадку, то крючокъ за-

цѣпитъ, и рыбу можно будетъ вытащить на берегъ. Такъ, вѣроятно, родилась удочка; почти такова она и теперь въ деревняхъ у крестьянскихъ мальчишекъ: загнутый крючкомъ гвоздь безъ шляпки, крючокъ изъ проволоки или булавки, привязанный на нитку, съ каменкомъ, вмѣсто грузила, и палочкою сухаго дерева, или камыша вмѣсто наплавка.... вѣдь это почти удочка дикаря. Впрочемъ, даже и у насъ, въ настоящемъ своемъ развитіи, у самыхъ взыскательныхъ охотниковъ, удочка строго сохранила всѣ первоначальныя основныя свои качества.

Слово удочка — названье общее. Она состоитъ изъ слѣдующихъ частей: удилища, лесы, поплавка или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это разсмотримъ мы внимательно, порознь и по порядку.

Удилище.

Едва ли нужно говорить, что этимъ именемъ называется длинный прутъ или палочка, къ которой привязывается леса. Удилища бываютъ искусственныя и натуральныя: я рѣшительно предпочитаю послѣднія. Искусственное, складное удилище дѣлается изъ морскаго тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается изъ дерева, такъ что одно колѣнцо, будучи тонѣе, можетъ вкладываться въ другое, болѣе толстое; цѣлое удилище состоитъ изъ трехъ или четырехъ такихъ колѣнцевъ: всѣ они привинчиваются одно къ другому, или просто втыкаются одно въ другое; верхнее колѣнцо дѣлается изъ китоваго уса, или тонкой камышенки. съ маленькимъ проволочнымъ колечкомъ на верхнемъ концѣ для привязки лесы. Такія складныя удилища, хорошо отдѣланныя, съ набалдашникомъ и наконечникомъ, имѣютъ наружность толстой красивой палки; кто увидитъ ихъ въ первый разъ, тотъ и не узнаетъ, что это цѣлая удочка; но во 1-хъ, оно стоитъ очень не дешево; во 2-хъ, для большой рыбы оно неудобно и неблагонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то-есть, первое колѣнцо, состоящее изъ китоваго уса или камышенки. а для вытаскиванія крупной

рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище, по крайней мѣрѣ до половины его; въ 3-хъ, его надобно держать всегда въ рукахъ, или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что̀ иногда неизбѣжно, то оно намокнетъ, разбухнетъ и даже современемъ треснетъ; къ тому же, размокшія колѣнца, покуда не высохнутъ, не будутъ свободно вкладываться одно въ другое; въ 4-хъ, все это надо дѣлать не торопливо и аккуратно — качества, противоположныя натурѣ русскаго человѣка: всякій разъ вынимать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать лесу съ наплавкомъ, грузиломъ и крючкомъ, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить въ футляръ или ящичекъ и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такія складныя удилища поддѣлываются у насъ изъ простаго дерева; нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія никуда не годятся. Во многихъ мѣстахъ употребляютъ удилища составныя: къ обыкновенному березовому, или орѣховому удилищу прикрѣпляютъ верхушку изъ китоваго уса, или тонкаго можжевеловаго прута; но и здѣсь почти тѣ же неудобства: гибь будетъ также неровна и верхушка станетъ сгибаться только до того мѣста, гдѣ она привязана. Всего простѣе и лучше цѣльныя, натуральныя орѣховыя, или березовыя удилища: послѣднія прочнѣе, и вездѣ скорѣе можно ихъ сыскать; говорятъ, что и вязовыя также хороши, но мнѣ не случалось ихъ употреблять. Весною, покуда листъ еще не распустился, а сокъ дерева уже бросился изъ корня вверхъ, и надулись почки на вѣтвяхъ, — всего благо-

надежнѣе срѣзывать удилища; впрочемъ, можно срѣзывать ихъ и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкіе, длинные и прямые; тщательно обрѣзать всѣ сучечки, оставя главный стволъ неприкосновеннымъ во всю его длину, до самой послѣдней почки, при чемъ должно наблюдать, чтобы удилище не было тонко въ комлѣ; нижнюю половину, идущую къ рукѣ, надобно оскоблить, даже сострогать, если она слишкомъ толста, а верхнюю *непремѣнно* оставить въ кожѣ; нѣсколько такимъ образомъ приготовленныхъ удилищъ должно плотно привязать къ прямому шесту или доскѣ, и въ такомъ принужденномъ положеніи завялить, то-есть, высушить въ комнатѣ или на воздухѣ подъ крышей, гдѣ бы не брали ихъ ни дождь, ни солнце. Такое удилище, если не сломается отъ неосторожности, можетъ служить два и три года.

Выборъ и приготовленіе хорошаго удилища весьма важны. Прямизна и гибкость верхняго его конца необходимы для успѣшной подсѣчки; слѣдовательно, отъ хорошаго удилища зависитъ иногда количество выуженной рыбы, но верхъ его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьметъ крупная рыба. Тутъ-то можно полюбоваться, какъ на хорошемъ удилищѣ, согнувшемся до половины въ дугу, будетъ ходить на кругахъ огромная рыба до тѣхъ поръ, пока искусная рука рыбака утомитъ ее и подведетъ къ берегу, гдѣ можно взять добычу другою, свободною рукой, или, что всегда благонадежнѣе, подхватить сачкомъ.

Всякому извѣстно, что такое сачокъ. Но вотъ какія качества долженъ имѣть онъ: 1) сачокъ долженъ быть

легокъ: 2) ободокъ, къ которому прикрѣпляется сѣтка, лучше употреблять желѣзный, а чтобы ржавчина ее не переѣдала, можно обшивать ободокъ холстиной и къ ней уже пришивать сѣтку; 3) мѣшокъ изъ сѣтки — тонкій и не частый; 4) мѣшокъ этотъ долженъ быть не мелокъ, четверти въ три глубиною, для того чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть въ немъ.

Леса.

Лесою называется нитка, однимъ концомъ привязанная къ удилищу, а другимъ къ крючку. По большой части она свивается изъ волосъ конскаго хвоста: но есть лесы шелковыя, нитяныя и приготовленныя изъ какого-то индійскаго растенія *), прозрачностью совершенно похожаго на бѣлый конскій волосъ. Всѣ эти роды лесъ имѣютъ свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первыя, и по прочности, и по удобству доставанія свѣжихъ конскихъ волосъ: не трудно найдти искусника свить, или ссучить изъ нихъ лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплесть: плетеная леса прочнѣе, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше умѣть это дѣлать самому. Лесы шелковыя и нитяныя въ Россіи не приготовляются на продажу, онѣ получаются изъ Англіи и Австріи; съ крючкомъ, наплавкомъ и грузиломъ онѣ продаются въ магазинахъ не менѣе 2 р. 50 к. асс. — цѣна слишкомъ высокая. Можно приготовлять ихъ дома: всякая женщина умѣетъ ссучить на рукахъ, или на маленькихъ колесахъ, на которыхъ

*) Такъ думалъ я прежде по слухамъ; но теперь думаю, что это шелкъ-сырецъ, приготовляемый какимъ нибудь особеннымъ способомъ.

спускаютъ тонкія бичевки, нѣсколько шелковинокъ, или нитокъ (всего лучше конопляныхъ) какой угодно толщины и длины. Выгода такихъ лесъ состоитъ въ томъ, что онѣ, будучи безъ узловъ и не имѣя упругости, извиваются по движенію воды, разнообразятъ и представляютъ натуральнымъ, какъ будто шевелящимся, видъ насаженнаго червяка, или чего-нибудь другаго; когда же насадка и конецъ шелковой зеленой лесы лежатъ на днѣ, то она совершенно походитъ на волокны длиннаго водянаго моха, называемаго водянымъ шелкомъ. Должно признаться, что рыба беретъ на нихъ охотно; но за то онѣ довольно скоро перегниваютъ и нестерпимо путаются, что отнимаетъ много времени и ужасно надоѣдаетъ; обоимъ этимъ порокамъ можно нѣсколько помочь, проваривъ лесы въ растопленномъ воскѣ *), но отъ того онѣ отчасти потеряютъ свою, такъ сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до лесы изъ индійскаго растенія, тонкой, какъ конскій волосъ, то вся ея выгода состоитъ въ прозрачности и легкости; если насадка также легка (напр. мухи, кузнечики и проч.), то она стоитъ на всѣхъ глубинахъ воды и долго плаваетъ на поверхности, не погружаясь: но *зыблемости* шелковыхъ и нитяныхъ лесъ она не имѣетъ, и болѣе пригодна для уженья некрупной рыбы безъ наплавка, особенно въ водахъ прозрачныхъ, около полудня, когда рыба гуляетъ на поверхности воды. Такая леса (изъ индійскаго ли она растенія, или

*) Здѣсь опять должно сказать, что это не прочно: воскъ скоро сойдетъ, и леса начнетъ путаться по прежнему; впрочемъ, воскъ можно подновлять.

изъ сырца) сначала очень крѣпка, и съ помощью хорошаго удилища и осторожности можно на нее выудить рыбу въ четыре и даже въ пять фунтовъ; но она скоро мнарится, то-есть дѣлается шероховатою, мѣстами тонѣетъ; высыхая на солнцѣ, въ сгибахъ трескается въ длину, и для уженья хорошей рыбы дѣлается неблагонадежною, даже опасною. Говорятъ, что все это можно отвратить, вытирая ее до суха всякій разъ послѣ уженья и вымазывая масломъ: но я, вѣрный моей русской безпечной природѣ, никогда этого не пробовалъ, и много разъ терялъ рыбу и удочку; я скажу объ этомъ подробнѣе въ статьѣ о поводкахъ *). И такъ обратимся къ лесамъ изъ конскихъ волосъ. Получаемыя изъ-за границы очень хороши, но за то и очень дороги, и не довольно разнообразны въ своей толщинѣ. Покупаемыя въ русскихъ лавкахъ обыкновенно сучены не ровно и часто изъ старыхъ, уже не такъ прочныхъ, волосъ, что, впрочемъ, можно узнать по желтоватому цвѣту. И такъ всего лучше приготовлять ихъ дома.

Надобно выдернуть волосы изъ хвоста бѣлой **) ло-

*) Въ 1853 году привезли мнѣ въ подарокъ изъ Гавра много чудесныхъ лесъ, очень тонкихъ и полупрозрачныхъ, имѣющихъ въ то же время (покуда онѣ сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблялъ ихъ цѣлый годъ, и долженъ сказать, что сначала онѣ удивительно крѣпки и могутъ выдержать самую крупную рыбу; но мѣсяца въ четыре, при ежедневномъ уженьѣ, перегниваютъ и требуютъ перемѣны. Намокнувъ, онѣ дѣлаются мягки, какъ шелкъ, но высохнувъ, опять получаютъ упругость; онѣ свиты изъ нѣсколькихъ, удивительно тонкихъ волоконъ, кажется сырцовыхъ. Въ Гаврѣ называютъ ихъ американскими. Рыба беретъ на нихъ очень охотно. Можетъ быть, это волокна какого-нибудь американскаго растенія.

**) Приготовляются лесы и изъ черныхъ волосъ, но очевидно, что прозрачность бѣлыхъ волосъ, сливаясь съ водою, дѣлаетъ лесу непримѣтною для рыбы, слѣдовательно лучшею.

шади; выбрать самые длинные, ровные, бѣлые и прозрачные, и сучить, или вить изъ нихъ лесы какой угодно толщины: отъ двухъ, четырехъ, шести и до двадцати волосъ. Можно вить и сучить лесы цѣльныя, или съ колѣнцами. Цѣльныя, безъ сомнѣнія, лучше, но для приготовленія ихъ надобно гораздо болѣе умѣнья. Лесы съ колѣнцами дѣлаются очень просто. Берутся, напримѣръ, шесть конскихъ волосъ, одинаковой длины, выравниваются въ толщинѣ *), завязываются на концѣ обыкновеннымъ узломъ, раздѣляются поровну и сучатся, или вьются (какъ кто лучше умѣетъ) до самаго конца волосъ; потомъ опять завязывается обыкновенный узелъ: это называется колѣнцомъ. Колѣнцы связываются между собой уже двойнымъ *рыбачьимъ* узломъ, затягиваются какъ можно крѣпче, коротенькіе кончики подстригаются довольно плотно, и вотъ вамъ готова леса, какой угодно длины. Объяснить на словахъ свиванье цѣльной лесы довольно трудно; но разъ увидѣвши, какъ это дѣлается, перенять легко. Тутъ волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются одинъ за другимъ: какъ скоро приходитъ къ концу одинъ волосъ, то другой впускается на его мѣсто, а кончики обоихъ обстригаются такъ плотно, что послѣ даже не примѣтно, гдѣ волосы оканчивались и гдѣ вставлялись. Сдѣланныя такимъ образомъ лесы, по окончаніи каждаго уженья и въ продолженіе зимы сохраняемыя въ сухомъ мѣстѣ, если не будутъ изорваны насильственно, могутъ служить года три и болѣе, хотя бы весною, лѣтомъ и осенью

*) То-есть: одна половина волосъ кладется комлемъ вверхъ, а другая внизъ.

удили на нихъ каждый день. Не нужно распространяться, какъ важна для охотника крѣпость лесы, которая преимущественно зависитъ отъ ея ровности. Лесы, плетеныя изъ волосъ, какъ обыкновенно заплетаются дѣвичьи косы, особенно хороши. Онѣ гораздо прочнѣе сученыхъ и витыхъ лесъ, и никогда не путаются.

Наплавокъ.

Наплавкомъ называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная палочка*), длиною и толщиною въ палецъ, изъ легкаго дерева или древесной коры осокоря, или изъ пробки, привязываемая къ лесѣ, въ какомъ угодно разстояніи отъ крючка. Величина наплавка должна зависѣть отъ толщины лесы, тяжести грузила, величины крючка и удилища. Если наплавокъ малъ — онъ тонетъ, если великъ — не встаетъ на глубинѣ, а это иногда бываетъ нужно. Наплавокъ имѣетъ два назначенія: первое, чтобы крючекъ съ насадкой плавалъ въ такомъ разстояніи отъ дна, какое нужно рыбаку, или лежалъ на днѣ, смотря по надобности; и второе, еще важнѣйшее, чтобы онъ показывалъ своимъ движеніемъ всякое прикосновеніе рыбы къ насаженному крючку, и наконецъ время, когда надобно подсѣчь (то-есть, дернуть удилищемъ лесу) и вытащить на берегъ свою добычу. Слѣдовательно, всякое легкое, плавающее на водѣ вещество, можетъ служить наплавкомъ. Наплавки приготовляются различнымъ образомъ: 1) Они вырѣзываются или выта-

*) Впрочемъ, фигура наплавка — дѣло произвольное. Я видалъ наплавки очень искусно вырѣзанные изъ осокоря, представляющіе рыбу, птицу и даже человѣка; но вообще наплавокъ бываетъ въ срединѣ толще.

чиваются изъ коры *осокори*, которая имѣетъ прекрасный темнокрасный цвѣтъ, очень легка и не намокаетъ въ водѣ. По моему это самые лучшіе наплавки. 2) Можно ихъ дѣлать изъ всякого сухаго дерева: на одинъ обвостренный конецъ маленькой палочки, въ палецъ толщиною посрединѣ, плотно надѣвается нижняя половина гусинаго пера, а въ другой, обвостренный же, втыкается маленькая изъ проволоки сдѣланная петелька для продѣванья лесы, другой конецъ которой (то-есть лесы) продѣвается сквозь колечко, вырѣзанное изъ пера и надѣваемое на перяной конецъ наплавка (колечко должно быть нѣсколько шире пера). 3) Вмѣсто дерева, можно употреблять пробку: пропускаютъ сквозь нее тоненькую, деревянную палочку и потомъ обдѣлываютъ точно такъ же, какъ наплавки 2-го разряда. Есть еще наплавки, получаемые изъ-за границы, сдѣланные изъ одного гусинаго, толстаго пера, и устроенные точно такъ же, какъ сейчасъ описанные мною наплавки, но они пригодны только для удочки наплавной, безъ грузила, ибо слишкомъ легки; притомъ толстый конецъ пера, въ которомъ утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучемъ или особенною смолою: если вода, какъ-нибудь, туда проникнетъ, то наполнитъ пустоту пера, и наплавокъ будетъ тонуть; къ тому же они не видки на водѣ. Хотя осокоревые наплавки менѣе удобны для передвиганья, ибо каждый разъ надобно распустить двойную петлю лесы, которою затянутъ наплавокъ, за то они менѣе сложны и рѣже портятся; а у наплавковъ 2-го и 3-го разрядовъ проволочныя петельки часто выдергиваются, и перяныя колечки еще чаще трескаются. Ко-

лечки надобно имѣть запасныя, но надѣвать ихъ хлопотно: должно отвязывать лесу, если крючокъ и грузило, по величинѣ своей, сквозь перяное колечко пройдти не могутъ. Можно также употреблять наплавки изъ зеленаго и сухаго камыша особой породы, мягкаго, толстаго и ноздреватаго внутри; но онъ не проченъ и невездѣ родится. Величина наплавка должна быть соразмѣрна съ цѣлымъ устройствомъ удочки, какъ я уже и сказалъ; а потому наплавокъ долженъ имѣть такую тяжесть, относительно къ этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая въ ротъ насадку крючка, не почувствовала никакого препятствія.

Грузило.

Грузиломъ называется кусочекъ металла, почти всегда свинца (ибо онъ тяжелъ и мягокъ), прикрѣпляемаго къ лесѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ крючка, для его погруженія въ воду. Грузила бываютъ разной тяжести, смотря по величинѣ всей удочки и текучей или стоячей водѣ. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки: для средней — одной, двухъ или трехъ крупныхъ дробинъ, а для самой огромной употребляютъ небольшую пулю. Прикрѣпленіе грузила изъ свинца дѣлается слѣдующимъ образомъ: берется кусочекъ свинца такой величины, какой надобно, разбивается въ длинную узенькую пластинку и навертывается на лесу или поводокъ; а чтобы грузило не передвигалось, то легкимъ ударомъ молотка, бока его сжимаются. Дробины прикрѣпляются еще простѣе: возьмутъ дробину, или пулю, разрѣжутъ ее до половины ножемъ, вложатъ въ это отверстіе лесу, и потомъ краюшки сколотятъ. Всегда надобно прикрѣплять грузило къ волосяной лесѣ повыше шелковаго поводка: ибо свинецъ скорѣе переѣдаетъ шелкъ, чѣмъ конскіе волосы. За неимѣніемъ дроби и пуль, можно сдѣлать грузило изъ всякого кусочка свинца, о чемъ сейчасъ мною сказано, наблюдая только, чтобы

фигура его была овальна: угловатое грузило скорѣе задѣнетъ за траву, или шероховатое дно. Послѣ свинца всего лучше олово, а за неимѣніемъ того и другаго, можна употребить и мѣдь и желѣзо: послѣднія привязываются иногда къ лесѣ особой ниткой.

Крючокъ.

Безъ сомнѣнія, это важнѣйшая часть удочки: весь успѣхъ уженья зависитъ отъ доброты крючка. Лучшіе крючки англійскіе. Величина ихъ различна и раздѣляется на 12 нумеровъ *). При выборѣ ихъ надобно наблюдать слѣдующее: 1) Крючокъ долженъ быть хорошо закаленъ: недокаленный будетъ разгибаться, а перекаленный — ломаться: синій цвѣтъ, признакъ доброй закалки, легко поддѣлать, и потому всего лучше каждый крючокъ попробовать погнуть рукою. Въ случаѣ крайности, лучше брать крючки недокаленные: они будутъ разгибаться немного, а перекаленные будутъ ломаться; послѣдніе никуда не годятся. 2) Сгибъ крючка долженъ быть кругловатъ, не слишкомъ глубокъ и не мелокъ, широкъ, къ острому концу немного погнутъ на-бокъ. Жало должно быть остро, длинно, смотрѣть въ сторону. Выгода первыхъ двухъ качествъ не требуетъ поясненія, но выгоду послѣдняго — для чего конецъ крючка долженъ быть погнутъ немного въ бокъ — можно узнать только изъ опыта. Если вы будете удить на двѣ одинаковыя по

*) Это раздѣленіе прежнее. Теперь насчитывается множество нумеровъ, но я хорошенько ихъ не знаю.

БИБЛИОТЕКА

величинѣ и устройству удочки, изъ которыхъ у одной жало крючка смотритъ на сторону, а у другой прямо по спинкѣ крючка, то увидите, что на вторую удочку будетъ втрое болѣе промаховъ, чѣмъ на первую. Безъ сомнѣнія, причина состоитъ въ томъ, что, при подсѣчкѣ, крючокъ съ жаломъ прямымъ удобнѣе выдергивается изо рта рыбы, не задѣвъ за какую нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто, отдѣляться и крѣпко держаться въ разсѣчкѣ: ибо она не допускаетъ крючокъ выскользнуть назадъ изо рта подсѣченой рыбы. Крючки не рѣдко ломаются въ разсѣчкѣ, если она слишкомъ глубока. 4) Крючокъ не долженъ быть толстъ. Толстый крючокъ не удобенъ, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряетъ на немъ свой натуральный видъ и сейчасъ умираетъ, и особенно потому, что крючокъ тонкій скорѣе пронзитъ губу. Еще труднѣе толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьяго рта, которая бываетъ очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мѣшаетъ живости насадки, которая обыкновенно сбивается къ низу, и верхняя часть спинки остается ничѣмъ не закрытою. Это рыбу пугаетъ, но сверхъ того, если она и возьметъ насадку въ ротъ, что̀ почти всегда дѣлается на ходу (кромѣ уженья со дна), то сейчасъ почувствуетъ твердую, не закрытую спинку крючка, и проворно выплюнетъ (выкинетъ назадъ) насадку. Въ этомъ всякій наблюдательный охотникъ можетъ убѣдиться собственными глазами, когда будетъ удить въ свѣтлыхъ водахъ. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой дол-

жны быть широки и не остры, для того, чтобы завязка поводка или волосяной лесы не обрѣзывалась и держалась крѣпко: это послѣднее условіе очень важно. Завязка часто подрѣзывается внутри непримѣтно для глаза, хотя бы заботливый рыбакъ всякій день осматривалъ свои удочки: дѣло идетъ хорошо, покуда беретъ небольшая рыба, но чуть взяла крупная, прощай и крючокъ и добыча.... Леса взвивается вверхъ, какъ будто просто сорвалась рыба, огорченный охотникъ поспѣшно достаетъ свѣжаго червя, хочетъ насадить, вмѣсто крючка видитъ перерѣзанный конецъ поводка или лесы, которымъ была она привязана.... Тутъ послѣдуютъ заключенія: „рыба была такъ велика, что поводокъ не выдержалъ, откусила щука“, и проч., а это вздоръ! При внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что длина поводка или лесы не убавилась, а что она порвалась у самаго крючка, въ самой завязкѣ.

Обращаю особенное вниманіе охотниковъ-рыбаковъ на *привязку* крючка къ поводку или прямо къ лесѣ: отъ прикосновенія къ желѣзу и мокроты, привязка, то-есть, самый узелокъ, часто переѣдается ржавчиной: для предохраненія отъ нея можно подъ привязку наматывать тонкую шелковинку, въ одинъ рядъ, но не болѣе, иначе привязка будетъ толста. Всего лучше осматривать крючки ежедневно внимательно: чуть появится желтизна около привязки — сейчасъ перемѣнить поводокъ. Хотя и волосяная леса подвергается дѣйствію ржавчины, но она долѣе ей противится.

Поводокъ.

Поводкомъ называется особый небольшой *привязокъ* къ лесѣ, къ которому уже прикрѣпляется крючокъ. Поводки бываютъ: 1) изъ тонкой проволоки, мѣдной или желѣзной; 2) изъ басовыхъ и простыхъ толстыхъ струнъ; 3) изъ спинки гусинаго пера во всю его длину, очищенную отъ мякоти, и 4) изъ шелка. Первые три рода поводковъ употребляются для уженья щукъ, ибо по множеству и остротѣ зубовъ она перегрызаетъ, иногда въ одну секунду, всякія лесы: волосяныя, нитяныя и шелковыя; а послѣдній родъ поводковъ шелковыхъ почти никто не употребляетъ. Это собственно придумано у насъ въ домѣ, однимъ старымъ рыбакомъ. Тридцатилѣтняя опытность моя и нѣсколькихъ охотниковъ, перенявшихъ эту выдумку, удостовѣрили меня въ ея несомнѣнной пользѣ. На удочку съ шелковымъ поводкомъ всякая рыба беретъ (по охотничьи: клюетъ) гораздо жаднѣе. Почти все, что было мною говорено о выгодахъ шелковой лесы, состоящихъ въ ея зыблемости, шелковый поводокъ имѣетъ въ себѣ, для чего онъ долженъ быть не короче шести вершковъ; а волосяная лѣса, къ которой онъ привязанъ, не путается и не гніетъ такъ, какъ

цѣльная шелковая: разумѣется, всякій годъ раза четыре надобно перемѣнять поводки: но это не трудно. Еще выгода: шелковымъ поводкомъ гораздо крѣпче привязывается крючокъ, чѣмъ волосяною лесою: причина очевидная: упругость волосъ. Толщина поводка зависитъ отъ толщины лесы. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводокъ, ссученный изъ шести, на среднюю изъ четырехъ, а на маленькую изъ двухъ обыкновенныхъ шелковинокъ англійскаго шелка. Здѣсь разумѣется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса въ четыре: для удочки наплавной поводокъ изъ двухъ шелковинокъ будетъ тяжелъ. Шелкъ для поводковъ лучше употреблять зеленый, ибо онъ сходенъ цвѣтомъ съ травой; но въ случаѣ нужды, годится всякого цвѣта. Хорошій шелкъ бываетъ такъ крѣпокъ, что на свѣжій поводокъ изъ *одной* шелковинки можно вытащить съ осторожностію рыбу въ пять фунтовъ; только такіе поводки, если удить постоянно, надобно перемѣнять разъ или два въ недѣлю.

Есть еще поводки, получаемые изъ-за границы, изъ индійскаго растенія или сырца-шелка съ прикрѣпленными уже крючками; они имѣютъ всѣ достоинства и пороки цѣлыхъ таковыхъ лесъ. Рыба беретъ на нихъ очень хорошо, но предупреждаю охотниковъ, чтобъ они не привязывали своихъ къ выписнымъ, волосяннымъ, поводкамъ за *петельку*, которая всегда у нихъ дѣлается, а связывали бы поводокъ съ лесою обыкновеннымъ рыбачьимъ узломъ. Индійскій волосъ на петелькѣ легко рвется, и потому я до нихъ не большой охотникъ. Я

испыталъ это, къ несчастію, много разъ. — Леса въ одинъ конскій волосъ употребляется безъ поводка. Впрочемъ, можно и вовсе не употреблять поводковъ, а привязывать крючекъ прямо къ лесѣ, что̀ и дѣлаютъ почти всѣ охотники.

Устройство удочки.

Какъ скоро всѣ части удочки у васъ будутъ изготовлены, то вамъ остается только устроить цѣлую удочку. Удочки бываютъ различной величины, смотря по своему назначенію: *маленькія* для мелкой рыбы: гольцовъ, пискарей, ершей, уклеекъ (въ Оренбургской губерніи ихъ называютъ сентявками и бѣлоглазками), ельцовъ, мелкихъ окуней и плотвы: *среднія*, болѣе другихъ употребительныя, для крупныхъ окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей: *большія* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для породъ, сейчасъ мною поименованныхъ, достигающихъ иногда огромной величины, и особенно для породъ хищныхъ: для щукъ, жериховъ, сазановъ, судаковъ, карпій и лоховъ, или *красуль*. Разумѣется, это раздѣленіе произвольно, и, если удить въ водахъ, гдѣ водятся всѣ породы рыбъ, то легко можетъ взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку: она любитъ иногда попроказить, и, не трогая большія, самыя лакомыя насадки, хватаетъ за пшеничное зернышко, кусочекъ хлѣба съ булавочную головку, или муху.... И страшно и весело бываетъ тогда рыбаку!.... Горько, когда рыба сорвется, или порветъ лесу; за то какое счастіе, если на маленькую удочку вытащитъ онъ

большаго язя, или головля! Вѣрно одно, что на большую удочку не возьметъ уже мелкая рыбка — по величинѣ насадки.

И такъ: вы берете крючокъ, привязываете къ нему поводокъ; поводокъ привязываете къ лесѣ и сейчасъ прикрѣпляете къ ней грузило; если у васъ наплавокъ съ петелькой и перомъ, то надѣваете его съ другаго конца лесы, и отмѣривши ее столько, чтобъ она была четверти двѣ, или полторы длиннѣе удилища, привязываете ее двойной петлею къ тонкому его концу, къ самой верхушкѣ; а какъ вся леса должна быть всегда гораздо длиннѣе удилища, то остальную ея часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху внизъ, и гдѣ леса кончится, тамъ привязывать ее гладенько къ удилищу восченой ниткой.

Теперь устроена у васъ удочка обыкновенная, всего болѣе употребляемая; но есть еще два рода удочекъ: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то-есть ея леса, бываетъ длиною до 8 аршинъ и болѣе; грузило ея состоитъ изъ пули и прикрѣпляется отъ $^3/_4$ до 1 аршина разстояніемъ отъ крючка, который обыкновенно берется изъ самыхъ крупныхъ нумеровъ, то есть: перваго, втораго и третьяго. — Такая удочка съ самой толстой лесой, волосъ въ тридцать, употребляется на большихъ и быстрыхъ рѣкахъ, безъ наплавка; леса привязывается къ маленькому и самому гибкому удилищу; а какъ ее нельзя закинуть обыкновеннымъ образомъ, то леса забирается кругами въ руку до самаго грузила, и такимъ способомъ крючокъ съ насадкой закидывается на большое разстояніе. Тутъ уже удилище всегда держится въ рукѣ и служитъ для указанія, что рыба взя-

ла, для подсѣчки и для того только, чтобъ уводить и утомить рыбу, по большой части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукой, или сачкомъ. По большой части такое уженье производится по ночамъ и съ лодки. Я самъ видѣлъ, какъ рыбакъ удилъ такимъ образомъ на Москвѣ рѣкѣ (въ 1827 году) огромнѣйшихъ головлей, фунтовъ по 9; онъ увѣрялъ меня, что головли иногда попадаются въ 14 фунтовъ.

Наплавная или накидная удочка устроивается изъ лесы въ два и даже въ одинъ конскій волосъ, безъ грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленькій крючокъ (№ 10, 11, 12), а она привязывается къ тонкому, легкому и гибкому удилищу. Насадка состоитъ изъ мухъ и самыхъ маленькихъ, красненькихъ червячковъ, называемыхъ *мотылями*, которыхъ я нигдѣ, кромѣ окрестностей Москвы, не видывалъ. Крючокъ почти не тонетъ, и рыба хватаетъ насадку на поверхности воды. Удить надобно на мѣстахъ быстрыхъ. Предпочтительно берутъ: ельцы, язики, головлики и уклейка. Разумѣется, удилище надобно держать въ рукѣ. Я не охотникъ ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать послѣднюю. Обыкновенно удятъ на нее съ моста, или войдя въ воду по колѣни, и глубже; въ такомъ только положеніи удобно ее закидывать по вѣтру: уженье безпокойное и требующее большаго навыка. Чувство осязанія въ рукѣ должно быть такъ развито, чтобы вѣрно указывало время подсѣчки: со всѣмъ тѣмъ на каждую рыбу придется по нѣскольку промаховъ. Подонная и наплавная — начало и

конецъ всѣхъ удочекъ. Кстати здѣсь сказать, что вообще уженье безъ наплавка мнѣ не нравится не только потому, что оно безпокойно: ибо надобно постоянно держать удилище въ рукѣ; но главное потому, что уженье безъ наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюденіе за движеніями наплавка, за различіемъ и значеніемъ этихъ движеній, ожиданіе, что сейчасъ потянетъ, или утащитъ наплавокъ, все это вмѣстѣ составляетъ наслажденіе для охотника. Притомъ, есть такого рода клёвъ, гдѣ только глазами можно различить, когда надобно подсѣчь; а если судить по силѣ дерганья (безъ наплавка же иначе судить нельзя), то будешь безпрестанно ошибаться: станешь подсѣкать не во время и пропускать настоящее мгновеніе для подсѣчки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой. — И такъ удочки у насъ готовы всѣхъ сортовъ: надобно умѣть ихъ насадить, или какъ многіе охотники говорятъ — наживить.

Насадка.

Насадкою называется все то, что̀ для приманки рыбы насаживается на острый конецъ крючка, который, если насадка велика, прячется въ ней весь. Изчисляя много-различные виды и роды насадокъ, я скажу объ умѣньѣ насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сдѣлать одно общее правило: жало крючка должно быть такъ скрыто въ насадкѣ, чтобъ его не было видно глазами и слышно осязаніемъ; чтобъ оно не укололо рта рыбы при самомъ первомъ ея прикосновеніи; но чтобъ въ то же время выходъ жала былъ свободенъ и чтобъ при подсѣчкѣ, или собственномъ движеніи рыбы (которая, взявши въ ротъ насадку, иногда вдругъ бросается въ сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутреннія части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, вездѣ находимая въ навозѣ весной, лѣтомъ, осенью, употребляемая всѣми, насадка — есть красный *навозный червь*, называемый въ низовыхъ губерніяхъ *глистою*. Только въ серединѣ лѣта рыба беретъ на него не такъ охотно. На него клюютъ всѣ породы рыбъ, кромѣ жериха и щуки, но и тѣ иногда изволятъ имъ лакомиться, особенно щука. Разумѣется, на навознаго червячка, по его мелкости, обыкновенно

беретъ мелкая и средняя рыба, но иногда хватаетъ и крупная. Краснаго червяка надобно насаживать, впуская жало въ его голову *); весь крючокъ долженъ быть въ немъ скрытъ; всего лучше, чтобы головка держалась на привязкѣ лесы, или на плечикахъ крючка, середина скрывала въ себѣ крючокъ и жало, а хвостъ изгибался на свободѣ. Такимъ образомъ червякъ, нигдѣ по бокамъ не прорванный, будетъ довольно долго живъ и сохранитъ свой натуральный видъ: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватаетъ за длинный хвостикъ; но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка не удобна: рыба схватитъ за длинный конецъ и наплавокъ утащитъ; рыбакъ дернетъ — и пол-червяка безвредно останется во рту рыбы. Разумѣется, чѣмъ меньше удочка, тѣмъ меньше насаживается червякъ. Для большой рыбы на одинъ и тотъ же крючокъ насаживаютъ по нѣскольку навозныхъ червей, даже по десятку и болѣе, прокалывая ихъ поперегъ и спрятавъ жало въ одномъ изъ червей: это называется удить на *кучу глистъ*.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный съ червякомъ навознымъ; онъ длиною бываетъ вершка въ три и даже четыре, а толщиною почти въ мизинецъ; цвѣта блѣдно-коричневаго, самые же крупные — коричневаго. Земляные черви насаживаются не совсѣмъ такъ, какъ навозные. Насадка дѣлается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы, пальца на полтора,

*) Иногда можно насаживать и съ хвоста, если мелкая рыба безпрестанно отрываетъ только одинъ хвостикъ. Особенно выгоденъ этотъ способъ насадки при уженьѣ ершей. Жало крючка скрывается тогда въ головѣ червяка.

весь крючокъ помѣстить въ остальной его части, а плечики крючка спрятать въ скважинѣ; или насаживать съ хвоста, отступя пальца на два и болѣе, острый конецъ крючка скрыть въ головѣ червяка, которая будетъ нѣсколько висѣть, а тупой — въ его серединѣ. Многіе предпочитаютъ второй способъ, утверждая, что рыба охотнѣе беретъ червяка съ головы; но я не могу вполнѣ съ этимъ согласиться. По моему замѣчанію, мелкая рыба жаднѣе беретъ червяка съ хвостика, а крупная, особенно окунь, какъ случится, а всего чаще поперекъ. Этой породы червей я не видывалъ въ Оренбургской губерніи, а здѣсь около Москвы, ихъ очень много. Удочки надобно употреблять самаго большаго размѣра. Язи, головли, лини и особенно окуни берутъ на этого червя очень хорошо; онъ имѣетъ и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогаетъ.

Есть еще глиста или червякъ, тоже земляной. Онъ отличается отъ обѣихъ породъ червей, сей-часъ описанныхъ: онъ бѣлесоватъ, очень длиненъ, но не толстъ; тѣло его прахово и легко рвется; онъ пригоденъ для насадки среднихъ удочекъ. Обѣ породы земляныхъ червей не живутъ въ навозѣ, а въ землѣ. Вторыхъ можно вездѣ найдти, а первыхъ — иногда очень трудно: въ сухое время они уходятъ глубоко въ землю, и только послѣ дождя вылѣзаютъ наружу, особенно ночью. Любимое ихъ мѣстопребываніе — рыхлыя гряды въ огородѣ: тамъ, послѣ дождя, можно запастись ими на долго; но для сбереженія, надобно держать ихъ въ большомъ глиняномъ горшкѣ, засыпавъ сверху, вершка на два, обыкновенной землей; горшокъ должно ставить въ подвалъ.

и на уженье брать червей по немногу. Такимъ образомъ можно сохранять ихъ нѣсколько дней, даже недѣлю, въ сильные жары.

3) Въ Москвѣ-рѣкѣ, въ рѣчкахъ, въ нее впадающихъ, и въ заливаемыхъ ею озерахъ, водится маленькій червячекъ, называемый *мотыль*, — вѣроятно отъ того, что, состоя весь изъ крошечныхъ суставовъ, онъ мотается во всѣ стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо, какъ скоро вы его проколете, то изъ него вытечетъ красная влага и останется одна прозрачная кожица. Не смотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькія удочки: прокалывая двухъ или трехъ поперегъ, въ четвертомъ искусно прячутъ жало. Всякая мелкая рыба клюетъ на нихъ очень охотно, именно лѣтомъ, когда плохо беретъ на червяка навознаго; но возня съ ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиною въ палецъ, длиною въ вершокъ, съ красною, жесткою головою, *бѣлый червь*, въ Симбирской губерніи называемый *сальникомъ*, а около Москвы, Богъ знаетъ почему, *угремъ*. Это гусеница навознаго жука. Онъ насаживается точно такъ же, только всегда съ головы, какъ и обыкновенный червь, съ тою разницею, что находящуюся въ нижней его части дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то онъ въ водѣ скоро весь посинѣетъ и даже почернѣетъ. На него охотно берутъ крупные язи, окуни, особенно головли. Мелкихъ же сальниковъ, называемыхъ *молошниками*, насаживаютъ не выдавливая.

Всѣ породы червей надобно сберегать въ ящичкахъ, деревянныхъ или металлическихъ, которые бы плотно

задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно имъ вредны; всего лучше такіе ящички, послѣ уженья, ставить на погребицу, или въ другое сырое и прохладное мѣсто.

5) Раки составляютъ во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы въ тѣхъ водахъ, гдѣ они водятся; въ водахъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, рыба на нихъ не беретъ, но вѣроятно можно пріучить. Обыкновенно употребляютъ облупленныя, сырыя раковыя шейки, но можно употреблять и внутреннія стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно треплетъ плотва, и гдѣ ея очень много, тамъ она выведетъ изъ терпѣнья всякаго терпѣливаго рыбака. Можно удить и на вареныхъ раковъ: рыба беретъ на нихъ хуже, но плотва не станетъ такъ сильно трепать и раздергивать эту насадку. Самый же лакомый кусокъ, на который съ жадностью бросается всякая крупная рыба, есть ракъ *линючій*. Всѣмъ извѣстно, что раки линяютъ, то-есть, перемѣняютъ свою скорлупу, лѣтомъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ *). Это время ихъ болѣзни, и потому они сидятъ въ порахъ, откуда надобно вытаскивать ихъ руками. Линючій ракъ тогда готовъ для насадки, когда можно съ него и со всѣхъ его частей, даже съ ножекъ, слупить осторожно старую жесткую скорлупу: подъ нею останется тонкая, молодая кожица, и онъ сдѣлается такъ нѣженъ и мягокъ, что самаго огромнаго рака можетъ заглотать и язь, и головль и линь, у котораго ротъ очень малъ, относительно

*) Не утверждаю, но мнѣ сказывали, что въ иныхъ мѣстахъ раки линяютъ два раза въ годъ.

его величины. Всѣ роды большихъ рыбъ, не исключая и хищныхъ, до невѣроятности жадны до линючаго рака. Онъ насаживается цѣлый, исключая клешни, которыя составляютъ особую лакомую насадку. Сначала крючокъ продѣвается сквозь середину шейки, начиная съ ея конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вонъ внизу, возлѣ первыхъ двухъ ножекъ, такъ что шейка остается продѣта поводкомъ; отступя на пол-пальца, крючокъ снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходитъ нѣсколько наружу, возлѣ рачьихъ глазъ. Поводокъ легонько выправляется, и ракъ получаетъ свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно дѣлать очень искусно: если вы прорвете гдѣнибудь молодую кожу, и жидкая внутренносъ рака выдетъ наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчасъ начнетъ щипать за прорванное мѣсто и совершенно испортитъ вашу насадку.

Клещенки или клешни у крупныхъ раковъ отрываютъ у самаго туловища, во всю ихъ длину, не повредивъ нигдѣ ни маленькаго кончика, очищаютъ отъ старой кожи и также осторожно насаживаютъ съ верхняго узкаго конца на крючокъ, который прячется въ самой клешнѣ при ея раздвоеніи: она расправляется на поводкѣ и имѣетъ видъ вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно беретъ рыба средней величины и даже крупная.

Если линючій ракъ уже прорванъ, то можно насаживать его по частямъ, то-есть: шейку особо, туловище разрѣзать вдоль пополамъ и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадкѣ общее

правило. Эти половинки рачьяго туловища покрыты съ внутренней стороны какимъ-то мохомъ; большіе окуни жадно берутъ на нихъ. Уженье на такую насадку называется „уженьемъ на *рачій мошокъ*.“ Всѣ раковыя насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавокъ не совершенно спокоенъ: онѣ легко портятся отъ прикосновенія мелкой рыбы, то есть, жало крючка высовывается наружу.

Раковъ всего лучше имѣть живыхъ; но какъ это не всегда возможно (впрочемъ, раки живутъ безъ воды дня два и три), то надобно очистить шейки и сохранять ихъ въ жаркое время на льду.

б) *Печеный хлѣбъ и хлѣбныя зерна*. Ржаной хлѣбъ, мягкій, умятый руками до степени липкаго тѣста, скатанный нѣсколько кругловатыми шариками, составляетъ также весьма употребительную насадку, особенно у крестьянъ, живущихъ по рѣкамъ изобильнымъ рыбой. Величина шариковъ бываетъ различная, смотря по величинѣ крючка и рыбы, какую желаешь поймать: отъ мелкой горошенки до небольшаго грецкаго орѣха. Всего охотнѣе беретъ на хлѣбъ плотва, но беретъ также и всякая другая рыба, исключая породъ хищныхъ, также ершей и гольцовъ. Хлѣбная насадка, кромѣ удобства ея приготовленія, имѣетъ двѣ выгоды: а) клёвъ на нее вѣрнѣе, ибо круглый кусочекъ хлѣба нельзя таскать съ мѣста на мѣсто безнаказанно, какъ это часто дѣлаетъ рыба съ хвостомъ насаженнаго червяка; и б) отъ васъ зависитъ, насадивъ большой кусокъ хлѣба, величиною съ грецкій небольшой орѣхъ, защитить тѣмъ себя отъ дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего

нельзя сдѣлать ни съ шейкой нелинючаго рака, ни съ червякомъ. Можно удить на ситный и бѣлый хлѣбъ, но ржаной болѣе имѣетъ запаха, и рыба охотнѣе беретъ на него.

Хлѣбныя зерна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы, употребляются предварительно распаренныя въ горячей водѣ, отчего они дѣлаются крупными, мягкими и удобными для протыканія жаломъ крючка. Насаживаютъ по одному зерну, по два и по три, смотря по ихъ мягкости, величинѣ и по рыбѣ. Тутъ особенно надобно наблюдать, чтобы остріе крючка выходило свободно. На зерна преимущественно ловится рыба заранѣе прикормленная. Рыба беретъ всякая, кромѣ породъ хищныхъ, и даже весьма крупная.

7) *Живецъ, животка,* или мелкая, живая рыбка. На мелкую рыбку беретъ окунь, щука, шересперъ или жерихъ, судакъ и головль. На рыбку беретъ охотно и налимъ, но только по ночамъ; на маленькіе кусочки изрѣзанной рыбки, поздно осенью, клюетъ плотва красноперка. Рыбку обыкновенно насаживаютъ, впуская въ ея спинку острый конецъ крючка, отъ головки къ хвостику. Многіе охотники задѣваютъ крючкомъ за губу живца, и утверждаютъ, что этотъ способъ гораздо лучше, что насаженная такимъ образомъ рыбка ходитъ бойчѣе, долѣе живетъ и лучше приманиваетъ хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менѣе правда и то, что рыбка, задѣтая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватитъ ее не самая крупная хищная рыба и не вдругъ всю заглотаетъ. Для насадки употребляются всѣ породы рыбъ, кромѣ хищныхъ; въ случаѣ крайности

можно и ихъ употреблять, разумѣется, покуда онѣ очень малы; пискари же, гольцы и лошки во всѣхъ своихъ возрастахъ служатъ превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что довольно трудно. Самый простой способъ — держать ее въ ведрѣ съ водою, которую перемѣнять какъ можно чаще, а всего лучше, въ маленькой плетеной сажалкѣ, которая можетъ подлѣ васъ стоять, или плавать въ водѣ: но переносить эту сажалку съ мѣста на мѣсто неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи.* Всѣ роды кобылокъ употребляются для уженья: отъ саранчи до кузнечика. Всего охотнѣе, какъ мнѣ случалось замѣтить, беретъ крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая — на сѣренькую, очень маленькую. Удить надобно съ легкимъ грузиломъ и не рано, а около полденъ, когда рыба гуляетъ по верху. Можно даже совсѣмъ снять грузило и пустить наплавокъ какъ можно мельче, иногда вершка въ два, въ три глубиною, обращая такимъ образомъ обыкновенную удочку въ наплавную. Всѣ породы насѣкомыхъ насаживаются однимъ способомъ: крючокъ впускается въ спинку отъ головки къ хвостику. Этотъ родъ уженья бываетъ успѣшнѣе въ водахъ чистыхъ и довольно быстро текущихъ, особенно въ рѣкахъ *степныхъ*, потому что въ степяхъ болѣе водится кобылки, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и рыба привыкла къ ней, часто попадающей въ воду.

Жуки употребляются для уженья, такъ называемые *майскіе*, но въ средней полосѣ Россіи они появляются въ іюнѣ и держатся до половины іюля, и потому напрасно называются майскими. На нихъ берутъ язи и головли. При насадкѣ ихъ надобно наблюдать, чтобы

верхнія, жесткія крылышки были приподняты и изъ-подъ нихъ торчали ихъ вторыя крылья, длинныя, мягкія и прозрачныя. Нѣкоторые охотники даже отрываютъ верхнія, жесткія крылья.

Обыкновенныя *мухи* составляютъ лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно беретъ на нихъ съ весны до осени, на удочку наплавную или накидную: изрѣдка беретъ рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякія насѣкомыя, употребляемыя для насадки, были свѣжія, живыя: для чего слѣдуетъ ихъ наловить передъ самымъ уженьемъ и посадить въ чистый, сухой, стеклянный пузырекъ, потому что въ мокромъ, или имѣющемъ какой-нибудь запахъ, онѣ тотчасъ перемрутъ.

Можно удить на коромысловъ, бабочекъ, летучихъ таракановъ, однимъ словомъ, на всѣхъ насѣкомыхъ и даже на улитокъ (слизней). Удятъ также всякую крупную и хищную рыбу на кусочки сыраго мяса.

Я не употреблялъ самъ, но слыхалъ, что насаживаютъ крючки *«зеленью»*, то есть водянымъ цвѣтомъ, когда онъ сдѣлается довольно густъ.

За неимѣньемъ другой насадки, случилось мнѣ одинъ разъ (на рыбной рѣкѣ *Демъ*, въ Оренбургской губерніи) попробовать насадить крючокъ кишечкой кулика, и рыба брала всякая!... Я пробовалъ тоже раза два въ другихъ мѣстахъ, и всегда съ успѣхомъ. Я ловилъ мелкую рыбу, потому что удилъ на тонкія кишечки, а на толстыя, можетъ быть, брала бы и крупная рыба.

И такъ у насъ готовы, не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать мѣста для уженья.

О выборѣ мѣста.

Если вы случайно заѣдете, или постоянно живете на такой мѣстности, гдѣ на рѣкѣ есть мельница и прудъ — спѣшите туда: тамъ найдете вы самое разнообразное уженье и приволье въ выборѣ мѣста, о чемъ я буду говорить ниже. Я долженъ признаться, что пристрастенъ къ запруженной рѣкѣ. Видъ пруда и мельницы, стукъ ея снастей, шумъ падающей воды — приводятъ въ тихое и сладкое волненіе душу стараго рыбака. Чѣмъ-то дорогимъ прошедшимъ глядятъ воды и водяныя травы, шумятъ вертящіяся колеса, дрожитъ мельничный амбаръ и пѣнятся кипящія подъ нимъ волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанныя прохожими, помольцами и хозяевами, переходы черезъ воду изъ жердочекъ — все говоритъ о чемъ-то давно знакомомъ, близкомъ сердцу. Гдѣ мельница — тамъ и рыба. Прудъ ея — притонъ и гульбище! Тамъ много всякой пищи, тамъ привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешкѣ. Около мельницы, во всѣ времена года, во всякую пору дня, охотникъ найдетъ и достанетъ рыбу. Въ раннюю весну, въ позднюю осень, въ дурную погоду — она держится больше въ материкѣ, въ верховьяхъ пруда; въ теплое время, въ лѣтніе жары —

она гуляетъ по полямъ, въ травахъ и камышахъ; въ холодное ненастье — жмется по теченію материка къ теплой навозной плотинѣ: но особенно любитъ она держаться въ ямахъ, подъ спусками вешняка или подъ водяными колесами. Напрасно низвергающійся потокъ относитъ назадъ стаи мелкихъ рыбокъ: онѣ сторонкой безпрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищныя породы рыбъ хватаютъ мелюзгу, обезсиленную борьбою съ стремленіемъ воды. Рыбакъ вскарабкается на мокрый лежень, на которомъ тяжело ходитъ мельничный валъ, и подъ навѣсомъ водяныхъ трубъ, обросшихъ зеленымъ мохомъ, подъ каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своемъ мѣстѣ при каждомъ оборотѣ колеса — бросаетъ удочку, насаженную червякомъ, или всего лучше рыбкой, въ самую быстрину, въ волны и пѣну — и таскаетъ жадныхъ окуней и небольшихъ щукъ.... Но сказавъ о мельницѣ, какъ о выгодномъ мѣстѣ въ частности, обращаюсь къ выбору мѣстъ для уженья вообще.

Выборъ мѣстъ бываетъ различенъ не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще нѣсколько мутна, рыба бродитъ зря, какъ говорятъ охотники, и клюетъ вездѣ, на всѣхъ глубинахъ: ибо берега рѣкъ еще не опредѣлились, не заросли по мѣстамъ густою осокой, аиромъ или камышомъ; еще не поднялись со дна водяныя травы, не всплыли лопухи; береговыя деревья и кусты не одѣлись листьями, не покрыли прозрачныя воды тѣнью зеленаго навѣса, маня рыбу пищею во всякое время, и прохладою въ полдень.

При раннемъ весеннемъ уженьѣ, которое можетъ

иногда начинаться въ исходѣ апрѣля, когда въ рѣкахъ еще много воды и онѣ бѣгутъ быстрѣе обыкновеннаго — надобно грузило прибавить, чтобы крючокъ опускался какъ можно глубже, потому что удить приходится въ *натяжку*, то-есть, леса стремленіемъ воды будетъ натягиваться, и крючокъ не будетъ касатся дна, а это весной необходимо. Рыба жмется обыкновенно ко дну, къ берегамъ, особенно крутымъ, гдѣ теченіе потише. Мѣста надобно выбирать не мелкія и не слишкомъ глубокія; крючокъ съ насадкой червя навознаго, или земляннаго (на хлѣбъ удить на быстрякахъ не удобно) отъ сильнаго теченія будетъ прибивать къ берегу, и потому должно такъ класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтобъ леса и наплавокъ не ложились на него; въ противномъ случаѣ они станутъ, при подсѣчкѣ, задѣвать за берегъ, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку съ набѣга, сейчасъ встрѣтитъ упоръ отъ задѣвшей лесы или наплавка и сейчасъ броситъ крючокъ, да и подсѣчка никогда не можетъ быть вѣрна: ибо рука охотника встрѣтитъ такое же препятствіе, и подсѣчка не можетъ сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсѣмъ слила и не просвѣтлѣла, трудно достать раковъ, насѣкомыхъ еще никакихъ нѣтъ, и потому единственная насадка — черви; но какъ скоро рѣка войдетъ въ *межéнь* и образуются тихія мѣста, то на нихъ всякая нехищная рыба очень охотно станетъ брать на хлѣбъ.

Въ рѣкахъ не запруженныхъ, текущихъ вольно, собственною массою воды, обыкновенно выбираютъ для уженья *омуты*, то-есть глубокія мѣста, гдѣ вода вдругъ

теряетъ свою быстроту, падая въ яму; потомъ завертывая назадъ около берега, она встрѣчается съ верхнею, текучею струею, борется съ нею и наконецъ теряетъ свое стремленіе: изъ этой борьбы образуется тишина; въ такихъ тихихъ омутахъ постоянно держится рыба.

Лѣтомъ надо выбирать глубину умѣренную, дно песчаное, или хрящеватое (то есть, состоящее изъ мелкихъ каменьковъ), идущее отъ берега покато и отлого въ глубину; на такихъ мѣстахъ хорошо удить рано утромъ и поздно вечеромъ. Еще лучше, если вода аршина на два отъ берега проросла травою и накрылась ея листьями, какъ бы зеленымъ ковромъ. Тутъ много выгодъ для охотника. Тутъ есть для рыбы и пища и защита отъ яркаго солнца; а главное тутъ не видно рыбака, сидящаго на берегу, и ловко ему положить свои длинныя удилища на травянистую ткань. Глубокія мѣста, обросшія круглыми, какъ тарелки, зелеными лопухами, представляютъ тѣ же выгоды. Мѣста, гдѣ деревья зелеными вѣтвями своими наклонились надъ водою, гдѣ гибкіе кусты омываютъ длинные листья свои въ прозрачныхъ струяхъ, тихо рощущихъ отъ ихъ прикосновенія, — благонадежны для уженья не очень ранняго и не очень поздняго: ибо въ это время рыба, уже поднявшись со дна, ходитъ на умѣренной глубинѣ и очень любитъ держаться около зелени листьевъ. Охотники хорошо это знаютъ, и на рѣкахъ и озерахъ, берега которыхъ совершенно голы, прибѣгаютъ къ хитрости, устроиваютъ искусственную зелень: срубаютъ вершину какого-нибудь молодаго дерева (если оно мало, то два и три) или цѣлый кустъ тальнику, вербы, выбираютъ удобное для

уженья мѣсто, и кладутъ ихъ на воду, погрузивъ до половины и воткнувъ нижніе заостренные концы въ берегъ. Мелкая рыба не замедлитъ броситься къ зеленымъ листьямъ, а за ней придетъ и крупная. Дни въ два рыба привыкнетъ держаться около кустовъ, которые, впослѣдствіи, когда листья поблекнутъ, можно перемѣнять по ночамъ. Также поступаютъ и на большихъ рѣкахъ, гдѣ удятъ съ лодки, привязавъ къ ней связку вершинъ древесныхъ, или кустъ. Если мѣсто не такъ глубоко, то лодка стоитъ на *приколѣ*, то-есть, привязанная къ длинному колу, воткнутому во дно; если же глубоко, то лодка держится на веревкѣ съ камнемъ, опущеннымъ на дно.

Осенью, для уженья крупной рыбы, по утрамъ и вечерамъ, надобно выбирать самыя глубокія мѣста; но около полудня, рыба уже не прячется отъ солнечнаго зноя, какъ лѣтомъ подъ траву, кусты, тѣнь нависшихъ береговъ и даже тѣнь мостовъ; напротивъ обрадовавшись теплотѣ солнечныхъ лучей, она стаями выплываетъ на поверхность воды, хватаетъ падающіе на нее увядающіе листья и всякихъ насѣкомыхъ. Тутъ надобно удить какъ можно мельче и предпочтительно на всякихъ насѣкомыхъ.

Есть осеннее уженье „нахлыстомъ,“ какъ выражаются рыбаки, котораго мнѣ не довелось испытать, — но которое, говорятъ, бываетъ очень удачно. Оно особенно выгодно и пріятно потому, что въ это время, другими способами уженья, трудно добывать хорошую рыбу; оно производится слѣдующимъ образомъ: въ маленкую рыбачью лодку садятся двое; плывя по теченію рѣки, одинъ тихо правитъ весломъ, держа лодку въ разстояніи двухъ-трехъ сажень

отъ берега; другой безпрестанно закидываетъ и вынимаетъ наплавную удочку съ длинной лесой, насаженную червякомъ, кобылкой (если онѣ еще не пропали), или мелкой рыбкой; крючокъ бросается къ берегу, къ травѣ, подъ кусты и наклонившіяся деревья, гдѣ вода тиха и засорена падающими сухими листьями: къ нимъ обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватаетъ насадку на ходу. Вѣроятно, вмѣстѣ съ сухими листьями падаютъ въ воду какія-нибудь насѣкомыя, и потому паденіе листьевъ привлекаетъ рыбъ. Я много разъ самъ наблюдалъ, какъ хватаетъ рыба упавшіе листья и уноситъ въ глубь: нѣкоторые листочки всплываютъ, а другіе пропадаютъ; можетъ быть, рыба глотаетъ тѣ изъ нихъ, которые еще зелены. Въ тихое время и на тихой водѣ, въ верховьяхъ прудовъ, гдѣ материкъ стоитъ наравнѣ съ берегами обросшими лѣсомъ, листья застилаютъ воду иногда такъ густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючокъ съ насадкой будетъ лежать налистьяхъ; разумѣется, надобно добиться, чтобы крючокъ опустился и наплавокъ всталъ; удить надобно всячески, то-есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда беретъ очень высоко, подъ самыми листьями, а иногда со дна. Это уженье имѣетъ одну невыгодную сторону: въ листьяхъ трудно разглядѣть наплавокъ; но за то рыба охотно и смѣло беретъ подъ лиственнымъ покрываломъ, и прозрачность осенней воды въ этомъ случаѣ помогаетъ успѣшному уженью: ибо рыба издалека видитъ упавшую въ воду насадку, а человѣка не видитъ. Берутъ по большой части окуни, средніе головли, язи и крупные ельцы. Впрочемъ, можетъ

взять и всякая рыба. Пріятность этого уженья состоитъ въ томъ, что оно спокойно и что въ позднее осеннее время нельзя въ другихъ мѣстахъ выудить никакой порядочной рыбы, кромѣ хищной; а изъ подъ листьевъ мнѣ случалось выуживать хорошихъ язей, головлей и очень крупную плотву: послѣдняя брала на хлѣбъ, а первые на крупныхъ земляныхъ червей.

Во всякое время года выгодны для уженья *перекаты* (мелкія мѣста рѣки), устья впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ, ямы, выбитыя паденіемъ воды подъ мельничными колесами и вешняками. Перекаты, — проходное мѣсто рыбы, переплывающей изъ одного омута въ другой, скатывающейся внизъ, когда вода идетъ на убыль, и стремящейся вверхъ, когда вода прибываетъ, — перекаты всегда быстры, слѣдовательно удить надобно со дна и съ тяжелыми грузилами. Теченіе воды будетъ тащить и шевелить насадку на крючкѣ и проходящая рыба станетъ хватать ее.

При устьяхъ впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ всегда держится мелкая рыбешка, а около нея держатся всѣ породы хищныхъ рыбъ: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, не смотря на свою нехищную, по видимому, породу, очень охотно глотаютъ маленькихъ рыбокъ. Въ глубокихъ ямахъ, выбиваемыхъ паденьемъ полой воды подъ вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Подъ шумомъ воды, падающей съ мельничныхъ колесъ, также всегда стоитъ рыба, хотя и не такъ крупная.

Изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, что только въ мѣстахъ, мною изчисленныхъ, должна клевать рыба.

Гдѣ есть вода, тамъ она можетъ плавать, слѣдственно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и не рѣдко клёвъ ея бываетъ такъ прихотливъ, что приводитъ въ недоумѣніе опытнаго рыбака.

До сихъ поръ мы говорили о рѣкахъ. О выборѣ мѣстъ въ небольшихъ рѣчкахъ и ручьяхъ, гдѣ ловится на удочку форель (пеструшка), кутема и лохъ, нечего сказать особеннаго: такія мѣста, то-есть небольшіе омуточки или ямки, перемѣняются безпрестанно, и объ этомъ будетъ сказано въ статьѣ объ уженьѣ форели. Выборъ мѣстъ для уженья въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ травою и камышами, имѣетъ свои особенности. Уженье въ ихъ материкѣ (материкомъ называется русло настоящей рѣки) есть уженье рѣчное. Тутъ нѣтъ выбора мѣстъ, зависящаго отъ положенія береговъ, ибо вода затопила ихъ и стоитъ выше земной поверхности на аршинъ, иногда и болѣе; тутъ надобно знать положеніе дна, замѣтивъ его при спускѣ полой воды, или, если этотъ прудъ вамъ незнакомъ, ощупавъ дно рыбачьимъ лотомъ: лотомъ называется маленькая гиря или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурокъ Отлогое дно, идущее отъ берега въ глубину, твердое, не заросшее травою, не имѣющее задѣвовъ, безъ сомнѣнія, есть самое лучшее мѣсто: но здѣсь уженье производится уже съ лодки, или съ нарочно устроенныхъ для того мостковъ или плота. Для уженья *въ полояхъ,* то-есть въ разливѣ пруда, проросшаго травой и камышами, какъ это особенно бываетъ въ губерніяхъ черноземныхъ, надобно выбирать мѣстечки поглубже, не заросшіе травой или камышомъ. Лѣтомъ вся рыба бросается туда и полои дѣлаются

единственнымъ и обильнѣйшимъ мѣстомъ для уженья, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Въ озерахъ, если берега ихъ обросли травою и кустами, выборъ мѣстъ для ловли удочкой во многомъ сходенъ съ выборомъ мѣстъ въ рѣкѣ. Въ копаномъ прудѣ берега и дно вездѣ одинаковы, и потому можно удить, гдѣ угодно. Впрочемъ, всегда надобно соображаться съ привычками самой рыбы: гдѣ она больше держится, тамъ и удить. Опытъ лучшій указатель въ этомъ дѣлѣ.

Мѣста для уженья получаютъ особенныя достоинства отъ прикормки.

Прикормка.

Прикормкою называются бросаемые въ воду хлѣбъ, хлѣбныя зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что̀ ѣстъ рыба. Много есть рыбаковъ-охотниковъ, которые цѣлый вѣкъ удятъ безъ прикормки и даже не находятъ въ ней большой пользы, но послѣднее несправедливо: прикормка дѣло великое, и не только доставляетъ обильнѣйшій ловъ, но даетъ возможность выуживать рыбу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ прикормки вы бы никакъ ее не выудили, и въ такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумѣется, мы говоримъ о прикормкѣ постоянной, которую хорошо приготовлять слѣдующимъ образомъ: берутся хлѣбныя зерна ржи, овса, пшеницы, или какія есть; прибавляются отруби, корки ржанаго хлѣба, особенно пригорѣлыя (рыба далеко слышитъ ихъ запахъ), все это кладется въ чугунъ, наливается водой и ставится въ жаркую печь, сутки на двое, такъ чтобы совершенно разопрѣло.

Прикормки бываютъ *временныя и постоянныя*. Временною прикормкою мы называемъ бросанье оной во время уженья, или съ вечера наканунѣ, или передъ самымъ уженьемъ. Можно бросать и червей, и раковъ, разщипанныхъ въ куски. Постоянною называется опу-

щеніе въ воду, на самое дно, мѣшка съ прикормкою, сейчасъ мною описанною: величина мѣшка произвольная, но весьма достаточно, если онъ будетъ четверти $2^1/_2$ въ длину и $1^1/_2$ въ ширину. Мѣшокъ долженъ быть сшитъ изъ рѣдинки, такъ чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна мѣстами высовывались. Мѣшокъ съ такою прикормкою, съ камнемъ для тягости, привязанный на веревочкѣ, опускается на самое дно въ избранномъ для уженья мѣстѣ. Мѣшокъ надобно класть не далеко отъ берега, такъ чтобы удочки ходили около него впереди, для того, чтобы подходящая къ прикормкѣ рыба прежде встрѣчала насаженные крючки. Мѣшокъ долженъ быть привязанъ шнуркомъ къ маленькому колышку, который втыкается въ берегъ, или подъ берегъ, такъ чтобы его нельзя было и примѣтить никому, и чтобы только хозяинъ могъ его отыскать. Шнурокъ нуженъ, во-первыхъ для того, чтобы въ случаѣ надобности можно было перенести мѣшокъ съ прикормкою на другое мѣсто; и во-вторыхъ для того, что если вы задѣнете за него удочкой, то можете вытащить мѣшокъ, и крючокъ отцѣпить, а безъ шнурка вы оторвали бы его. Задѣть можно при всей осторожности: сама рыба натащитъ. Мнѣ случилось одинъ разъ зацѣпить крючкомъ за мѣшокъ; я вытащилъ его посредствомъ шнурка, и нашелъ, пришпиленную къ нему крючкомъ моей удочки, плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать съ недѣлю, прежде чѣмъ начнется уженье; очень полезно, сверхъ того, побрасывать всякій день прикормки особо, горсти по двѣ, по утрамъ или вечерамъ. Если сдѣлать такую

прикормку съ весны, сейчасъ, какъ сольетъ вода, покуда не выросла трава около береговъ и на днѣ рѣки, пруда или озера, и не развелись водяныя насѣкомыя, слѣдственно въ самое голодное для рыбы время, то можно такъ привадить рыбу, что хотя она и высосетъ прикормку изъ мѣшка, но все станетъ приходить къ нему, особенно, если поддерживать эту привычку ежедневнымъ бросаньемъ прикормки въ одно и тоже время: разумѣется, уже въ это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имѣетъ еще ту выгоду, что менѣе приманиваетъ мелкой рыбы чѣмъ временная.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только можно, но и должно на *то* удить, *чѣмъ* прикормлена рыба, то-есть: на хлѣбъ и на распаренныя хлѣбныя зерна: но охотники рѣдко выдерживаютъ такую послѣдовательность и спѣшатъ предложить дорогимъ гостямъ вкуснѣйшія и любимѣйшія ими кушанья, какъ-то червей, раковъ и др. Въ оправданье охотниковъ можно сказать то, что на хлѣбъ и зерна нѣкоторыя породы рыбъ, особенно хищныхъ, совсѣмъ не берутъ: за что же рыбакъ добровольно лишитъ себя возможности ихъ выудить, лишится разнообразія добычи, столь пріятнаго всякому охотнику?

Дѣлаются хлѣбныя прикормки съ конопляным маслом, съ сыромъ: пришиваютъ къ мѣшку, завернувши въ тряпочку, маленькіе кусочки бобровой струи (даже привязываютъ ихъ къ крючкамъ): все это я пробовалъ, но никакой особенной пользы не видѣлъ; хлѣбомъ же, или квасною гущею съ конопляным маслом, по моему замѣчанію, скорѣе можно отвадить рыбу; я два раза испыталъ это очевидно на карасяхъ. Я увѣренъ, впро-

чемъ, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имѣетъ силу непремѣнно собрать ее въ одно мѣсто: но покуда еще не сдѣлано этого важнаго открытія.

Хотя послѣ всего, мною сказаннаго, нельзя оспаривать, что постоянная прикормка очень выгодна для уженья: но, повторяю, есть охотники, которые предпочитаютъ уженье безъ прикормки. „Что за удовольствіе говорятъ „они, поймать рыбу, которая посредствомъ долговремен„ной привычки сдѣлалась почти ручною, приваженною „ѣсть кормъ, безъ всякаго опасенія, въ извѣстное время, „какъ дворовая птица? Тутъ пропадаетъ искусство удить. „тутъ почти равняется умѣющій съ неумѣющимъ рыба„комъ; тутъ не нужны ни трудъ, ни забота, ни безсон„ныя ночи. Нѣтъ, изучить, отгадать мѣстопребываніе, „свойство и вкусъ осторожной, пугливой, вольной рыбы, „привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь „ея прикосновеніе къ крючку—вотъ въ чемъ наслажденіе „рыбака! Одна такая рыба стоитъ десяти прикормлен„ныхъ!“ Не смотря на то, что я много уживалъ съ прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ея выгоды, я долженъ признаться, что въ возраженіи противъ нея—много правды, если смотрѣть на уженье только съ его поэтической стороны.

Объ умѣньѣ удить.

Нѣтъ, кажется, ничего проще, какъ взять удочку, насадить червячка или кусокъ хлѣба, закинуть въ воду, и когда погрузится наплавокъ, вытащить рыбу на берегъ. Все это правда, а не менѣе того и то правда, что существуетъ большое умѣнье удить рыбу. Для пріобрѣтенія вполнѣ этого умѣнья, надобно много опытности и даже нѣкоторыхъ особенныхъ способностей. Напримѣръ, нужны: ловкость въ рукахъ и искусство сохранять натуральный видъ червяка, рака и насѣкомыхъ, насаживаемыхъ на крючокъ; острое зрѣніе для наблюденія за движеніями наплавка, иногда едва примѣтными и вовсе не понятными для непосвященнаго въ таинство уженья; нужно не развлекаемое вниманіе, ибо клёвъ рыбы, смотря по временамъ года и по насадкѣ, безконечно разнообразенъ; нужны смѣтливость и догадка.... Вы уже смѣетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу изчислять всѣ качества, необходимыя ружейному охотнику, о которыхъ напечатано въ *„Совершенномъ егерѣ,“* и дойду наконецъ до *„острыхъ, прямыхъ зубовъ“?* Хотя ихъ не худо имѣть каждому человѣку, но я скажу вамъ нѣчто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изученіе нравовъ рыбъ, а это самое трудное и

темное дѣло, хотя рыбы живутъ и въ прозрачныхъ чертогахъ. Нравы ихъ должно отгадывать; данныхъ очень немного, и потому надобно имѣть и проницательность, и соображеніе, а сколько труда, безпокойства!... Вечерняя и утренняя заря—наилучшее время для наблюденія нравовъ рыбъ, относительно ихъ пищи, а лѣтомъ, какъ говорится заря съ зарей сходится.... и такъ наблюдателю немного часовъ останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумалъ спросить меня, хотя ради шутки: что̀ я разумѣю подъ словами *„нравы рыбъ“*? то я отвѣчалъ бы, что подъ этими словами я разумѣю вообще природныя свойства рыбъ, то-есть: въ какихъ водахъ преимущественно любятъ жить такія-то породы рыбъ, что̀ составляетъ ихъ любимую пищу, въ какое время года и въ какое время дня держится рыба въ такихъ-то мѣстахъ, и проч., и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаемъ эту любопытную сторону натуральной исторіи въ *жизни* обитателей водъ. Все, что̀ мнѣ случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не вѣрно. Разсказы рыбаковъ по ремеслу, которые, впрочемъ, рѣдко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно могутъ быть очень полезны; но эти люди часто смотрятъ съ отвращеніемъ на свое ежедневное, трудовое занятіе, работу, доставляющую имъ скудный кусокъ насущнаго хлѣба. У нихъ нѣтъ любви къ своему дѣлу, слѣдовательно, не можетъ быть вниманія и наблюдательности образованнаго человѣка; но повторяю, что разсказами ихъ очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породѣ рыбъ отдѣльно, я скажу все то немногое,

что̀ знаю о ихъ нравахъ, также о клёвѣ и способахъ удить. Предупреждаю моихъ читателей, что хотя все мною сказанное будетъ совершенная правда, но легко можетъ оказаться неудачнымъ и даже безуспѣшнымъ въ исполненіи. Не только въ разныхъ водахъ у однѣхъ и тѣхъ же породъ рыбъ бываютъ разные вкусы и свойства, но въ одной и той же рѣкѣ нравы ихъ измѣняются съ теченіемъ времени. Вѣроятно это зависитъ отъ измѣненія свойствъ воды, береговъ, дна и обыкновеннаго рыбьяго корма. Напримѣръ: отъ усиленнаго народонаселенья, скотоводства, постройки мельницъ, вода дѣлается мутнѣе и теплѣе; берега теряютъ обростающія ихъ прежде травы, въ разливахъ прудовъ выростаютъ новыя, свойственныя только водѣ мелкой и запруженной: породы рыбъ отчасти замѣщаются другими; рыба отъ сытнаго корма дѣлается не такъ жадна, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется ея клёвъ. И такъ мнѣ остается сказать только объ однихъ общихъ правилахъ относительно умѣнья удить.

Первое). Важнѣйшее дѣло въ умѣньѣ удить—умѣнье хорошо устроить удочки; объ этомъ уже было говорено, но я повторю вкратцѣ: удилище должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсѣчки, конецъ его гибокъ; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будетъ свиваться, наплавокъ станетъ вертѣться, крючокъ съ насадкою приподниматься къ верху, и если въ этомъ положеніи возьметъ рыба, то, по большой части, случится промахъ. Это несносно на уженьѣ, и даже пугаетъ рыбу; такую лесу или надобно разсучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми

поводокъ привязанъ къ лесѣ и крючку, должны быть не велики, безъ махровъ; поводокъ долженъ идти отъ внутренней стороны крючка: крючокъ — хорошо загнутый, всегда острый: какъ скоро жало притупляется, сейчасъ перемѣнить крючокъ *): насадка свѣжая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмѣрна въ своихъ частяхъ, красива, даже изящна. Такая удочка— большая порука за успѣхъ.

Второе). Не менѣе важно умѣть пользоваться благопріятною погодою и временемъ дня. Самые драгоцѣнные часы для уженья—раннее утро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время рыба голоднѣе, беретъ охотнѣе и смѣлѣе; потому что вода еще не такъ прозрачна, и что отъ того рыба заклевываетъ вѣрнѣе. Вечеромъ также рыба беретъ охотнѣе, чѣмъ въ продолженіе дня, особенно поздно вечеромъ: тогда и крупная рыба начнетъ смѣло ходить около береговъ, даже на мѣстахъ очень чистыхъ и мелкихъ, и хотя рыба ѣстъ во всякое время дня, но вечеромъ она жаднѣе ищетъ корма. Чѣмъ жарче погода, тѣмъ надобно удить ранѣе: среди лѣта, въ ясные знойные дни, едва блеснетъ бѣлая полоса на востокѣ, охотникъ долженъ быть на мѣстѣ уженья: мы разумѣемъ уженье крупной рыбы, и особенно на прикормленномъ мѣстѣ; покуда рыбакъ броситъ прикормку, разовьетъ и насадитъ старательно удочки, уже займется заря, начнутъ выскакивать пузыри со дна на поверхность воды отъ идущей со всѣхъ сторонъ рыбы, и клёвъ на-

*) Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда въ удилище, что дѣлается весьма часто

ступаетъ немедленно. Онъ не продолжается долго, часовъ до шести. Какъ только солнце хорошенько обогрѣетъ и лучи его поглотятъ утреннюю прохладу, ступайте на другое мѣсто удить среднюю, или мелкую рыбу, или ступайте съ своею добычею домой и ложитесь спать. Въ дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить такъ рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти цѣлый день.

Третье). Весьма также важно знать, въ какихъ мѣстахъ, въ какое время года и въ какую погоду держится рыба. Можно получить объ этомъ нѣкоторое понятіе, прочтя все написанное мною; но узнать настоящимъ образомъ этого нельзя по одному описанію; тутъ необходимо знаніе опытное, собственное наблюденіе. Иногда мѣсто и время кажется очень хорошо, со всѣми выгодами, а рыбы нѣтъ, или она не беретъ; иногда совсѣмъ на оборотъ: рыба клюетъ и въ дурное время и на плохихъ мѣстахъ. Никакъ нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимыя мѣста, по видимому безъ всякой причины, Самые благопріятные дни для уженья—дни теплые, сѣрые, съ перепадающими дождями и особенно тихіе: при одномъ только уженьѣ окуней и плотвы даже сильный вѣтеръ бываетъ иногда полезенъ. Въ знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечеромъ (о полдневномъ уженьѣ поговорю особо); но въ сѣрые, съ перепадающими дождями дни можно удить цѣлый день. Хотя иногда набѣжитъ туча съ грозой и съ сильнымъ вихремъ, съ частымъ и крупнымъ дождемъ, который забьетъ ваши наплавки подъ траву, въ шумныя брызги и пузыри изрубитъ гладкую поверхность воды,

взмутитъ ее, если она не глубока, отнесетъ длинныя плетеницы травъ туда, гдѣ ихъ не бывало, такъ измѣнитъ положеніе мѣста уженья, что вы сами его не узнаете.... Но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается въ воздухѣ, мгновенно наступаетъ глубокая тишина, все приходитъ въ порядокъ: круглые, зеленые лопухи медленно отплываютъ на свое прежнее мѣсто, длинные листья прибрежной травы снова разстилаются широко надъ водою, и рыба, испуганная на время внезапнымъ возмущеніемъ стихій, съ новою жадностью бросается на ваши, между тѣмъ оправленные крючки. Теперь поговоримъ собственно о процессѣ уженья.

Четвертое). Охотникъ долженъ наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно; если вода свѣтла, мѣсто не глубоко и удочки закидываются не далеко отъ берега. На водѣ мутной, на значительной глубинѣ, также подъ шумомъ мельничныхъ колесъ, или падающей воды, и при далекомъ закидываніи удочекъ, можно наблюдать менѣе осторожности.

Пятое). Удочку должно закидывать, не шлепая по водѣ удилищемъ, всегда подальше, и потомъ привесть на то мѣсто, на которомъ вы назначаете держаться наплавку (не давъ крючку лечь на дно); закинутую же удочку никакъ не должно *подтаскивать* къ берегу; а если это нужно, то вынуть ее совсѣмъ и закинуть ближе: подтаскивая, сейчасъ задѣнешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое). Безъ надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при уженьѣ крупной рыбы: этимъ

можно испугать ее; но если безпрестанно дергаетъ мелкая рыба, то неминуемо должно часто вынимать и оправлять, или перемѣнять испорченную насадку; но дѣлать это слѣдуетъ осторожно и тихо.

Седьмое). Никогда не должно употреблять много удочекъ. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никакъ не болѣе, насадивъ ихъ разною насадкою, если она у васъ есть, и если мѣсто уженья просторно. При малѣйшемъ движеніи наплавка, надобно сейчасъ положить руку на удилище, не пошевеля его съ мѣста, чтобы въ ту же минуту, какъ скоро рыба погрузитъ наплавокъ, или значительно потащитъ въ сторону, можно было ее подсѣчь. Если наплавки ходятъ на вѣсу, то болѣе двухъ удочекъ употреблять не должно: ибо тутъ иногда, вслѣдъ за первымъ движеніемъ, мгновенно слѣдуетъ погруженіе наплавка. И лишнее число удочекъ будетъ мѣшать; если же вы удите мелкую рыбу, которая беретъ часто посреди безпрестаннаго дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилище въ рукѣ, иначе вы будете кидаться отъ одной удочки къ другой, и на обѣихъ пропускать время, благопріятное для подсѣчки.

Восьмое). Знаніе времени, поры для подсѣчки, безъ сомнѣнія, всего важнѣе въ умѣньѣ удить; но сдѣлать общее правило, когда надобно подсѣкать, невозможно: ибо у всякой рыбы особый клёвъ и особая подсѣчка, и та измѣняется по измѣненію характера клёва и времени года; хотя о ней будетъ сказано при описаніи каждой рыбы отдѣльно, но это дѣло такъ важно въ умѣньѣ удить, что о немъ стоитъ поговорить особенно. Я слы-

халъ всегда отъ старыхъ, опытныхъ рыбаковъ, что всего нужнѣе дать рыбѣ *заклевать хорошенько*, то-есть: проглотить насадку вмѣстѣ съ крючкомъ и утащить наплавокъ на дно, Я долго и слѣпо этому вѣрилъ: но въ послѣдствіи, при собственномъ внимательномъ наблюденіи, убѣдился, что это правило никакъ нельзя принимать безусловно. Въ отношеніи къ рыбамъ хищнымъ, оно вѣрно всегда, наплавокъ точно погружается; но въ отношеніи къ другимъ породамъ рыбъ, особенно некрупнымъ, это правило вредно: онѣ не проглатываютъ, а берутъ насадку въ ротъ и плывутъ въ сторону, очень часто не утаскивая наплавка; если встрѣтится какое-нибудь препятствіе (и оно встрѣтится непремѣнно отъ упора натягиваемой лесы), особенно если рыба услышитъ жесткую спинку крючка, а всего болѣе, если уколется его жаломъ, то она сейчасъ выброситъ насадку вмѣстѣ съ крючкомъ. И такъ *потяжка* наплавка, то-есть время, когда онъ поѣдетъ въ сторону, особенно при нѣкоторомъ наклоненіи нижняго конца—есть настоящая пора для подсѣчки. Подсѣкать должно всегда живо, но не слишкомъ сильно, всегда нѣсколько вверхъ и въ противоположную сторону той, куда рыба тащитъ наплавокъ. Это послѣднее правило еще нужнѣе соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое). Какъ можно надобно стараться, чтобы не класть удилищъ на воду и не погружать ихъ концовъ въ воду. Если позволяетъ мѣсто, то можно легонько втыкать концы удилищъ въ берегъ, или класть ихъ на береговую высокую траву, или подставлять подъ нихъ рогульки, которыя заблаговременно можно вот-

кнуть у берега въ воду, на мѣстахъ, гдѣ вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и вѣрности подсѣчки. Въ такомъ лишь случаѣ необходимо класть удилища на воду, если она, по отмѣли, далеко проросла травою, такъ что удилище едва достаетъ ея края а иногда и не достаетъ. При такомъ неудобномъ уженьѣ надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь отъ себя, или прямо до самой поверхности воды, и потомъ выкинуть на берегъ. Это дѣлается для того, чтобы рыба не запуталась въ травѣ, куда она (особенно крупная) сейчасъ бросается.

Десятое). Леса, отъ удилища до наплавка, особенно если она длинна, не должна слишкомъ много погружаться въ воду; она можетъ задѣть за что-нибудь на мелкомъ днѣ у берега, и вы сдѣлаете промахъ.

Одинадцатое). Не должно вытаскивать рыбу съ одного пріема, изъ всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать такъ далеко на берегъ, что иногда не скоро въ травѣ и найдете, даже потеряете; а съ крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилище. Надобно быстро подсѣчь, и если рыба не велика, то легонько ее вытащить; если же вы послышите большую рыбу, то, послѣ подсѣчки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругахъ, не ослабляя лесы, и не вдругъ выводить на поверхность воды, а терпѣливо дожидаться, когда рыба утомится и сдѣлается смирна; тогда, смотря по удобству берега, или подведя поближе, взять ее рукою подъ жабры, если берегъ крутъ,—или вытащить ее таскомъ,

если берегъ пологъ, для чего надобно отбѣжать назадъ или въ сторону. Впрочемъ, это непростительная вина удить, не имѣя съ собою сачка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ взять крупная рыба. При вытаскиваніи крупной рыбы безъ сачка, увидѣвъ и услышавъ ее, надобно подводить къ берегу, особенно крутому, въ такомъ положеніи, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты къ верху: само собою разумѣется, что это можно сдѣлать съ толстой, крѣпкой лесою: въ противномъ случаѣ надобно долго водить рыбу сначала въ водѣ, потомъ на поверхности и подтаскивать ее къ берегу очень бережно, не приподымая уже головы рыбьей къ верху, и потомъ взять ее рукою, но непремѣнно *въ водѣ*.

Двѣнадцатое). Если возьметъ очень большая рыба, и вы не умѣете, или не можете заставить ее ходить на кругахъ въ глубинѣ, если она бросится на поверхность воды и пойдетъ прямо отъ васъ, то надобно попробовать заворотить ее въ бокъ, погрузивъ удилище до половины въ воду; если же это не поможетъ, и напротивъ рыба, идя вверхъ прочь отъ васъ, начнетъ вытягивать лесу и удилище въ одну прямую линію, то бросьте сейчасъ удилище въ воду. Это одно спасеніе: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку: ибо безъ гиби, происходившей отъ конца удилища, леса непремѣнно и въ одну минуту порвется. Рыба утомится, плавая на брошенномъ вами удилищѣ, и прибьется или къ берегу, или запутается въ траву на мелкомъ мѣстѣ: тамъ можете вы удобнѣе взять ее руками.

Тринадцатое). При вытаскиваніи большой рыбы, никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и ка-

залось это очень удобнымъ: тутъ можетъ случиться та же потеря, о которой я сейчасъ говорилъ. Въ одномъ только случаѣ надобно прибѣгнуть къ этому средству: если у васъ переломится удилище очень высоко, тогда, нечего дѣлать, надобно поймать обломанный конецъ удилища и полегоньку подвесть рыбу къ мелкому мѣсту, или пологому берегу, и взявъ рукой за лесу на аршинъ или менѣе отъ рыбы, выволочь ее таскомъ на берегъ. Если же мѣсто глубоко и берегъ крутъ, то, подведя къ нему рыбу и придерживая на слаби лѣвою рукою за лесу — правою взять рыбу подъ жабры и выкинуть на берегъ, какъ уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживаетъ тяжесть большой рыбы, что она плаваетъ въ водѣ, что вода гораздо гуще воздуха; слѣдовательно лучше поддерживаетъ рыбу, и что гибкій конецъ удилища служитъ, такъ сказать, продолженіемъ лесы.

Четырнадцатое). Если рыба на удочкѣ запутается въ травѣ, то никакъ ее не тащить; напротивъ, ослабить лесу и дать рыбѣ свободу выпутаться самой изъ травы, что̀ она почти всегда сдѣлаетъ: нужно только терпѣніе. Наплавокъ или леса сейчасъ вамъ покажетъ, что рыба пошла въ ходъ; тогда надобно проворно вывести ее на чистое мѣсто и далѣе поступать такъ, какъ я сейчасъ говорилъ. Если же по прошествіи долгаго времени рыба не отпутывается и слышно по рукѣ, что она крѣпко затянулась и задѣла на днѣ за корни травы или карягу, то надобно лѣзть въ воду и отцѣпить руками: тутъ сохранится иногда и удочка и рыба; или надобно достать длинный шестъ, вырѣзать на тонкомъ концѣ его

углубленіе (родъ рогульки), и дойдя имъ по лесѣ до крючка и до корня травы, за которую онъ зацѣпилъ, легонько вырвать траву изъ дна, или отцѣпить отъ каряги; въ этомъ случаѣ рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое). Никогда не должно уходить съ мѣста, не попробовавъ поудить на удочки разной величины и разной глубины, и на всѣ роды насадокъ, какія у васъ есть. Рыба бываетъ непостижимо своенравна и прихотлива; по крайней мѣрѣ такъ кажется намъ по нашему невѣдѣнію: сколько разъ со мной случалось, что на удочку, хуже другихъ устроенную, не на мѣстѣ лежащую, на одинъ и тотъ же обрывокъ червяка или рака безпрестанно брала хорошая рыба, тогда какъ наживки другихъ удочекъ, во всемъ ее превосходящихъ, съ живою, лакомою насадкой, лежали неподвижно; такимъ указаніемъ пренебрегать не должно, и не *мудрствуя лукаво*, совѣтую, оставя другія удочки, продолжать удить на ту, на которую беретъ, то-есть на *счастливую*, насаживая на нее не цѣлыхъ червей и раковъ, а небольшіе обрывки ихъ, и закидывая удочку на тоже самое мѣсто. Кто знаетъ, можетъ быть положеніе дна такъ выгодно для лежанія насадки, что она видна со всѣхъ сторонъ?

Шестнадцатое). Хотя справедливо мнѣніе, признанное всѣми рыбаками, что рыба ходитъ высоко въ августѣ и сентябрѣ, а въ прочіе мѣсяцы ходитъ низко; но къ этому надобно прибавить, что состояніе погоды совершенно измѣняетъ ходъ рыбы. Если погода стоитъ жаркая и солнечная, то еще въ исходѣ іюля рыба поднимается высоко и держится подъ навѣсомъ травъ,

преимущественно широколистныхъ, что̀ продолжается въ августѣ и даже въ сентябрѣ — до наступленія холоднаго времени; впрочемъ, рыба опускается не столько отъ холодной погоды, какъ отъ дождей и сильныхъ вѣтровъ: вообще крупная рыба держится глубже мелкой. И такъ главнѣйшее правило состоитъ въ томъ, чтобы соображаться съ временами года и состояніемъ погоды: на дворѣ тепло, ясно и тихо—рыба гуляетъ вездѣ, даже по самымъ мелкимъ мѣстамъ (особенно вечеромъ), слѣдовательно тамъ и надобно ее удить; наступаетъ ненастье, особенно вѣтеръ — рыба бросается въ траву, прячется подъ берегами и кустами: должно искать ее тамъ; наступаетъ сильный холодъ — рыба становится на станы, то-есть раздѣляется по породамъ, собирается стаями и ложится на дно въ мѣстахъ глубокихъ: надобно преслѣдовать ее и тамъ, и удить очень глубоко. Такіе станы, извѣстные рыбакамъ, и зимою даютъ возможность, прорубя надъ ними проруби, удить рыбу, не смотря на стужу.

Кажется, я все сказалъ, что̀ болѣе или менѣе составляетъ умѣнье удить, или къ нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не могъ избѣгнуть и частностей, которыя неминуемо должны повториться въ своемъ мѣстѣ.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько также общихъ замѣчаній о „клёвѣ“ и причинахъ неудачи въ уженьѣ, зависящихъ отъ характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюетъ одинаково. Никакъ нельзя ручаться, чтобъ превосходный клёвъ вдругъ не измѣнился. У рыбаковъ существуютъ на этотъ счетъ раз-

ныя мнѣнія. Одни говорятъ, что рыба перестаетъ брать передъ ненастьемъ, что она *слышитъ* ненастье, и я считаю это мнѣніе справедливымъ. Много разъ случалось мнѣ замѣчать, что въ прекрасную погоду вдругъ рыба переставала брать, и почти всегда, черезъ сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то-есть, сильные, продолжительные дожди съ холоднымъ вѣтромъ. Я замѣчалъ также, что рыба потомъ привыкала къ дурному времени и начинала опять брать, хотя не такъ хорошо, какъ прежде; за сутки же до наступленія ведра, клёвъ возстановлялся прежній. Другіе рыбаки убѣждены, что рыба отлично беретъ *„на молодую“* и очень плохо—на *„ущербъ мѣсяца“*. Съ этимъ согласиться я не могу, потому что мои наблюденія этого не подтверждаютъ. Вотъ положенія, выведенныя мною изъ многочисленныхъ опытовъ, и не подлежащія сомнѣнію: 1) Рыба клюетъ жаднѣе, когда нѣтъ травы, и предпочтительно весной, сейчасъ по слитіи полой воды. 2) чѣмъ жарче становится лѣтомъ, тѣмъ хуже клюетъ рыба, и въ сильные лѣтніе жары,—только самое раннее утро и поздній вечеръ могутъ дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) Въ серединѣ лѣта рыба очень неохотно клюетъ на *навознаго* червяка, а на хлѣбъ лучше, чѣмъ въ другое время года; всего же лучше—на рака, особенно линючаго. 4) Прохладная, не ярко-солнечная погода выгоднѣе для уженья лѣтомъ, потому что рыба менѣе гуляетъ и держится глубже на мѣстахъ, извѣстныхъ охотнику.

Никакъ нельзя спорить, что въ уженьѣ, какъ и вездѣ, многое зависитъ отъ счастья, и что есть счастливые рыбаки, также какъ есть счастливые игроки.

Иначе мудрено будетъ объяснить ни на чемъ неосно-ванную удачу одного и ничѣмъ незаслуженную неудачу другаго. Но какъ счастливый игрокъ, безъ умѣнья, не рѣдко остается въ проигрышѣ, такъ и счастливый рыбакъ, безъ умѣнья, выуживаетъ мало. Вездѣ надобны твердость, терпѣнье и умѣнье воспользоваться счастіемъ. Нетерпѣливый рыбакъ, раздосадованный тѣмъ, что у его сосѣда-рыбака, на дурномъ мѣстѣ, на грубо устроенную удочку, на глупую, не своевременную насадку, частехонько поклевываетъ рыба, а его удочки, мастерски устроенныя, по охотничьи насаженныя, лежатъ неподвижно, не рѣдко бросаетъ выгодное прикормленное мѣсто, переходитъ на другое, на третье, пропускаетъ удобное время, и возвращается домой съ пустыми руками; тогда какъ сосѣдъ, перейдя на оставленное имъ мѣсто, не смотря на плохія удочки и неумѣнье удить (отчего, разумѣется, онъ потеряетъ половину рыбы), возвращается домой съ полнымъ кошелемъ, Впрочемъ, это болѣе касается до характера, а не до умѣнья удить. Вообще не должно никогда гнѣваться на неудачу. Я много знавалъ рыбаковъ, у которыхъ, если сначала что-нибудь не удавалось, напримѣръ: запутывалась или зацѣплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, разсердясь, и насаживать начнутъ дурно и подсѣкать станутъ рано и слишкомъ рѣзко, да и удить бросятъ. Такимъ образомъ, будучи сами кругомъ виноваты, эти нетерпѣливые охотники обыкновенно обвиняютъ свое несчастіе.

Объ уженьѣ на крючки съ готовыми, искусственными насѣкомыми, я ничего не могу сказать, потому

что сколько разъ его ни пробовалъ, пробы были неудачны.

Уженье форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имѣетъ совсѣмъ особенный характеръ, если производится на быстрыхъ мелкихъ рѣчкахъ; въ верховьяхъ же прудовъ, тѣхъ же самыхъ рѣчекъ, въ которыхъ иногда водятся эти породы рыбъ, оно ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго уженья, ибо вода уже въ нихъ глубока и не совсѣмъ прозрачна. Удить форель въ рѣчкахъ, незапруженныхъ и мелкихъ, слѣдовательно совершенно прозрачныхъ, надобно съ величайшею осторожностью: малѣйшій шумъ, человѣческая тѣнь, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставятъ спрятаться подъ берегъ или корни деревъ пугливую рыбу, изъ-подъ которыхъ она не выходитъ иногда по нѣскольку часовъ. Высмотрѣвъ издали удобное мѣсто *), надобно подкрадываться изъ-за кустовъ и, пропустивъ сквозь нихъ длинное, прямое удилище, на концѣ котораго навита коротенькая леса безъ наплавка съ небольшимъ грузиломъ, крючкомъ и насадкою краснаго навознаго червяка, тихонько развить лесу и опустить въ воду; если рыба васъ не увидитъ, то она схватитъ въ ту же секунду, иногда едва допуститъ червяка погрузиться въ воду. Если же вы опустите крючокъ, и рыба не беретъ немедленно, то значитъ: или ее нѣтъ, или вы ея испугали. Сейчасъ надобно идти на другое мѣсто. Для уженья выбираются по рѣчкѣ, какъ я уже сказалъ, небольшіе

*) Удобными мѣстами считаются омуточки, ямки, гдѣ вода завертывается и бѣжитъ тише, и гдѣ форель выпрыгиваетъ иногда на поверхность, ловя червячковъ, падающихъ съ деревъ, мошекъ и другихъ насѣкомыхъ.

омуточки. На одномъ мѣстѣ никогда болѣе пяти, много шести рыбъ не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропуская сквозь нихъ удилища:* въ такомъ случаѣ леса должна быть подлиннѣе. Надобно признаться, что уженье довольно безпокойно и утомительно. Пеструшка и особенно лохъ, по словамъ нѣкоторыхъ охотниковъ, охотно берутъ на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень рѣдко, попадается иногда довольно большая; я не выуживалъ болѣе $2^1/_2$ фунтовъ; но достовѣрно знаю, что другіе рыбаки выуживали въ 5 фунтовъ и болѣе. Лохъ бываетъ огромной величины: я видѣлъ лоха въ 27 фунтовъ; онъ зашелъ, въ весеннее водополье, въ маленькій ручей, и былъ пойманъ недоткой. Въ небольшой рѣчкѣ и на малой глубинѣ возиться съ рыбой очень трудно. Водить неловко, изъ береговъ торчатъ корни, на берегахъ кусты и деревья, а лесы, по большой части, бываютъ не толстыя, крючокъ небольшой, удилище не гнуткое, а рыба самая бойкая... Бѣда да и только! При такихъ обстоятельствахъ мудрено избѣжать несчастной потери. Впрочемъ, очень крупная рыба рѣдко беретъ въ маленькихъ омуточкахъ, а болѣе въ верховьяхъ прудовъ, въ мѣстахъ глубокихъ: тамъ хорошему охотнику съ средними удочками, обыкновеннаго устройства, нечего бояться отчаянныхъ прыжковъ этой бѣшеной на удочкѣ рыбы, и драгоцѣнная добыча не уйдетъ отъ его сачка.

Уженье около полденъ, о которомъ я обѣщалъ сказать особо, въ жаркіе лѣтніе дни производится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ густая тѣнь покрываетъ воду, какъ-то: подъ

мостами, плотами, нависшимъ берегомъ, толстыми пнями и карягами, не рѣдко торчащими въ водѣ, подъ густымъ навѣсомъ травъ, разстилающихся иногда надъ значительною глубиною. Особенно окуни любятъ стоять въ тѣни, и берутъ въ полдни довольно хорошо; иногда хватитъ язь и головль, даже на мелкопущенную удочку. Но только въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ камышами и травами, полдневное уженье имѣетъ настоящее значеніе. Лѣтомъ въ жаркій день, часовъ съ девяти утра, вся порядочная рыба уйдетъ изъ материка и чистыхъ мѣстъ разлива въ полои, проросшіе разными травами и зеленымъ густымъ лѣсомъ камыша, надъ которымъ возвышается уже палочникъ своими пуховыми темнокоричневыми султанами. Въ травахъ и камышахъ всегда бываютъ мѣстечки поглубже другихъ, которыя никогда не заростаютъ, и которыя называются „протоками". Вотъ тутъ-то надобно удить, разумѣется, на лодкѣ. Въ травѣ, около такихъ мѣстъ, въ надлежащемъ разстояніи, заблаговременно втыкаются колья, къ которымъ привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тутъ непремѣнно нужны длинныя удилища, ибо лодка должна стоять не близко отъ мѣста уженья, и удилища кладутся на траву. Въ камышахъ же не надобно кольевъ. Подогнавъ осторожно лодку къ незаросшему мѣсту, надобно стать къ нему бокомъ, такъ чтобы лодка и рыбакъ совершенно были спрятаны въ камышѣ, котораго горсти по двѣ съ обѣихъ сторонъ захватываются и подгибаются подъ себя: рыбакъ плотно сядетъ на нихъ, и лодка будетъ стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперегъ лодки. По большей части, вода бываетъ не глубока; тѣмъ бо-

лѣе надобно тишины и осторожности въ движеніяхъ, особенно при вытаскиваніи рыбы, которая очень хорошо беретъ въ такихъ мѣстахъ, и очень крупная. Это уженье въ полòяхъ имѣетъ особенную важность потому, что въ знойное лѣтнее время, кромѣ ранняго утра и поздняго вечера, и то на мѣстахъ прикормленныхъ, трудно выудить что-нибудь порядочное и въ материкѣ пруда, и въ его верховьѣ, и въ рѣкѣ; тогда какъ здѣсь добыча бываетъ иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотрѣть на *кружокъ* *), привязанный къ лодкѣ съ противоположной стороны, въ которомъ ходятъ крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но кромѣ сказанныхъ выше причинъ, полдневное уженье на лодкѣ имѣетъ, по крайней мѣрѣ для меня, своего рода, совершенно особенную прелесть. Для многихъ она покажется непонятною; для многихъ даже невыносимы палящіе лучи лѣтняго, полдневнаго солнца, которое, отражаясь въ водѣ, дѣйствуетъ съ удвоенною силою; но я всегда любилъ и люблю жары нашего кратковременнаго лѣта.... Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зеленый, какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отлогихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые отъ травъ протоки, блестятъ, какъ зеркала: все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растеніями. То яркозеленые, то темноцвѣтные листья стелятся по водѣ, но глубоко

*) *Кружкомъ* называется мѣшокъ изъ крѣпкой частой сѣти; въ середину его вставляется обручь; нижній конецъ завязывается наглухо, а верхній собирается на крѣпкій шнурокъ, которымъ онъ и привязывается, къ чему случится.

ушли корни ихъ въ тинистое дно; бѣлыя и желтыя водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, попросту называемые кувшинчиками, и красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями, — разнообразятъ зеленый коверъ, покрывающій поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды, и возможность освѣжить ею лицо и голову! Рыбѣ также жарко: она какъ будто сонная стоитъ подъ тѣнью травъ. Завидя лакомую пищу, только на мгновенье лѣниво выплываетъ она на чистыя мѣста, пронзаемыя солнечными лучами, хватаетъ добычу и спѣшитъ подъ зеленые свои навѣсы.

Всякому рыбаку извѣстно, что не рѣдко случается задѣвать крючками удочекъ за неровное дно, берегъ, камни, травяные и древесные корни, торчащіе въ водѣ непримѣтно для зрѣнія, или вѣтви цѣлыхъ деревъ, не рѣдко въ ней лежащихъ. Много пропадаетъ отъ того крючковъ и даже лесъ. Избѣжать такихъ невзгодій нельзя, особенно если удишь въ водахъ неизвѣстныхъ; притомъ рыба, преимущественно окуни, именно въ такихъ крѣпкихъ мѣстахъ любитъ держаться, и попавшись на удочку, сама натаскиваетъ на задёвъ. И такъ для отдѣванія удочекъ всегда надобно имѣть гладкое желѣзное кольцо, вершка въ полтора въ поперечникѣ, въ 1 фунтъ или менѣе вѣса, привязанное на длинномъ, тонкомъ и крѣпкомъ шнуркѣ; продѣвъ въ него задній конецъ удилища задѣтой удочки, надобно дать кольцу свободу бѣжать внизъ сначала по удилищу, а потомъ по лесѣ, которую въ это время держать нѣсколько на слаби: кольцо, дойдя до крючка, отдѣнетъ его своею тя-

жестью *). За неимѣніемъ кольца, можно довольно успѣшно отдѣвать удочки шестомъ, точно такъ, какъ я говорилъ объ отдѣваньѣ въ травѣ рыбы. Но можетъ случиться, что нѣтъ ни кольца, ни шеста, и некому лѣзть въ воду, чтобы отцѣпить крючокъ — потеря его неизбѣжна; остается оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нѣтъ другаго средства, какъ навивать ее на удилище до тѣхъ поръ, пока она лопнетъ.

Никогда не должно спѣшить отдѣваніемъ зацѣпившейся удочки. Очень часто бываетъ, что ракъ затаскиваетъ крючокъ въ нору, а рыба — подъ берегъ. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; не рѣдко случается, что черезъ нѣсколько времени удочка отцѣпится сама, то-есть, ее отцѣпитъ рыба или выпуститъ ракъ, или вымоетъ изъ берега водой.

Иногда удочки отцѣпляются диковиннымъ образомъ; но, безъ сомнѣнія, это дѣлаетъ рыба. Я видѣлъ своими глазами, какъ удочку, задѣвшую грузиломъ за крутой берегъ, отцѣпила плотва, дернувъ къ низу за крючокъ. Это и не мудрено; я видѣлъ, какъ крючокъ, воткнувшійся въ деревянную плаху очень крѣпко, потому что я нѣсколько разъ сильно дергалъ удочку, рискуя даже оторвать — былъ отцѣпленъ рыбой, которая, схвативъ насаженный крючокъ сзади и потянувъ внизъ, весьма легко сняла его съ дерева. Этого мало, я задѣлъ одинъ разъ крючкомъ, на глубокомъ мѣстѣ, такъ крѣпко, что

*) Я читалъ въ одной французской книжкѣ, что такое кольцо дѣлается съ двумя крючками, крѣпко припаянными къ внѣшней сторонѣ кольца, одинъ противъ другаго, для того, чтобы, задѣвъ крючьями за карягу, за которую зацѣпилась удочка, можно было ее вырвать и тѣмъ спасти крючокъ.

пробившись болѣе часа, бросилъ удочку, чтобъ не пугать рыбу и отдѣть послѣ. Черезъ полчаса я вижу, что вдругъ наплавокъ исчезъ, лесу натянуло, и тащитъ въ воду даже удилище; я схватилъ его и выволокъ большаго окуня; насадка была раковая.

Теперь слѣдуетъ взглянуть вообще на всѣ породы рыбъ, ловлею которыхъ мы занимаемся.

О рыбахъ вообще.

Стихія рыбы — вода; назначеніе — плавать въ ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушеннымъ хвостомъ. Для погруженія себя въ воду и стоянія на всѣхъ ея глубинахъ, имѣетъ она во внутренности своей пузырь, лежащій вдоль спиннаго хребта, наполненный воздухомъ и перетянутый на двѣ неравныя половинки: должно предположить, что посредствомъ сжиманья и разжиманья этого пузыря, рыба погружается внизъ или поднимается вверхъ. Дальнѣйшія подробности внутренняго устройства рыбъ относятся уже къ натуральной исторіи. Я поговорю о томъ, какъ и гдѣ живутъ онѣ и какъ размножаются.

Трудно вообразить себѣ плодовитость рыбъ. Многія изъ нихъ имѣютъ такую мелкую икру и въ такомъ множествѣ, что еслибъ она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно можетъ быть милліонъ себѣ подобныхъ, и для помѣщенія ихъ не достало бы воды на земной поверхности. Но не то выходитъ на дѣлѣ. Природа не даромъ снабдила такимъ изумительнымъ обиліемъ икры каждую рыбью самку: ибо кромѣ того, что икра не рѣдко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту, окружающими

ее въ водѣ и живущими надъ водою въ воздухѣ, хищными врагами, для которыхъ служитъ лакомой пищей. Не могу опредѣлить, въ какомъ возрастѣ рыбьи самки начинаютъ *метать* или *бить икру*, способную къ принятію оплодотворенія, а молоки самцовъ — получаютъ способность оплодотворять; но то не подвержено сомнѣнію, что икру и молоки, черезъ годъ послѣ своего рожденья, ежегодно имѣютъ маленькія, молодыя рыбки, не достигшія и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечетъ икру въ свое опредѣленное время, такъ что эта операція производится почти круглый годъ *). Когда наступитъ пора **) и рыбьи самки почувствуютъ охоту или надобность выкинуть изъ себя, обременяющую ихъ, икру, а самцы — молоки, и тѣ и другіе собираются стаями; самцы тѣснятся вплоть за самками, даже смѣшиваются съ ними: первыя выпускаютъ икру, вторые обливаютъ ее молоками; за ними слѣдятъ другія породы рыбъ, преимущественно хищныя: щуки, окуни, судаки, жерехи, налимы и проч., и даже не называемыя хищными: головли и язи ***). Всѣ они съ жад-

*) Многіе охотники утверждаютъ, что нѣкоторыя породы рыбъ мечутъ икру по два раза въ годъ. Но я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Хотя икра во внутренности рыбъ (одной и той же породы) бываетъ точно въ разное время года, но это только доказываетъ, что онѣ мечутъ икру въ разные сроки. Я убѣжденъ, что каждая рыбья самка мечетъ икру одинъ разъ въ годъ. Убѣжденье мое я основываю *на медленности*, съ какою икра ростетъ въ рыбѣ: два раза въ годъ—некогда совершиться этому процессу.

**) Эту пору узнаетъ всякій, взглянувъ на пойманную въ то время рыбу, особенно взявъ ее въ руки. Кромѣ того, что она бываетъ необыкновенно толста даже пузаста—изъ самокъ течетъ жидкая икра, а изъ самцовъ—бѣловатая слизь, похожая на молоко.

***) Я полагаю, что всѣ, безъ исключенія породы рыбъ ѣдятъ всякую икру, даже собственную свою.

ностью глотаютъ мелкія, какъ макъ, яички, опутанныя слизью, плавающія кучками, въ видѣ клочьевъ шерсти или паутинъ, держащіяся на поверхности и на всякой глубинѣ воды. Мечущіе икру и молоки, самки и самцы, особенно первыя, стараются прижаться или удариться объ что-нибудь жесткое; они трутся около береговъ и водяныхъ растеній, предпочтительно около камыша и лопуховъ, около подводныхъ карягъ, корней и камней. Нѣкоторыя породы, какъ то: лещи, караси и плотва, выскакиваютъ безпрестанно изъ воды и шлепаются объ ея поверхность, чтобъ отъ движенія и толчковъ свободнѣе вытекала икра и молоки. Сидя тихо и смирно съ удочкой на берегу озера или рѣчнаго залива, проросшаго травами, а иногда притаясь въ лодкѣ въ густыхъ камышахъ пруда, я имѣлъ случай не рѣдко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную картину *рыбьяго боя* *): при совершенной тишинѣ въ воздухѣ, поверхность воды волнуется, какъ будто вѣтромъ, отъ вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летятъ во всѣ стороны, и плескъ воды слышенъ издалека. Въ первый разъ я былъ очень удивленъ такимъ зрѣлищемъ. Я подошелъ съ ружьемъ

*) Процессъ метанья или боя икры, даже этихъ трехъ породъ, сейчасъ мною названныхъ, наблюдать очень трудно, потому что онъ происходитъ, по большой части, въ травахъ или камышахъ, а главное потому, что рыба боится приближенія человѣка. Нѣкоторые рыбаки утверждаютъ, что не самцы гоняются за самками, а напротивъ самки за самцами, и всегда бываютъ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ самцы, что первыя трутся около послѣднихъ, загоняютъ ихъ на мель, на густую траву, и когда самецъ, обернувшись къ верху брюшкомъ, начнетъ изливать молоки — самки прямо въ эту оплодотворяющую жидкость выпускаютъ свою икру. Я не беру на себя рѣшить, которое мнѣніе справедливѣе. Оплодотворенная икра, въ теплое, солнечное время, выводится черезъ 10, 12 и 14 дней.

къ небольшому озерку, кругомъ обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдругъ услышалъ какой-то странный шумъ воды; полагая, что онъ происходитъ отъ утиныхъ выводокъ, я осторожно вошелъ въ камышъ, по колѣни въ водѣ пробрался до его края, и увидѣлъ — настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдругъ догадался я, что̀ значитъ такое явленіе, хотя слыхалъ о немъ. Въ послѣдствіи нѣсколько разъ имѣлъ я случай наблюдать этотъ процессъ у лещей и особенно у карасей; но, при всемъ моемъ желаніи, разсмотрѣть его въ подробностяхъ я никакъ не могъ; пожиранье же икры другими рыбами я видалъ самъ, да и нахаживалъ ее часто въ желудкахъ пойманныхъ рыбъ.

Другія породы рыбъ, особенно *донныя*, то-есть, ходящія или плавающія обыкновенно по дну, какъ-то: ерши, пискари, гольцы, лини, а всего болѣе налимы, которые мечутъ икру около Святокъ, — при совершеніи этой операціи, вѣроятно, трутся около береговъ и подводныхъ карягъ или о хрящеватое, каменистое дно: послѣднее предположеніе доказывается тѣмъ, что именно на такихъ мѣстахъ, именно въ это время года, попадаютъ налимы въ морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыбъ, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдомъ, да и рыба зимою не плаваетъ вездѣ, а стоитъ по своимъ мѣстамъ; кажется, этихъ породъ должно бы разводиться гораздо болѣе другихъ; но этого никакъ нельзя сказать, особенно о налимахъ. Безъ сомнѣнія, есть другія причины, отъ которыхъ также пропадаетъ ихъ мелкозернистая, безчисленная икра.

И такъ при самомъ появленіи рыбьихъ яичекъ начинается ихъ истребленіе; оно продолжается до полнаго образованія мелкой рыбёнки, которая, будучи окружена тѣми же врагами, можетъ, по крайней мѣрѣ, прятаться отъ нихъ и спасаться проворствомъ своего плаванья и малостью роста. Кромѣ хищныхъ и нехищныхъ рыбъ, не мало также поѣдаетъ икру птица; самыя главныя истребительницы—утки, чайки и вороны: утки и чайки хватаютъ ее, плавающую въ водѣ, даже ныряютъ за ней; а вороны достаютъ ее сухопутно, ходя по берегамъ и по мелкой водѣ, преимущественно около травъ, куда икру прибиваетъ вѣтромъ, и гдѣ она, прилипнувъ къ осокѣ или камышу, на которые сплескивается волнами — часто обсыхаетъ и пропадаетъ даромъ. Должно предположить, что въ первый годъ или въ первые года, рыба ростетъ очень скоро: потому что послѣ вывода изъ икры, мелкой, какъ размоченный, макъ, достигаетъ она въ одинъ мѣсяцъ величины овсянаго зерна въ шелухѣ. Я убѣдился въ этомъ собственными наблюденіями: о дальнѣйшемъ ростѣ рыбы, а также о долговѣчности ея, ничего положительнаго не знаю. Говорятъ и пишутъ, что щуки живутъ до 300 лѣтъ, а карпіи — болѣе ста, чему, какъ увѣряютъ печатно, были дѣланы несомнѣнные опыты, ибо въ пруды, которые никогда не сходятъ, но освѣжаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленькихъ щукъ и карпіи съ золотыми или серебреными кольцами, продѣтыми сквозь щечную кость, съ означеніемъ на кольцахъ года: такихъ рыбъ ловили въ послѣдствіи (разумѣется уже потомки), и убѣдились по надписямъ годовъ въ ихъ долговѣчности.

Рыба имѣетъ болѣзни, которыя часто обнаруживаются черными пятнами по всему тѣлу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переноситъ ихъ благополучно; но если чернота пойдетъ въ глубь и коснется внутреннихъ органовъ — рыба умираетъ. Около Москвы, въ рѣчкахъ, по большей части припруженныхъ, замѣчалъ я, что почти каждую осень на плотвѣ появляются черныя пятнышки; здѣшніе рыбаки увѣряли меня, что это происходитъ отъ осенней морзобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда отъ того ей не бываетъ: кажется, это справедливо. Въ небольшихъ непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ водятся караси въ большомъ изобиліи, не рѣдко случается, что они, особенно бѣлые, получаютъ сначала кровяныя, а потомъ черныя пятна, но я рѣдко замѣчалъ, чтобъ караси именно отъ нихъ спули. Я сначала думалъ, что пятна происходятъ отъ внутреннихъ причинъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи, я наконецъ увидѣлъ, что они происходятъ отъ укушенія крошечныхъ зеленыхъ червячковъ, которые въ иные года, особенно въ жаркое и сухое лѣто, появляются въ стоячихъ водахъ въ невѣроятномъ множествѣ; они заползаютъ подъ чешую карасей и кусаютъ ихъ до крови: въ одной ранкѣ я нахаживалъ болѣе десятка червячковъ. Сверхъ того въ такихъ прудахъ водятся большіе, зеленоватые, водяные черви (вѣроятно, выростающіе изъ маленькихъ зеленыхъ), завертывающіе себя въ трубочку, какъ будто склеенную изъ осоки, — водяныя ящерицы и жуки *). Всѣ они ку-

*) Водяные червяки имѣютъ способность выползать до половины изъ своихъ трубочекъ и прятаться въ нихъ совсѣмъ. Водяные жуки — плоскіе, кашта-

саютъ и портятъ бѣдныхъ карасей и препятствуютъ ихъ размноженію и полному росту; а сидящихъ въ плетеныхъ сажалкахъ или прорѣзяхъ, даже совсѣмъ заѣдаютъ. Въ добавокъ, вся эта гадость беретъ на удочку, насаженную навознымъ червякомъ, и мнѣ часто случалось вытаскивать на крючкахъ этихъ отвратительныхъ гадинъ. Нигдѣ я не встрѣчалъ такого обилія и разнообразія этой подводной фауны, какъ около Москвы.

Иногда попадается снулая рыба безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ признаковъ болѣзни; но кишки и пузырь оказываются какъ будто сморщенными и нѣсколько высохшими.

Здоровье рыбы, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ хорошей воды и пищи. Всѣ охотники знаютъ, что въ одной водѣ рыба бываетъ жирна, вкусна и бойка, въ другой — тоща, безвкусна и вяла. Но какія качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы — мы рѣшительно не знаемъ. Вода дѣйствуетъ даже на цвѣтъ рыбы: не измѣняясь въ своихъ природныхъ пестринахъ и отмѣтинахъ, она измѣняется въ ихъ яркости или цвѣтности, единственно отъ пересадки изъ одной воды въ другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, напримѣръ, по большой части бываютъ яркаго, темножелтаго или золотистаго цвѣта, а пересаженные въ копанные, глинистомутные пруды дѣлаются блѣдно-бланжевыми;

поваго цвѣта, съ бѣловатыми по краямъ обводками; они проворно ползаютъ по землѣ и летаютъ быстро по воздуху: поднимаются прямо изъ воды и опускаются прямо въ воду. Мнѣ сказывали, что подмосковные крестьяне употребляютъ ихъ вмѣсто піявокъ. *Авт.*

Этотъ жукъ есть Dytiscus marginatus, L., а черви въ трубочкахъ — личинки *веснянки* (Phrygaraea). *К. Р.*

окуни въ иныхъ рѣкахъ бываютъ очень темны и ярко-пестры, но посидѣвъ долго въ прудѣ, становятся свѣтлыми, бѣлесоватыми: точно тоже дѣлается, болѣе или менѣе, и съ другими породами рыбъ.

Рыба очень не рѣдко задыхается зимой подъ льдомъ, даже въ огромныхъ озерахъ и проточныхъ прудахъ *): сначала, въ продолженіе нѣкотораго времени, показывается она въ отверстіяхъ прорубей, высовывая ротъ изъ воды и глотая воздухъ; но ловить себя еще не даетъ и даже уходитъ, когда подойдетъ человѣкъ; потомъ покажется гораздо въ большемъ числѣ и какъ будто одурѣлая, такъ что ее можно ловить сакомъ и даже брать руками; иногда всплываетъ и снулая. Какъ скоро число прорубей будетъ значительно увеличено — рыба отдыхаетъ и скрывается. Это послѣднее обстоятельство произвело общую увѣренность, что рыба дохнетъ отъ недостатка прорубей, то-есть, отъ недостатка продушинъ, въ которыя могли бы вылетать скопившіяся водяныя испаренія, и могъ бы получаться свѣжій воздухъ. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно съ такимъ заключеніемъ нельзя, и вотъ почему: 1) Всѣ озера и пруды, и большіе и малые, не находящіеся близь жилья человѣческаго, никогда не имѣютъ прорубей, потому что некому и не для чего ихъ дѣлать, не имѣютъ также и полыней, то-есть, мѣстъ не замерзшихъ, бывающихъ, какъ извѣстно, только на рѣкахъ большихъ и быстротекущихъ: слѣдовательно, въ

*) Изъ многихъ, мною самимъ видѣнныхъ, такихъ любопытныхъ явленій, самое замѣчательное случилось въ Казани около 1804 г.: тамъ сдохлось зимою огромное озеро „Кабанъ“; множество народа набѣжало и наѣхало со всѣхъ сторонъ: рыбу, какъ будто одурѣлую, ловили всячески и нагружали ею цѣлые воза.

такихъ прудахъ и озерахъ не должна бы совсѣмъ водиться рыба, особенно въ изобиліи: опытъ показываетъ противное. 2) Въ прудахъ и озерахъ, находящихся въ селеніяхъ или близъ селеній, имѣющихъ постоянныя проруби для водопоя скота и другихъ надобностей, рыба въ иные года сдыхается подъ льдомъ при одинаковомъ числѣ прорубей. 3) Это сдыханье, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, случается не каждый годъ, а лѣтъ черезъ десять и болѣе. И такъ изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ заключить, что есть какія-нибудь другія условія, при содѣйствіи которыхъ дохнетъ рыба подъ льдомъ, но что, независимо отъ этихъ причинъ, рыба отдыхаетъ, если будетъ увеличено сообщеніе воды съ атмосферическимъ воздухомъ, и что содержаніе большихъ прорубей, ежедневно вычищаемыхъ, не только на прудахъ не имѣющихъ теченія и озерахъ, но даже на прудахъ проточныхъ, и даже на тихихъ омутистыхъ рѣкахъ, покрывающихся сплошнымъ льдомъ, — для сохраненія здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снетъ иногда отъ примѣси вредныхъ постороннихъ веществъ, какъ-то: навозной жидкости со скотныхъ дворовъ и испорченной воды съ фабрикъ и металлическихъ заводовъ, если то или другое какъ-нибудь проникнетъ въ озеро или прудъ, преимущественно не проточный. Но на рыбу бываетъ повальный и внезапный моръ, отъ причинъ совершенно неизвѣстныхъ. Въ послѣдній разъ мнѣ случилось видѣть такой моръ въ 1841-мъ году: я жилъ это лѣто въ подмосковномъ селѣ „Ильинскомъ“; отъ него, верстахъ въ трехъ, есть довольно большой, глубокій прудъ и мельница при деревнѣ

„Оборвихѣ“ на рѣчкѣ „Сомынкѣ“; всякой рыбы много водилось въ этомъ пруду, потому что въ немъ нельзя было ловить неводомъ и даже бреднемъ, по множеству подводныхъ каршей, карягъ и густой травы. Я ѣздилъ туда удить почти каждый день. Одинъ разъ (въ исходѣ іюля), подъѣзжая къ пруду, я увидѣлъ, что всѣ берега бѣлѣлись, точно по краямъ воды лежалъ снѣгъ; подошедъ ближе, я разсмотрѣлъ, что это была снулая рыба: окуни, плотва, язики, головлики и небольшіе щурята. Мельникъ сказалъ мнѣ, что моръ начался вчера. Въ снулой рыбѣ не оказывалось никакихъ признаковъ болѣзни; крупные язи и огромныя щуки ходили по верху и кружились; крестьяне ловили ихъ и употребляли въ пищу безъ всякаго вреда. Замѣчательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчасъ попробовалъ удить изъ любопытства: рыба брала изрѣдка, но очень тихо и вяло, и выуженная казалась почти снулою. Моръ продолжался дней пять, и вдругъ прекратился. Черезъ нѣсколько дней клёвъ начался по прежнему, и въ рыбѣ не было замѣтно никакого уменьшенія: въ окружныхъ водахъ рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемія и что причина ея была мѣстная, находившаяся только въ Сомынскомъ прудѣ, въ водѣ котораго, однако, никакой перемѣны я замѣтить не могъ. Мнѣ разсказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдатъ, поссорившись съ мельникомъ въ кабакѣ, погрозилъ ему, и проходя мимо пруда, что-то въ него бросилъ. Предоставляя на произволъ каждаго читателя удовлетвориться или нѣтъ такимъ объясненіемъ, я съ своей стороны скажу, что намъ весьма еще малоизвѣстны,

какъ цѣлительныя, такъ и ядовитыя вещества, особенно травы, которыя знаетъ народъ. Одно вѣрно, что Сомынскій моръ рыбы происходилъ не отъ дурмана, не отъ табаку, не отъ кукольванца: ибо дѣйствіе этихъ отравъ кратковременно и продолжается менѣе сутокъ. Эти отравы производятся слѣдующимъ образомъ: истертый въ мелкій порошекъ табакъ, дурманъ а всего чаще кукольванецъ, ибо онъ несравненно сильнѣе, смѣшиваютъ съ печенымъ хлѣбомъ или сырымъ тѣстомъ и раскидываютъ небольшими кусочками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе держится рыба, которая съ жадностью ихъ глотаетъ. Черезъ часъ или менѣе, смотря по качеству и количеству отравы, рыба дѣлается пьяною, одурѣлою: выходитъ на мель, всплываетъ на поверхность воды, кружится, мечется, тычется въ берега, даже иногда выскакиваетъ на нихъ и особенно забивается въ камыши и травы, гдѣ они есть. Отравители, бо̀льшею частію деревенскіе парни и мальчишки, нетерпѣливо дожидавшіеся этой потѣхи, съ громкими и радостными криками бѣгаютъ по берегамъ, по мелкой водѣ, поросшей травою, берутъ снулую и ловятъ руками засыпающую рыбу: для крупной употребляютъ и сачки. Хотя въ сравненіи съ прежнимъ, это гибельное добываніе рыбы значительно уменьшилось, но, къ сожалѣнію, всѣ увѣрены, что отравленная такимъ образомъ рыба, даже снулая — служитъ безвредною пищею для человѣка. Хотя трудно съ этимъ согласиться, но положимъ, что такая увѣренность справедлива, да для рыбы эта отрава очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, умираетъ скоро, всплываетъ на верхъ, бываетъ собрана и съѣдена; но несравненно бо̀льшая

часть окормленной рыбы въ безпамятствѣ забивается подъ берега, подъ каряги и камни, подъ кусты и корни деревъ, въ густые камыши и травы, растущіе иногда на глубокихъ мѣстахъ — и умираетъ тамъ, непримѣченная своими отравителями, слѣдовательно *пропадаетъ совершенно даромъ*, и гніеніемъ портитъ воду и воздухъ. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцемъ и отдохнувшая, потому что мало съѣла отравы, непремѣнно должна долго хворать, терять способность къ достиженію полнаго роста и, можетъ быть, къ размноженію своего потомства. Я замѣчалъ, что гдѣ часто окармливали рыбу, тамъ она значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредствомъ отравы ничего не значило въ сравненіи съ числомъ рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно, въ той же водѣ, обыкновенными рыболовными снастями. Замѣчено также, что послѣ отравы кукольванцемъ рыба перестаетъ брать на удочки.

Хищныя породы рыбъ питаются мелкою рыбешкой; нехищныя — глотаютъ все, что ни попало: тѣмъ не менѣе питанье этихъ послѣднихъ — иногда дѣло загадочное. Въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ, поросшихъ и проросшихъ водяными травами и растеніями, рыба кормится ими и водящимися около нихъ, водяными насѣкомыми и гадинами. Это понятно, и всѣ рыбаки знаютъ, что самую питательную пищу представляетъ рыбѣ молодой камышъ, первые побѣги котораго на вкусъ сладки. Если подойти тихонько къ пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шумъ, даже чавканье, производитъ рыба, кушая траву. Но чѣмъ питается нехищная

рыба въ большихъ рѣкахъ, текущихъ всегда въ берегахъ песчаныхъ, на которыхъ не ростетъ ни одной былинки, дно которыхъ также песчано и чисто, и гдѣ очень мало водится водяныхъ насѣкомыхъ? Наконецъ, чѣмъ питается рыба въ деревянныхъ сажалкахъ, съ деревяннымъ дномъ, называемыхъ *прорѣзями* (потому что онѣ *прорѣзаны* или просверлены), въ которыхъ обыкновенно рыбаки держатъ пойманную рыбу иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, и никогда ее не кормятъ? На эти вопросы я отвѣчать удовлетворительно не умѣю. Поневолѣ надобно согласиться съ мнѣніемъ рыбаковъ, которые говорятъ, что рыба, кромѣ всякой другой пищи, питается тиною, иломъ, землею, пескомъ и даже — одной водой. Пребыванье въ сажалкахъ безъ корма только этимъ и можно объяснить, допустивъ предварительно, что всякая вода содержитъ въ себѣ множество инфузорій, непримѣтныхъ для глаза человѣческаго, слѣдовательно: питательна для рыбы уже сама по себѣ.

Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься, — рыба также поднимается къ верху и идетъ противъ воды, сначала около береговъ: тутъ ловятъ ее во множествѣ саками. Когда же рѣки выступятъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредется по полоямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды. Это инстинктивное стремленіе бываетъ такъ сильно, что не видавши, трудно повѣрить: не смотря на ужасную быстрину, съ которую летитъ спертая полая вода, вырываясь въ вешнякахъ или спускахъ, изъ переполненныхъ прудовъ, рыба доходитъ до

самаго послѣдняго, крутаго паденія воды и, не имѣя уже никакой возможности плыть противъ летящаго отвѣсно внизъ каскада—прыгаетъ снизу вверхъ; безпрестано сбиваемыя силою воды, падая назадъ и нерѣдко убиваясь до смерти о деревянный помостъ или камни, новыя станицы рыбъ безпрестанно повторяютъ свои попытки, и многія успѣваютъ въ нихъ, то-есть попадаютъ въ прудъ. Во время весеннихъ разливовъ, рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя ихъ сначала по теченію, а потомъ противъ теченія воды. Но какъ скоро *дрогнетъ* вода, то-есть, пойдетъ на убыль, рыба поварачиваетъ назадъ, и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ — въ материкъ. Нерѣдко случается однако, что зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговые поймы, не находитъ она водянаго пути для возвращенія въ рѣку и остается въ ямкахъ и бокалдинахъ: если увидятъ люди, то поймаютъ ее, а если нѣтъ, и бокалдины высыхаютъ уединенно, рыба гибнетъ и достается на пищу воронамъ и разнымъ другимъ птицамъ — иногда и свиньямъ. Рыба, застигнутая внезапно обмелѣніемъ водяныхъ сообщеній, въ ямахъ, или, по московски, въ бочагахъ, переходитъ иногда изъ одного въ другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому слѣду, гдѣ недавно бѣжала вода. Если же, хотя крошечный ручеекъ останется, она перепрыгаетъ по немъ внизъ непремѣнно. Даже изъ копаныхъ сажалокъ или

прудковъ, сквозь которые протекаетъ ручеекъ, рыба уходитъ этимъ самымъ способомъ, если только берега низки. Такія весеннія путешествія рыбы снизу вверхъ и обратно, повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапномъ прорывѣ огромныхъ прудовъ и при *паводкахъ*, случающихся отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей *).

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же температурѣ воды: для однѣхъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ — болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое. Я скажу объ этомъ поточнѣе въ описаніи рыбъ, а здѣсь означу только порядокъ, слѣдуя которому живетъ одна порода за другою почти во всякой рѣкѣ. Бо̀льшая часть рѣкъ начинаются холодными, какъ ледъ, ключами; протекая на открытомъ воздухѣ, прогрѣваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками — онѣ постепенно теплѣютъ. Въ самой головѣ такихъ ключей или родниковъ живетъ форель, то-есть пеструшка, кутема и лохъ или красуля; за ними лошекъ, голецъ и налимъ. Потомъ появляются головль, плотва, окунь, щука и пискарь; далѣе — уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконецъ — лещи, лини, карпіи и караси. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ породъ, какъ-то: гольцы и караси, могутъ жить и водиться въ водахъ самыхъ холодныхъ и самыхъ теплыхъ, въ самыхъ чистыхъ и въ самыхъ грязныхъ. Разумѣется, точность такого порядка иногда нарушается; но гдѣ же нѣтъ исключеній

*) О причинахъ хода рыбы противъ теченія воды мы скажемъ ниже. *К. Р.*

отъ причинъ и обстоятельствъ мѣстныхъ. И такъ всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же рѣкѣ, если теченіе ея *продолжительно*, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе: въ этомъ убѣдиться не трудно, изслѣдовавъ теченіе какой-нибудь порядочной рѣки. Въ водополье вода вездѣ одинакова: вездѣ мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая въ теплой, сравнительно, водѣ, поднимается вверхъ до самыхъ холодныхъ ключей; но при возвращеніи назадъ, если случайно что-нибудь захватитъ ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для нея еще холодна, или, наоборотъ, скатится она слишкомъ низко, такъ, что вода для нея окажется уже тепла — рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непремѣнно отыщетъ сродную ей температуру. Если не можетъ этого сдѣлать въ тотъ же годъ, по причинѣ прудовыхъ затворовъ и рѣшетокъ, то непремѣнно сдѣлаетъ въ слѣдующую весну. Непреодолимость такого стремленія къ обычной температурѣ воды испытали многіе охотники, пробуя развесть у себя въ пруду тѣ породы рыбъ, которыя водились въ той же самой рѣкѣ, только нѣсколько верстъ пониже. Всѣ усилія оказывались безполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днемъ и ночью, во всѣ времена года, держали сначала мѣсяца по два въ сажалкахъ, загороженныхъ въ томъ же пруду — ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверхъ, такъ что ее ловили верстъ за 15 выше и потомъ вся безъ остатка скатывалась внизъ. И такъ оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру въ той самой водѣ, гдѣ назначалось жить ея потомству, и оно иногда удавалось.

Въ проточныхъ небольшихъ родниковыхъ прудахъ, имѣющихъ всегда свѣжую и даже холодную воду, которые весной мало прибываютъ отъ полой воды и *никогда не уходятъ*, спуски которыхъ всегда загораживаются рѣшетками и верховья мелки — будетъ жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала съ натурою рыбы, но будетъ только *жить*, а не *водиться:* даже не достигнетъ полной природной величины своей. Самый лучшій способъ, да и болѣе удающійся, къ разведенію извѣстныхъ рыбьихъ породъ въ проточныхъ и не проточныхъ прудахъ, въ которыхъ онѣ сами собой не держатся, или не заводятся, состоитъ въ слѣдующемъ: надобно ловить рыбу, которую желаешь развесть, передъ самымъ метаньемъ икры; на каждыхъ шесть икряныхъ самокъ, отобрать по два самца съ молоками, посадить ихъ въ просторную сквозную огородку или сажалку, устроенную въ назначенномъ для того прудѣ; когда изъ выметанной въ свое время икры выведется рыбёшка и нѣсколько подростетъ — загородку разобрать всю, и рыбу выпустить въ прудъ: старая уйдетъ, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будетъ уже слишкомъ много разниться съ тою, въ которой была поймана старая рыба. Точно такимъ образомъ разводятъ и раковъ*)

*) Я имѣлъ случай убѣдиться, что раки могутъ жить въ густой тинѣ или въ рѣчномъ илѣ, глубиною болѣе аршина отъ земной поверхности. Одинъ разъ, въ исходѣ лѣта, при мнѣ чистили срубъ родниковаго колодца, глубиною слишкомъ въ два аршина, который весеннею полою водою поднимался и былъ до верху занесенъ землянымъ иломъ и тиной очень плотно; не знаю, почему онъ не былъ вычищенъ ранѣе. На полутора-аршинной глубинѣ, гдѣ пошла земля помокрѣе, начали попадаться крупные, живые раки; ихъ выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны: и такъ, раки могутъ обходиться почти безъ воздуха.

Я сейчасъ говорилъ о томъ, какъ иногда бываетъ трудно разводить нѣкоторыя породы рыбъ въ такой водѣ, гдѣ прежде ихъ не было; но за то сама рыба разводится непостижимымъ образомъ даже въ такихъ мѣстахъ, куда ни ей самой, ни ея икрѣ, кажется, попасть невозможно, какъ напримѣръ: въ степныхъ озерахъ, лежащихъ на большомъ разстояніи отъ рѣкъ, слѣдственно не заливаемыхъ никогда полою водою, и въ озерахъ нагорныхъ. Оренбургской губерніи въ Стерлитамацкомъ уѣздѣ, есть на рѣкѣ Бѣлой нѣсколько, отдѣльно другъ отъ друга стоящихъ, горъ, очень высокихъ и видныхъ съ луговой стороны верстъ за сорокъ. Когда небо покрыто тучами, онѣ живописно бѣлѣютъ на темномъ горизонтѣ*). Не знаю, что теперь находится на ихъ вершинахъ: но лѣтъ 50 тому назадъ, на двухъ изъ нихъ были небольшія озера съ чистою и холодною водою, и въ одномъ озеркѣ, кажется, на горѣ Юракъ-Тау, водились караси, а можетъ быть, и другая рыба. Какъ они могли попасть туда — объяснить трудно. Я зналъ также одинъ изъ такъ-называемыхъ въ Оренбургской губерніи *проваловъ* (круглыя, болѣе или менѣе глубокія ямы, имѣющія фигуру воронки), въ вершинахъ рѣки Ика; этотъ провалъ съ незапамятныхъ временъ, какъ и многіе другіе, съ весны сохранялъ долго снѣгъ, а лѣтомъ былъ совершенно сухъ, такъ что въ немъ, сверху по бокамъ, росла лѣсная малина. Вдругъ слышу, что онъ наполнился водою, а года черезъ два — что въ водѣ завелись караси: и въ томъ и въ другомъ явленіи

*) Я недавно съ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ объ этихъ горахъ въ статьѣ г. Авдѣева „Поѣздка на кумысъ“, напечатанной въ декабрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1852 года.

я удостовѣрился своими глазами. Повторяю мой вопросъ: какъ могли попасть туда караси, когда озера съ карасями, самыя ближайшія, находились въ пяти верстахъ отъ провала? Надобно допустить извѣстное предположеніе, что птица (всего скорѣе чайка или ворона), проглотивъ гдѣ-нибудь рыбью оплодотворенную икру, залетаетъ потомъ въ такія мѣста, на такую воду, гдѣ прежде рыбы не водилось, выкидываетъ икру въ своемъ пометѣ и что пищеварительный сокъ птичьяго желудка, или зоба, не лишаетъ эту икру способности вывесть изъ себя маленькихъ рыбокъ. Такимъ только образомъ можно объяснить появленіе рыбы на горѣ „Юракъ-Тау“ и въ „Икскомъ провалѣ“, хотя я и долженъ признаться, что такое объясненіе меня не вполнѣ удовлетворяетъ.

Рыба имѣетъ тонкій слухъ и острое зрѣніе, особенно форель; но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чѣмъ вида человѣка или животнаго: по крайней мѣрѣ, скоро къ нимъ привыкаетъ; но къ звуку она чувствительна до невѣроятности; звукомъ можно ее оглушить до безпамятства, чему служитъ доказательствомъ всѣмъ извѣстное *глушеніе* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знаютъ, что на рыбу сильно дѣйствуетъ самый слабый звукъ. Кому изъ нихъ не случалось смирно стоять или сидѣть близъ закинутыхъ удочекъ, ожидая крупной рыбы, и видѣть, какъ мелкая, поднявшись вверхъ, покрываетъ и рябитъ всю поверхность воды около его наплавковъ? Вдругъ рыбакъ кашлянетъ или чихнетъ — и какъ брызги во всѣ стороны разсыплятся серебряныя стайки мелкихъ рыбокъ, точно мгновенный дождь спрыснулъ воду; тоже дѣлается отъ всякаго вне-

запнаго звука, или появленія щуки, большаго окуня, жериха и другихъ хищныхъ рыбъ.

Почти всѣ молодыя рыбки, особенно нѣкоторыя изъ породъ не очень крупныхъ, такъ красивы, или, лучше сказать, такъ миловидны, рѣзвы и чисты, что народъ на югѣ Россіи употребляетъ слово *рыбка*, какъ слово ласки, нѣжности — въ похвалу красотѣ и прелести дѣвической. Оно не рѣдко встрѣчается въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ чувство любви, если не такъ глубоко, не такъ серьёзно какъ въ старинныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, за то нѣжнѣе, эстетичнѣе, такъ сказать. Въ повѣсти Гоголя „Майская ночь или утопленница“ молодой казакъ Левко, вызывая изъ хаты свою милую Галю разными нѣжными словами, между прочимъ говоритъ: „Сердце мое, *рыбка* моя, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою...“ Для великорусскаго крестьянина это слишкомъ нѣжно; но и онъ очень любитъ смотрѣть на всякую рыбу въ водѣ, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами; иногда тихо, незамѣтно плавающую, иногда неподвижно стоящую въ рѣчной глубинѣ!... Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ *гуляетъ вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоитъ иногда пѣшеходъ-крестьянинъ, спѣшившій куда-нибудь за нужнымъ дѣломъ, забываетъ на время свою трудовую жизнь и, наклонясь надъ синимъ омутомъ, пристально смотритъ въ темную глубь, любуясь на рѣзвыя движенья рыбъ, особенно когда она играетъ и плещется, какъ она, всплывъ наверхъ,

вдругъ крутымъ поворотомъ погружается въ воду, плеснувъ хвостомъ и оставя вертящійся кругъ на поверхности, края котораго, постепенно расширяясь, не вдругъ сольются съ спокойною гладью воды; или какъ она, однимъ только краешкомъ спиннаго пера разсѣкая поверхность воды, стрѣлою пролетитъ прямо въ одну какую-нибудь сторону, слѣдомъ за ней пробѣжитъ длинная струя, которая, раздѣляясь на двѣ, представляетъ странную фигуру расходящагося треугольника... Нужно ли говорить послѣ этого, что рыбакъ-охотникъ глядитъ на всякую рыбу еще съ большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь рѣдкую глядитъ съ восхищеніемъ, съ радостнымъ трепетомъ сердца! Не охотникамъ, можетъ быть, покажутся смѣшны такія выраженія; я не буду тѣмъ оскорбляться — я говорю охотникамъ, и они поймутъ меня! Каждый изъ нихъ, достигнувъ старости, находитъ отраду въ воспоминаніи того живаго чувства, которое одушевляло его въ молодости, когда съ удочкой въ рукѣ, забывая и сонъ и усталость, страстно предавался онъ своей любимой охотѣ. Онъ, вѣрно, съ удовольствіемъ вспоминаетъ это золотое время.... И я помню его, какъ давнишній, сладкій и не совсѣмъ ясный сонъ; помню знойные полдни, берегъ, заросшій высокими, душистыми травами и цвѣтами, тѣнь ольхи, дрожащую на водѣ, глубокій омутъ рѣки, молодаго рыбака, прильнувшаго къ наклоненному надъ водою древесному пню, съ повисшими внизъ волосами, неподвижно устремившаго очарованные глаза въ темно-синюю, но ясную глубь.... И сколько рыбы кипѣло въ ней! Какіе язи, головли, окуни.... И какъ замирало сердце юноши, какъ стѣсня-

лось дыханье.... Давно уже это было, очень давно! Молодые охотники и теперь испытываютъ тоже, и дай Богъ имъ надолго сохранить это живое, невинное чувство страстнаго рыбака.

Приступаю къ описанію породъ рыбъ мнѣ извѣстныхъ, которыя берутъ на удочку. Начну съ мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потомъ скажу о породахъ крупныхъ, но не хищныхъ, очень рѣдко питающихся рыбою, и наконецъ о породахъ собственно хищныхъ, для которыхъ мелкая рыбёшка составляетъ существенную и почти единственную пищу.

1.

Лошокъ *).

Самое имя этой красивой рыбки указываетъ, что оно уменьшительное отъ имени рыбы „лохъ“, и оно не даромъ дано ей **): красныя, черныя и бѣлыя крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапины лоха или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю — самая маленькая рыбка: лошокъ въ два вершка — рѣдкость по величинѣ. Они водятся въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ, и всегда появляются большими стаями. Иногда въ омуточкѣ прозрачнаго ручья вдругъ видишь, что свѣтлое вездѣ дно покрыто чѣмъ-то чернымъ: это лошки, которые въ нѣсколько рядовъ стоятъ другъ на другѣ, и обыкновенно покрупнѣе внизу, а самые мелкіе сверху. Не трудно наловить ихъ сколько угодно *недоткой* изъ рѣдинки, частымъ сакомъ или *хреб-*

*) Недавно я узналъ что „лошки“ называются въ Можайскомъ уѣздѣ „голопузкой“, а въ Верейскомъ — „свинобойкой“. Вѣроятно, они водятся и въ другихъ губерніяхъ.

**) Это дѣйствительно молодая рыбёшка лоха, почему мы и не предлагаемъ изображенія. Мы ничего не могли узнать положительнаго о присутствіи этой рыбки въ Московской губ. *К. Р.*

тугомъ *), привязаннымъ двумя узкими боками къ двумъ палкамъ; но если не случится подъ руками и этихъ не хитрыхъ рыболовныхъ снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станутъ безпрестанно брать на навознаго червяка (безъ хвостика вѣрнѣе) и простую муху: чѣмъ удочка меньше, тѣмъ лучше. Разумѣется, никто не станетъ удить лошковъ безъ особенной надобности; я самъ помню, что уживалъ ихъ только въ ребячествѣ; но они очень могутъ понадобиться, ибо составляютъ превосходную насадку для уженья окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видѣлъ лошковъ только въ Оренбургской губерніи; тамъ водились они въ большомъ изобиліи и даже не въ маленькихъ рѣчкахъ, а въ такихъ, на которыхъ стояли мельницы постава на четыре, и я очень помню безчисленныя станицы лошковъ, лежащія на днѣ подъ мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселеніе взмутило чистоту и прозрачность тамошнихъ прекрасныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и лошковъ становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковородѣ составляетъ вкусное блюдо: ихъ готовятъ не чищенныхъ, а выдавливаютъ руками и хорошенько промываютъ.

*) Хребтугомъ называется раскрытый мѣшокъ изъ рѣдинки же, въ которомъ задаютъ лошадямъ овесъ.

2.

Верховка.

Это также самая маленькая рыба: не больше лошка, только лошокъ круглъ, а она плоска. Верховка такъ похожа на уклейку *), что многіе считаютъ ихъ за одну и ту же рыбу, только въ разныхъ возрастахъ; но это несправедливо. Я знаю много рѣкъ въ разныхъ губерніяхъ, въ которыхъ изобильно водится уклейка, подъ именемъ *сентявки* или *бѣлоглазки,* но въ которыхъ рѣшительно нѣтъ верховки. Имя дано ей по ея свойствамъ: она любитъ плавать на поверхности воды и часто ложится на бокъ, блестя на солнцѣ нѣсколько синеватою серебряною бѣлизною, точно какъ будто всплыла уснувшая рыбка. Гдѣ много ея, тамъ она очень надоѣдаетъ: вертясь кругомъ удочки съ быстротою молніи, она безпрестанно трогаетъ и поталкиваетъ съ разбѣга ваши крючки, грузила, лесы и даже наплавки, особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненькаго чер-

*) Мы думаемъ, что это молодая рыбёшка уклейки, почему и не прилагаемъ изображенія. Иногда ее называютъ *верховодомъ, верховодкою, верхоплавкою. К. Р.*

вячка, или на крошечный кусочекъ хлѣба, а всего скорѣе на муху; наплавокъ надобно пускать какъ можно мельче: она рѣдко его погружаетъ, но быстро тащитъ въ сторону.... Она также пригодна только для насадки крючковъ на хищную рыбу, и только съ этой цѣлью можетъ удить ее рыбакъ. Около Москвы, во всѣхъ рѣкахъ и чистыхъ прудахъ, водится въ большомъ множествѣ, а въ Оренбургской губерніи ея нѣтъ.

3.

Голецъ *).

Имя **) его происходитъ отъ свойства кожи: она гола; на ней нѣтъ никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопредѣленнаго цвѣта: сѣровато-желтоватаго, или бланжеваго съ неправильными, неясными пятнами, болѣе или менѣе темными. Въ одной и той же водѣ, одни гольцы бываютъ свѣтлѣе, а другіе гораздо темнѣе. Вообще въ рѣчкахъ и ручьяхъ они темнѣе, а въ прудахъ, особенно въ сажалкахъ, — желтѣе. Голецъ не выростаетъ длиннѣе трехъ вершковъ, и то большая рѣдкость: онъ совершенно круглъ и пузастъ; самые крупные бываютъ толщиною въ большой палецъ мужской руки; маленькій ротикъ его имѣетъ усы. Мечетъ икру въ апрѣлѣ. Отличительное свойство гольца состоитъ въ томъ, что онъ водится во всѣхъ водахъ, начиная отъ копаннаго, тинистаго, нечистаго, теплаго лѣтомъ пруда до холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго источника. Онъ

*) Cobitis taenia, L.

**) Называется въ Великороссіи: *подкаменьщикъ*, на Алданѣ и Ковыми *моржогонъ;* на Инутѣ *кружельчикъ, вертельчикъ;* иногда *малевка, мулевка;* въ южной Россіи *щиповка, сикъ, сиковка, саковка, сциковка.* Мы не увѣрены, что авторъ разумѣетъ здѣсь подъ именемъ *гольца:* подъ Москвою такъ называютъ молодыхъ вьюновъ (Cobitis fasilis L.), а потому и не прилагается изображенія. *К. Р.*

первый съ форелью (если не прежде ея) появляется въ головѣ родниковъ, лежа иногда подъ самыми тѣми камнями, изъ-подъ которыхъ бьетъ дѣвственная струя воды. Вообще гольцы такъ мелки, что рѣдко кто нибудь занимается собственно ихъ уженьемъ, да и клюютъ они въ рѣкахъ очень мало; но въ омуточкахъ ручьевъ и прудахъ, гдѣ иногда они разводятся до невѣроятнаго множества и берутъ безпрестанно, — по моему, очень весело ихъ удить. Они исключительно клюютъ на одного навознаго червячка. Крючки надобно употреблять меньшаго разбора изъ среднихъ, потому что на маленькіе трудно и скучно насаживать безпрестанно, по необходимости выбирая самыхъ мелкихъ червяковъ; хвостики можно пускать короче; гольцы берутъ и вовсе безъ хвоста, хотя не такъ охотно, но за то гораздо вѣрнѣе, потому что голецъ клюетъ не съ разбѣга и не вдругъ заглатываетъ, а взявъ въ ротъ конецъ червяка, тихо плыветъ въ сторону; слѣдственно надобно подсѣкать немедленно, какъ скоро наплавокъ повезетъ въ бокъ или прямо. Удить надобно со дна. Гольцы, по мягкости своей кожи, служатъ лакомою насадкой для всѣхъ хищныхъ рыбъ, но и для человѣка они составляютъ самую вкусную пищу: уха изъ однихъ гольцовъ, осторожно вычищенныхъ, то-есть, не раздавя въ пузырькахъ желчи, такъ жирна и вкусна, что едва ли уступитъ ухѣ изъ налимовъ; жареные и маринованные гольцы превосходны. Они берутъ на удочку до сильныхъ морозовъ. Я слышалъ, будто гольцы такіе жадные пожиратели чужой икры, что въ небольшихъ прудахъ переводятъ породы другихъ рыбъ, въ чемъ я, однако, сомнѣваюсь.

4.

Пескарь *).

Имя его происходитъ явно отъ того, что онъ всегда лежитъ на песчаномъ днѣ. Хотя, обыкновенно говорятъ *пискарь*, а не *пескарь* но это единственно потому, что первое легче для произношенія. Впрочемъ многіе увѣрены, что эта рыбка должна называться *пискаремъ*, потому что, будучи сжата въ рукахъ человѣка, издаетъ звукъ, похожій на пискъ. Самый крупный пескарь не бываетъ длиннѣе $3^1/_2$ вершковъ и — толще большаго пальца руки, (и этой величины достигаетъ онъ рѣдко). Онъ брусковатъ и довольно ровенъ. Спинка и бока покрыты темносиними крапинками, а брюшко очень бѣловатое, серебристаго цвѣта. Пескарь очень красивая или миловидная и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которыя иногда бываютъ невѣроятно многочисленны; водятся и въ малыхъ и въ большихъ рѣкахъ, преимущественно песчаныхъ. Про пескарей говорятъ рыбаки, что

*) Cobitis barbatula, L. Называютъ иногда *столбцомъ*; въ Малороссіи *авдюшка, авдюшечка, авдотка, евдотка, евдюшка, удотка. К. Р.*

они мечутъ икру по нѣскольку разъ въ годъ; но это не справедливо. Вѣроятно, эту операцію производятъ они въ зимніе мѣсяцы. Будучи посажены въ пруды, размножаются и въ нихъ изобильно, особенно, если вода чиста (иногда живутъ и въ нечистой, что, впрочемъ, рѣдкость); но въ маленькихъ прудкахъ они бываютъ мелки, а въ большихъ проточныхъ прудахъ и рѣкахъ необыкновенно крупны. Пескарей уже удятъ собственно для нихъ, и для многихъ охотниковъ это весьма пріятное уженье, ибо пескари, если клюютъ, то клюютъ безпрестанно и очень вѣрно; ихъ удятъ, привязывая даже по два и по три крючка на разныхъ поводкахъ къ одной и той же лесѣ, и они берутъ иногда вдругъ за всѣ три. Для уженья употребляется обыкновенный навозный червякъ; среднія удочки всего удобнѣе.

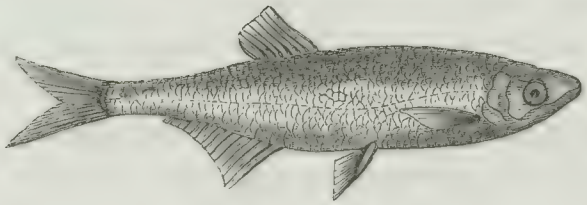
Въ продолженіе моего рыбачьяго поприща, я замѣтилъ въ уженьѣ пескарей неизъяснимую странность: въ рѣкахъ и проточныхъ прудахъ, особенно около кауза и вешняка, они клюютъ на удочку необыкновенно жадно; въ большихъ непроточныхъ прудахъ уже берутъ не такъ хорошо; а въ маленькихъ прудкахъ, или копанныхъ сажалкахъ не берутъ вовсе, хотя бы и водились въ нихъ во множествѣ; еще странность: въ послѣднихъ они берутъ иногда на хлѣбъ, а въ рѣкахъ — никогда. Мнѣ много случалось удить въ копанныхъ прудахъ, гдѣ водились только караси и пескари, и я много разъ имѣлъ случай видѣть, какъ крючки съ червяками лежатъ спокойно на днѣ, или мотаются между стаями пескарей, не обращая на себя ихъ вниманіе (при чемъ не рѣдко выуживалъ я пескарей, задѣвая ихъ снаружи за бока), тогда какъ крючокъ, насаженный кусочкомъ хлѣба, едва коснется

дна, то сейчасъ бываетъ ими окруженъ. Пескари до тѣхъ поръ его потрогиваютъ, поталкиваютъ, треплютъ, щиплютъ и сосутъ, пока онъ свалится съ крючка; если крючокъ и кусочекъ хлѣба очень малы, то иногда случалось и выудить пескаря. Такими продѣлками они ужасно мнѣ надоѣдали: ибо сами не клевали настоящимъ образомъ, а карасямъ мѣшали. Уженье пескарей начинается не рано весной, а когда вода сдѣлается совершенно свѣтла: оно продолжается до самой зимы. Они клюютъ во всякое время дня. Обыкновенно удятъ ихъ весной и лѣтомъ въ рѣкахъ на перекатахъ, на мѣстахъ мелкихъ, песчаныхъ, хрящеватыхъ, гдѣ вода течетъ довольно быстро и гдѣ можно увидѣть ихъ стаи, лежащія на днѣ. Уженье устроивается тремя способами: 1) Можно удить съ наплавкомъ и умѣренно тяжелымъ грузиломъ, пуская такъ глубоко, чтобы грузило было на вѣсу, а крючокъ тащился по дну. Это хорошо при умѣренной быстротѣ теченія. 2) Можно удить безъ наплавка съ грузиломъ очень тяжелымъ, находящимся въ разстояніи двухъ и даже трехъ четвертей отъ крючка: грузило ляжетъ на дно, а леса съ червякомъ будетъ извиваться по теченію воды. Этотъ способъ наилучшій, особенно на сильныхъ быстринахъ. 3) Можно удить вовсе безъ грузила, съ наплавкомъ, а лучше безъ наплавка, пусть вода несетъ крючокъ съ червячкомъ по своему произволу: по быстротѣ теченія, онъ не вдругъ коснется дна; но при его приближеніи пескари проворно подымаются къ верху, и хватаютъ крючокъ. Нигдѣ я не уживалъ пескарей въ такомъ множествѣ и такихъ крупныхъ, какъ въ Москвѣ-рѣкѣ. При наступленіи морозовъ, пескари сваливаются съ мелкихъ мѣстъ въ глу-

бокія, гдѣ остаются на зиму. Тамъ они берутъ до тѣхъ поръ, пока крѣпкій ледъ покроетъ поверхность воды: удить должно *непремѣнно* со дна.

Пескарь беретъ живо и вѣрно; его подержка и утаскиванье видны по наплавку и слышны по рукѣ; надобно подсѣкать его проворно; разумѣется, должно удить на одну удочку и всегда держать удилище въ рукѣ. Онъ служитъ превосходною насадкою для хищной рыбы и самою здоровою пищею для человѣка. Уха изъ пескарей, какъ не жирная и легкая, обыкновенно предписывается докторами больнымъ; пескари, жареные въ сметанѣ, отлично вкусны.

Я уже сказалъ, что пескарей удятъ на два и даже на три крючка, привязанныхъ къ одной лесѣ, одинъ другого короче. Правда, если придется удить на мѣстѣ, гдѣ лежитъ огромная стая пескарей, — они берутъ жадно, и случается вытаскивать вдругъ по два и по три пескаря. Но я не люблю этого устройства удочекъ: онѣ ужасно путаются, и пригодны только для пескарей, которыхъ, если клёвъ хорошъ, и на одинъ крючокъ наудишь множество. Французы большіе охотники до двойныхъ и тройныхъ удочекъ. Они употребляютъ ихъ для уженья крупной рыбы: крючки навязываютъ разной величины, привязки къ лесѣ пускаютъ также очень различной глубины, такъ что одинъ крючокъ лежитъ на днѣ, а другой виситъ на аршинъ отъ дна; разумѣется, и насадку употребляютъ разную. Такой способъ уженья получаетъ уже особый смыслъ. Я пробовалъ его, но безъ успѣха; двойная или тройная удочка не ловка, уродлива, чаще задѣваетъ, и рыба беретъ на нее неохотно.



5.

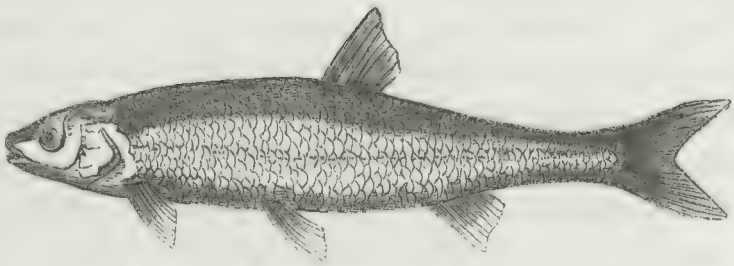
Уклейка *).

Я уже сказалъ, что верховка на нее совершенно похожа, только вчетверо ея меньше: также плоска, тонка, синевато-серебристаго цвѣта и бѣлоглаза; по этимъ-то двумъ послѣднимъ качествамъ называютъ ее въ Оренбургской губерніи *сентявкой* и *бѣлоглазкой*. Я никогда не видывалъ уклейки длиннѣе четверти и шире вершка. Отъ чего около Москвы называютъ ее *уклейкой*, добраться я никакъ не умѣю. Она водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ чистыхъ водахъ, особенно въ рѣкахъ. Когда вы стоите надъ синею глубью рѣчнаго омута, или озера, и солнце сзади освѣщаетъ поверхность воды, то непремѣнно увидите на довольно значительной глубинѣ сверканье синевато-серебряныхъ полосъ, кругловатыми линіями, въ разныхъ направленіяхъ, пронзающихъ воду, — это уклейки.

*) Aspius alburnus, L. *Уклея.* На волгѣ—*селява,* на Окѣ—*сикла,* на Камѣ—*вандышь, щеклейка,* у Яицкихъ козаковъ *конюхъ, гармакъ;* въ Малороссіи *себель, себеликъ, сибиль,* по Бугу *швія;* по Днѣпру большія — *селедка,* не большія—*оселедчики.*

Рѣдко случается, чтобъ охотникъ занимался ихъ уженьемъ; но что̀ бы вы ни удили, только бы крючокъ былъ насаженъ навознымъ червякомъ, уклейка не оставитъ схватить его, испортить, или попасть на удочку, при первомъ погруженіи крючка въ воду: разумѣется, это дѣлается тамъ, гдѣ уклейки очень много. Если же червякъ дойдетъ благополучно до дна, то она уже его мало трогаетъ. Уклейка очень надоѣдаетъ тѣмъ, что портитъ насадку червя, совсѣмъ не для нея назначаемую; впрочемъ она бросается только на небольшаго червя. Если кому угодно ее удить, то надобно употреблять маленькія удочки, наплавокъ пускать очень мелко, съ крошечнымъ грузиломъ, или даже безъ грузила; всего охотнѣе и вѣрнѣе беретъ она на мушку; на червяка съ хвостикомъ также клюетъ хорошо, но̀ не такъ вѣрно, потому что часто хватаетъ только за свѣсившуюся половину червяка; безъ хвостика же клюетъ не охотно, а на хлѣбъ еще неохотнѣе. Клёвъ ея быстръ; она налетаетъ съ разбѣга и вдругъ утаскиваетъ наплавокъ въ сторону, иногда погружая его и въ воду; а если сама попадаетъ на крючокъ, что̀ бываетъ не рѣдко, то натянетъ лесу и дернетъ даже за удилище, если вы не вдругъ подсѣчете. Для нея нѣтъ особенныхъ мѣстъ: она держится по всей рѣкѣ, но я замѣчалъ ее въ большемъ количествѣ въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ. Уклейка пригодна для насадки на всякую хищную рыбу, даже и на крупную, которую она можетъ приманить издали, кидаясь на крючокъ съ необыкновенною быстротою во всѣ стороны и сверкая блестящей бѣлизной своей. Уклейка никогда не бываетъ жирна, и потому не употребляется для ухи, но изжаренная въ

сметанѣ и высушенная — а еще лучше прокопченная, какъ сельдь — очень хороша. Вообще вкусъ ея пріятнѣе вкуса мелкой плотицы. Уклейка клюетъ до поздней осени; но послѣ сильныхъ морозовъ — уже только въ глубокихъ омутахъ и со дна.



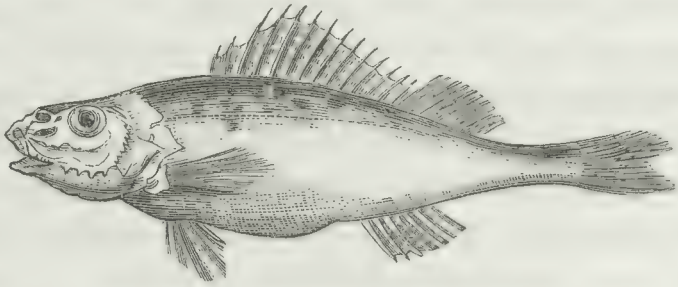
6.

Елецъ *).

Рыба, неизвѣстная въ низовыхъ губерніяхъ, можетъ быть такъ названа потому, что впервые появилась въ извѣстной рѣкѣ *Ельцѣ*, на которой стоитъ городъ Елецъ. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна съ уклейкой, но она бѣлѣе, не плоска, а брусковата; похожа складомъ на головля. Длиною бываетъ съ небольшимъ въ четверть, а толщиною пальца въ полтора; глаза, перья и хвостъ какого-то неопредѣленнаго сѣровато-сизаго цвѣта, а спинка потемнѣе. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елецъ водится довольно изобильно во всѣхъ рѣкахъ Московской губерніи, также въ проточныхъ прудахъ и озерахъ, заливаемыхъ рѣчною весеннею водою, но въ небольшихъ, копанныхъ, несвѣжихъ прудахъ жить не можетъ. Онъ такъ же, какъ и уклейка, очень проворенъ въ своихъ движеніяхъ, но шире, бѣлѣе и ярче сверкаетъ въ глубинѣ; беретъ по большой части со дна, и охотнѣе держится на мѣстахъ не глубокихъ,

*) Lenciscus vulgaris, Flem. Въ Орловской губ.—*кленокъ*, въ Волынской—*кленёкъ*, въ Малороссіи—*ялецъ, яльчикъ*. *К. Р.*

быстрыхъ, хрящеватыхъ и каменистыхъ. Клюетъ довольно вѣрно; если со дна, то сначала ведетъ наплавокъ, не погружая: въ это время должно подсѣкать его; если же насадка не касается дна, то беретъ живо и совсѣмъ утаскиваетъ наплавокъ. Удить его надобно на навознаго червяка, но крупные берутъ охотнѣе на землянаго небольшаго червя; говорятъ, что елецъ клюетъ и на хлѣбъ, но мнѣ никогда не случалось выудить ельца на хлѣбную насадку. Въ осень ельцы любятъ играть на солнцѣ, и въ это время надобно удить ихъ, навязывая наплавокъ очень мелко, спуская его иногда до самаго поводка; послѣ же сильныхъ морозовъ, въ октябрѣ, они берутъ только уже со дна, въ глубокихъ омутахъ. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щукъ и большихъ налимовъ. Вкусъ ельца составляетъ нѣчто среднее между плотицей и уклейкой, слѣдовательно имѣетъ мало достоинства. Клевать начинаетъ очень рано, даже въ апрѣлѣ, когда вода въ рѣкахъ еще слишкомъ сильна и мутна.



7.

Ершъ *).

Имя ерша, очевидно, происходитъ отъ его наружности; вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ. Ершъ, въ этомъ видѣ, быстро выхваченный изъ воды не покажется даже рыбой, а чѣмъ-то круглымъ и мохнатымъ; даже на подъемѣ онъ покажется тяжелѣе, чѣмъ другія рыбки, равной съ нимъ величины. Русскій народъ любитъ ерша; его именемъ, какъ прилагательнымъ, называетъ онъ всякаго невзрачнаго, задорнаго человѣка, ко-

*) Acerina vulgaris, C. Имѣетъ одно названіе во всей Россіи. *К. Р.*

торый сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинилъ онъ, вѣроятно всѣмъ извѣстную, цѣлую сказку съ лубочными картинками своенародной фантазіи и иногда съ забавными созвучіями вмѣсто риѳмъ. По моему, ершъ— лучшая рыбка изъ всѣхъ, не достигающихъ большаго роста. Складомъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длины, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ слишкомъ въ четверть длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ Сибирскихъ ершахъ. Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ темно-синіе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вышиною; онъ оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гребешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины какого-то темноватаго, неопредѣленнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью въ такомъ изобиліи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима; хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловато-сѣрыя. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большемъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, также и озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Гдѣ ершей много и они крупны, тамъ уженье ихъ необыкновенно изобильно и пріятно; клюютъ только на краснаго

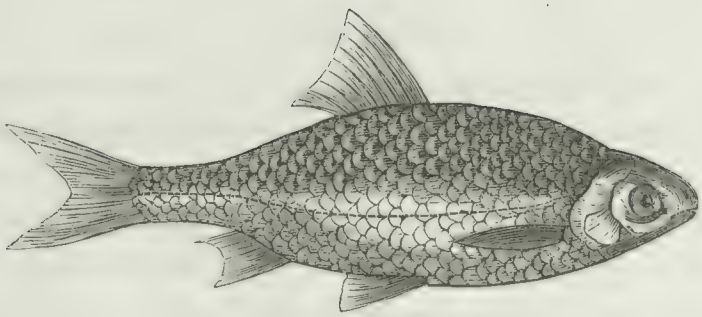
навознаго червяка, и хотя не такъ охотно — на земляныхъ червей; разумѣется, для этого надобно отбирать самыхъ мелкихъ; удочки употребляются среднія. Ерши гораздо жаднѣе клюютъ со дна, чѣмъ на вѣсу, и потому въ такомъ только случаѣ не должно удить со дна, если оно травянисто, или имѣетъ задёвы.

Ерши очень рано весною начинаютъ клевать, и перестаютъ въ концѣ самой поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете переудить бо̀льшую ихъ часть: насаживать можно червяковъ съ хвостами и безъ хвостовъ, но первое всегда лучше. Ерши берутъ и заклевываютъ вѣрно, безъ обмана, и почти всегда погружаютъ наплавокъ въ воду, но иногда ведутъ въ сторону, тряся его: не рѣдко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держалъ крючокъ во рту. Впрочемъ, это бываетъ иногда со всякой рыбой. Я нигдѣ не находилъ ершей въ такомъ множествѣ, какъ въ поемныхъ озерахъ около Москвы рѣки: тамъ можно было ихъ выудить сколько угодно: двѣсти, триста и болѣе, за то крупные попадались рѣдко, отчего уженье теряло свою заманчивость. Ершей не употребляютъ для насадки, вѣроятно по причинѣ ихъ острыхъ вооруженій, которыя не нравятся хищнымъ рыбамъ, но для человѣка ершъ составляетъ превосходную добычу. Уха изъ ершей самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они, — особенно если крупны, — приготовленные на холодное подъ желе, которое бываетъ необыкновенно густо. По моему мнѣнію, ничто не можетъ сравниться съ деликатнѣйшимъ вкусомъ этого блюда.

Я всегда дорожилъ крупными ершами и отыски-

валъ ихъ неутомимо. Но клёвъ ихъ въ рѣкахъ очень капризенъ: иногда на мели, иногда — только въ глуби; сегодня клюютъ хорошо, завтра не клюютъ совсѣмъ. Ерши въ исходѣ апрѣля набиты икрой до безобразія, и въ маѣ ее мечутъ, послѣ чего клюютъ жаднѣе.

Теперь я поговорю о тѣхъ рыбахъ, которыя, родясь такими же крошками, какъ и тѣ, коихъ я уже описалъ, достигаютъ большой величины.



8.

Плотица *).

Очевидно получила свое имя отъ того, что она плоска. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ *сорога,* или *сорожнякъ;* происхожденіе этого названія объяснить не умѣю. Безъ сомнѣнія, это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ большихъ и малыхъ, озерахъ, прудахъ проточныхъ и копаныхъ, если только вода довольно свѣжа, однимъ словомъ сказать, вездѣ водится плотва во множествѣ. Это такъ ее опошлило, что рыбаки совершенно ее не уважаютъ. Только тогда получаетъ она нѣкоторую значительность, кагда начинаетъ вѣсить болѣе фунта. Я самъ видѣлъ плотицу въ четыре фунта, но старые рыбаки разсказывали мнѣ въ Оренбургской губерніи, что въ старину попадалась плотва въ семь фунтовъ: такую плотицу вы-

*) Leuciscus rutilus, L. Въ Великороссіи — *плотва, плоть, сорожникъ;* у козаковъ — *серуха, серушка;* по Днѣпру — *библа, библица, библина, облина. К. Р.*

удить уже очень пріятно. Плотица нѣсколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чисто-серебристаго цвѣта, который къ спинкѣ становится темнѣе; глаза имѣетъ красные, или красно-коричневые и чѣмъ плотица больше, тѣмъ глаза становятся краснѣе; верхнія и нижнія перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. Съ увеличеніемъ роста, плотица становится шире и кругловатѣе; ротъ имѣетъ небольшой. Клёвъ ея начинается съ самой ранней весны, даже тогда, когда полая вода не совсѣмъ слила и еще довольно мутна; однимъ словомъ, плотва первая начинаетъ и почти послѣдняя оканчиваетъ рыбій клёвъ. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновеннаго навознаго червяка, а крупная — даже на землянаго, на хлѣбъ, на всякія распаренныя зерна, на раковыя шейки и на всякихъ насѣкомыхъ. Ее можно удить на всѣхъ мѣстахъ и на всякой глубинѣ; но крупная плотва клюетъ лучше и вѣрнѣе со дна, въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ, особенно на хлѣбъ: въ камышахъ же, полояхъ, въ мелкой водѣ, она беретъ на двѣ четверти аршина и даже менѣе отъ поверхности воды, особенно въ вѣтренное время. Въ водахъ, гдѣ водится большая рыба и гдѣ рыбакъ ее особенно имѣетъ въ виду, плотва нестерпимо надоѣдаетъ: отъ ея дерганья и тасканья нѣтъ никакой защиты; одно спасенье: огромные куски хлѣба, самый крупный земляной червь, не прорванный сальникъ и линючій ракъ, въ цѣлости насаженный на крючокъ. Я помню въ дѣтствѣ моемъ, когда Оренбургская губернія была еще гораздо менѣе населена и рѣки ея кипѣли всякой рыбой, особенно плотвой, какъ во множествѣ

удили ее на кусочки кишекъ мелкихъ птичекъ, на трявяные стебельки и на всякую дрянь. Но презирать плотву можно тамъ, гдѣ много другой лучшей рыбы. Мнѣ самому случалось жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ я былъ радъ и порядочной плотичкѣ, а какъ это можетъ случиться и съ другимъ охотникомъ, то и слѣдуетъ поговорить обстоятельнѣе объ ея уженьѣ. Клёвъ плотвы безконечно разнообразенъ. Всего благонадежнѣе удить ее на кусочки хлѣба и на распаренныя пшеничныя зерна, но къ этому надобно ее пріучить, бросая прикормку, состоящую изъ того и другаго. Мнѣ попадались рѣки, въ которыхъ плотва ни на что не брала, кромѣ червяка *) и то съ хвостомъ, а это клёвъ самый не вѣрный; не знаю чѣмъ объяснить такую странность, непривычкой ли къ хлѣбу и зерну, или изобиліемъ питательныхъ травъ и разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ? Крупная плотва особенно любитъ брать рано утромъ. Надобно стараться пріучить ее клевать со дна; тутъ она утаскиваетъ и погружаетъ наплавокъ въ воду, а потому подсѣкать ее не трудно, но и только тутъ можно удить на двѣ удочки; если же вы удите на вѣсу, то надобно подсѣкать ту же минуту, какъ скоро она потащитъ наплавокъ, и начнетъ его погружать. Плотва средняя, и особенно мелкая, рѣдко беретъ вѣрно: вниманіе, смѣтка, быстрота и ловкость подсѣчки тутъ необходимы. Удилище должно держать въ рукѣ. Нечего на это смотрѣть,

*) Одинъ почтенный охотникъ (С. Я. А.) сообщилъ мнѣ, что въ рѣкѣ „Немѣ“, протекающей близъ г. „Верен“ плотва, водящаяся во множествѣ, не беретъ совсѣмъ на удочку, такъ что въ иной годъ выудишь двѣ или одну плотицу.

что много будетъ промаховъ, за то много будетъ и рыбы. На мѣстахъ, гдѣ давно опущенъ мѣшокъ съ прикормкой, плотва очень привыкаетъ кушать распаренныя зерна и беретъ на нихъ безъ обмана. Тутъ можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно, или два зерна, разбухшей въ горячей водѣ, пшеницы, и всякій разъ пробуя — свободно ли выходитъ наружу жало крючка; впрочемъ, самая крупная плотва скорѣе возьметъ на куски умятаго хлѣба, величиною въ русскій небольшой орѣхъ. Для насадки червей надобно употреблять среднія удочки, а для хлѣбныхъ крошечныхъ шариковъ и пшеничныхъ зеренъ — маленькіе крючки. Мелкая плотва можетъ служить насадкой для хищной рыбы. Уха изъ нея невкусна и часто пахнетъ травой; лучше ее жарить въ сметанѣ и сушить. Плотва некрупная клюетъ до глубокой осени, и даже зимою въ прорубяхъ; икру мечетъ въ іюнѣ.

9.

Красноперка *)

Рыбаки называютъ ее *плотица-красноперка*, и такъ, по видимому, не слѣдовало бы говорить о ней, какъ особой породѣ рыбы, но я нахожу между нею и обыкновенною плотицею существенное различіе, кромѣ различія цвѣта, которое, хотя не такъ ярко, встрѣчается и у другихъ рыбъ одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складомъ совершенно похожа на *подлещика*, покрыта чешуей желто-золотистаго блестящаго цвѣта; края этой чешуи, какъ будто оторочены золотисто-коричневой каемочкой: перья, особенно нижнія, яркаго краснаго цвѣта, отъ чего она и получила свое имя, глаза коричневые; все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее одною изъ самыхъ красивыхъ рыбъ. Красноперка, вѣроятно, можетъ достигать такой же величины и такого же возраста, какъ и простая плотица. Икру мечетъ въ одно время съ нею. Одинъ разъ, при мнѣ, выудилъ рыбакъ красноперку (на

*) Leucuscus erythrophlalmus, L. Въ Москвѣ неизвѣстна. Мѣстами — *красница*. Въ Малороссій *черемуха, черемухà, чернухà*. *К. Р.*

мыты стволы, перечищены и перемазаны замки. Наконецъ проходитъ долгая, скучная, бурная зима. Февраль навалилъ сугробы снѣга: съ утоптанной тропинки шагу нельзя ступить въ сторону. Правда, рано утромъ, и то уже въ исходѣ марта, можно и безъ лыжъ ходить по насту, который иногда бываетъ такъ крѣпокъ, что скачи куда угодно, хоть на тройкѣ; можно подкрасться, какъ-нибудь изъ-за деревьевъ, къ начинающему глухо токовать краснобровому косачу; можно нечаянно наткнуться и взбудить чернохвостаго русака, съ ремнемъ пестрой, крымской мерлушки по спинѣ, или чисто-бѣлаго, какъ снѣгъ, бѣляка: онъ еще не началъ сѣрѣть, хотя уже волосъ лѣзетъ; можно на пищикъ *) подозвать рябчика, — и кусокъ свѣжей, не перемерзлой дичины можетъ попасть къ вамъ на столъ....

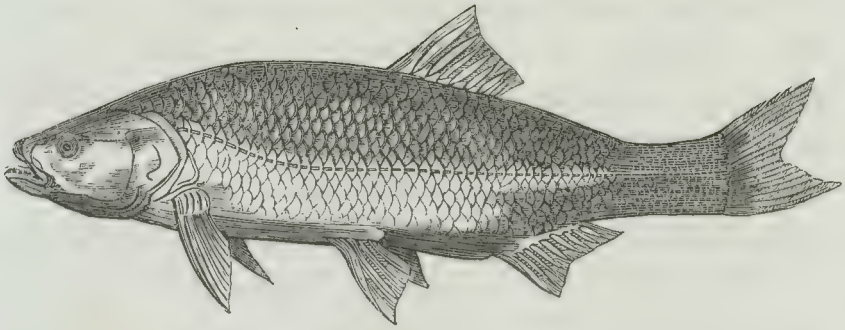
Но ненадежны мартовскіе утренники, невѣренъ путь по насту, особенно въ красный день. Какъ скоро обогрѣетъ хорошенько солнце, то снѣжная кора распустится, *раскровѣетъ,* какъ говоритъ народъ, начнетъ садиться съ глухимъ гуломъ, похожимъ на отдаленный пушечный выстрѣлъ, и не подниметъ ноги человѣка: съ каждымъ шагомъ будетъ онъ вязнуть по поясъ въ снѣжную громаду **). Бѣда отойдти далеко отъ дороги — измучаешься: на одной верстѣ пробьешься не одинъ часъ. Охотиться же на лыжахъ очень утомительно: надобно имѣть много ловкости, даже умѣнья и большую привычку управлять лыжами по неровной мѣстности.

Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла полосами бѣлая пелена снѣга, и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже мартъ на исходѣ и апрѣль на дворѣ. Для страстнаго охотника, какимъ былъ я съ-молоду, и какіе вѣроятно никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожиданія. Если весна не слишкомъ поздняя, то прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревьевъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя

*) *Пищикомъ* называется маленькая дудочка изъ гусинаго пера или кожи съ липоваго прутика, на которой издаютъ ртомъ *писк*ъ, похожій на голосъ самки рябца.

**) Кто хаживалъ по весеннему насту, тотъ вѣрно замѣтилъ это явленіе: цѣлыя поляны какъ будто охаютъ и внезапно опускаются. Необыкновенный глухой гулъ, соединенный съ содроганіемъ всей поверхности той массы снѣга, на которой стоитъ человѣкъ, производитъ сильное и непріятное дѣйствіе на нервы. Оно похоже на электрическій толчекъ, чувствуемый цѣпью людей, когда извлекается искра изъ Лейденской батареи.

зерна, употребляются маленькія, а для червей и кусочковъ рыбы — среднія удочки. По необыкновенно-красивой наружности, потому что водится не вездѣ и клюетъ не всегда, даже появляется во множествѣ не всякій годъ — уженье красноперки несравненно выше уженья плотвы.



10.

Язь *).

Не умѣю опредѣлить, откуда происходитъ его названіе. Язь, такъ сказать, уже капитальная рыба и занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ уженьѣ крупной рыбы, настоящемъ охотничьемъ уженьѣ, которое преимущественно привлекаетъ истиннаго рыбака. Тотъ уже не охотникъ, кто закидываетъ маленькую удочку на мелкую рыбу тамъ, гдѣ клюетъ крупная: лучше просидѣть, или простоять нѣсколько часовъ, ничего не выудивъ, глядя на неподвижные наплавки, но ежеминутно ожидая богатой добычи, чѣмъ приняться за тасканье дрянныхъ плотичекъ, и можетъ быть, отогнать этимъ большихъ рыбъ.— Язи какъ-то рѣдко попадаются въ маломъ видѣ; по большой части они начинаютъ брать на удочку, достигнувъ порядочной величины; впрочемъ это замѣчаніе не вездѣ

*) Leuciscus idus, L. Иногда *вязь;* небольшіе — *подъязики:* въ Петербургѣ большіе — *русской карпъ. К. Р.*

вѣрно *) Около Москвы, небольшихъ язей, фунтовъ до двухъ, называютъ *подъязиками*, но въ другихъ мѣстахъ Россіи я не слыхивалъ такого подраздѣленія. Язи около четырехъ фунтовъ попадаются всего чаще, но бываютъ и въ девять фунтовъ. Самый большой язь, котораго мнѣ удалось выудить, вѣсилъ около семи фунтовъ. Язь довольно широкъ, но уже не кругловатъ и ровнѣе плотицы; иногда достигаютъ трехъ четвертей длины и двухъ вершковъ толщины, разумѣется въ спинѣ; хвостъ и нижнія перья имѣетъ красные, а верхнія — сизые; глаза свѣтло-коричневые, покрытъ чешуей, которая около спины крупнѣе и темнѣе, по большей части серебристаго цвѣта; но попадаются изрѣдка язи, въ одной и той же рѣкѣ, желтовато-золотистые. Они водятся только въ водахъ чистыхъ: рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и большихъ озерахъ; икру мечутъ въ маѣ. Язи легко привыкаютъ къ прикормкѣ, особенно постоянной, и только при этомъ условіи можно выудить много крупныхъ язей въ одно утро, на одномъ и томъ же мѣстѣ; подъ словомъ *много*, я разумѣю какой-нибудь десятокъ. Съ начала весны, язи охотно берутъ на куски умятаго хлѣба, величиною съ небольшой грецкій орѣхъ, потомъ на крупныхъ земляныхъ и на кучу навозныхъ червей или глистъ, также на раковыя шейки; въ началѣ и срединѣ лѣта — на линючихъ раковъ и на большаго бѣлаго червя (сальника) **); попозднѣе — на кобылокъ, а осенью язи почти не берутъ; если и возьметъ какой-нибудь шалунъ, то уже не на боль-

*) Это замѣчаніе справедливо только въ отношеніи къ Оренбургской губерніи; около Москвы совсѣмъ напротивъ: мелкіе язики попадаются гораздо чаще.

**) Это личинка *майскаго* жука (Melolonntha vulgaris L.) *К. Р.*

шую насадку и удочку маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху, или тому подобную мелочь. Одного изъ самыхъ крупныхъ язей я выудилъ на большаго зеленоватаго комара, особенной породы, на крошечную удочку: за то я водилъ его около часа. Настоящій клёвъ язей — со дна; для уженья употребляются крючки большіе, если велика насадка, и средніе, если она мала. По слитіи полой воды, вслѣдъ за плотицей, сейчасъ начинаютъ брать язи; самый лучшій клёвъ ихъ, по замѣчанію рыбаковъ, бываетъ въ то время, когда цвѣтетъ калина. Если вы удите безъ прикормки, *на ходу рыбы*, то надобно, выбравъ узкое мѣсто рѣки, одну удочку закинуть на середину, другую поближе, а третью у берега; если же удите на прикормленномъ и отлогомъ мѣстѣ, то выгоднѣе класть всѣ наплавки около травы, поближе къ берегу, а удилища — на траву. Безъ всякаго сомнѣнія, въ обоихъ случаяхъ, самое драгоцѣнное время для уженья язей—раннее утро. Тутъ они берутъ за долго до восхожденія солнца, такъ что, только сидя лицомъ къ зарѣ, и то наклонясь къ землѣ, можно различить наплавки. Только истинный охотникъ можетъ вполнѣ оцѣнить всю прелесть этого ранняго уженья.... При торжественной тишинѣ, бѣлѣетъ востокъ и гонитъ на юго-западъ ночную темноту, предметы выступаютъ изъ мрака, яснѣютъ; но камыши стоятъ еще неподвижны, и поверхность водъ не дымится легкимъ паромъ: еще долго до солнца.... Вдругъ начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье подымающихся со дна пузырей: это воздухъ, выпускаемый чрезъ ноздри крупною рыбою.... Это вѣрный знакъ, что идутъ язи.... Пузыри выскакиваютъ ближе,

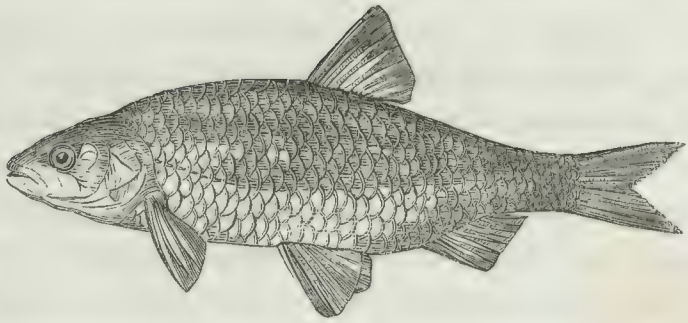
вы уже ихъ видите.... Сейчасъ начнется клёвъ.... Язь беретъ вѣрно и прямо утаскиваетъ наплавокъ въ воду; подсѣчка должна быть скорая, рѣшительная, но не слишкомъ крѣпкая и не порывистая. Язь одна изъ сильныхъ рыбъ и на удочкѣ ходитъ очень бойко. Надобно осторожно, утомивъ напередъ, выводить его на поверхность воды и наблюдать, чтобы круги, которые онъ станетъ давать, были не слишкомъ широки: иначе ему будетъ легко, бросившись въ сторону, натянуть лесу и оборвать.

Большіе язи бываютъ очень жирны, и уха изъ нихъ довольно вкусна, но всего лучше приготовлять ихъ на холодное подъ соусомъ со сметаной и хрѣномъ; жаль только, что язь очень костливъ. Цвѣтъ его тѣла блѣдно-бланжевый.

Наибольшую часть крупной рыбы, выуженной мной въ теченіи всего рыболовнаго моего поприща, составляютъ язи; рѣка Бугурусланъ, на которой я выросъ, изобиловала въ то время преимущественно язями; головли переводились, а лещи еще не заводились. И такъ большіе язи были вожделѣнной добычей рыбака. Да и какъ славно брали они тогда на хлѣбъ, безъ всякой прикормки, по всей рѣкѣ, безъ исключенія. Только, бывало, и слышишь о порванныхъ лесахъ, разогнувшихся или переломленныхъ крючкахъ и удилищахъ. Разумѣется, язей таскали черезъ голову, какъ плотичекъ, — и такъ, мудрено ли, что выуживали четвертую часть изъ числа попадавшихся?...

Къ числу диковинныхъ случаевъ, видѣнныхъ мною на уженьѣ, можно причислить и слѣдующій: удилъ я одинъ разъ на берегу своего пруда (Оренбургской гу-

берніи), а другой рыбакъ сидѣлъ на мосткахъ, устроенныхъ въ травѣ надъ самымъ материкомъ, по серединѣ пруда. Вдругъ вижу я, что рыбакъ всталъ на ноги и началъ водить, повидимому, большую рыбу. Эта исторія продолжалась такъ долго, что я пришелъ въ большое удивленіе. Я попробовалъ спросить, но разстояніе было велико, и мы слышали только крикъ другъ друга, а словъ разслушать не могли. Мнѣ надоѣло смотрѣть на однообразныя движенія рыбака, и я занялся собственными удочками; изрѣдка я взглядывалъ на него и видѣлъ все одно и тоже. Наконецъ, по крайней мѣрѣ черезъ часъ, увидѣлъ, что рыбакъ поспѣшно плыветъ на лодкѣ прямо ко мнѣ: онъ привезъ въ сачкѣ не отцѣпленнаго огромнаго язя (слишкомъ въ 5 фунтовъ) и пригласилъ меня посмотрѣть, какимъ манеромъ онъ попался на удочку. Въ самомъ дѣлѣ, это была диковинка: шелковый поводокъ (въ двѣ шелковинки) обернулся и захлеснулся за конецъ спиннаго плавательнаго пера, а крючокъ, насаженный червякомъ, не тронутый висѣлъ у язя съ боку. Я пробовалъ держать рыбу на вѣсу (а въ воздухѣ это несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ водѣ) — и рыба держалась крѣпко. Въ послѣдствіи съ тѣмъ же рыбакомъ случилась другая исторія въ этомъ же родѣ, еще удивительнѣе, но я разскажу ее, говоря о щукѣ. — Сообщаю новость охотникамъ: въ прошломъ 1851-мъ году, ночью на 15-е сентября, попалъ мнѣ язь въ три фунта на крючокъ, насаженный карасемъ и поставленный на налимовъ, въ ямѣ подъ вешнякомъ. И такъ, язь можетъ взять и на рыбку.



11.

Головль *).

Хотя очевидно, что имя его происходитъ отъ большой головы, но она у него совсѣмъ не такъ велика, а если и кажется бо́льшей величины, чѣмъ у другихъ рыбъ, то единственно отъ того, что лобъ у головля очень широкъ и какъ-то сливается съ его брусковатымъ станомъ. Го́ловль не такъ широкъ, какъ язь, длиннѣе его и гораздо толще въ спинѣ. По увѣренію многихъ рыбаковъ, достигаетъ до аршинной длины и до четырнадцати фунтовъ вѣсу; самъ же я не видывалъ головля болѣе девяти фунтовъ. Онъ гораздо красивѣе язя: чешуя крупнѣе и серебристѣе, а каждая чешуйка по краямъ оттѣнена тонкою, блестящею, коричневою каемкой. Ротъ имѣетъ довольно большой, глаза темные; нижнія перья красноваты, а верхнія, особенно хвостъ, темно-

*) Leuciscus dobuia, L. Въ Москвѣ у рыбаковъ *голавль* — въ другихъ мѣстахъ — *головень*, (Новгородс. губ.) — *голубль*. *К. Р.*

сизаго цвѣта: такъ что, когда въ полдневный пригрѣвъ солнца, рыба подымется со дна на поверхность воды, то сейчасъ отличишь головлей по темносинимъ, чернымъ почти, хвостамъ. Головль любитъ воду чистую и свѣжую, водится даже въ такой холодной водѣ, въ которой язь не можетъ держаться, такъ что въ рѣкахъ всегда появляется вслѣдъ за породами форели. Даже не знаю, живетъ ли онъ въ большихъ озерахъ, но въ проточныхъ рѣчныхъ прудахъ размножается обильно; исключительно держится на песчаныхъ и хрящеватыхъ мѣстахъ, даже каменистыхъ; въ полояхъ головль рѣдкость: рѣка, материкъ въ прудѣ, вотъ его мѣсто. Онъ необычайно быстръ въ своихъ движеніяхъ, чему способствуетъ складъ его стана, которымъ нѣсколько похожъ на щуку. Не такъ легко прикармливается хлѣбными зернами и, вообще, осторожнѣе язя, но иногда беретъ на хлѣбъ; лучше любитъ червей и особенно сальника, раковыя шейки и цѣлыхъ линючихъ раковъ; самые большіе головли берутъ на рыбку, предпочтительно ночью, для чего и ставятъ на нихъ осенью, когда сдѣлается холоднѣе, крючки насаженные пескарями, гольцами, а по неимѣнію ихъ, уклейками и плотичками. Я уже упомянулъ объ уженьѣ головлей лѣтомъ, по ночамъ, съ лодки на длинныя лесы. Крупный головль, бо̀льшею частью, беретъ со дна; клёвъ его необыкновенно быстръ, и онъ почти всегда самъ себя подсѣкаетъ и потомъ стремительно выскакиваетъ наружу, мечется на удочкѣ, какъ бѣшеный, и выпрыгиваетъ иногда весь изъ воды. Рыбакъ долженъ стараться предупредить всѣ эти опасныя продѣлки и, угадавъ по быстротѣ

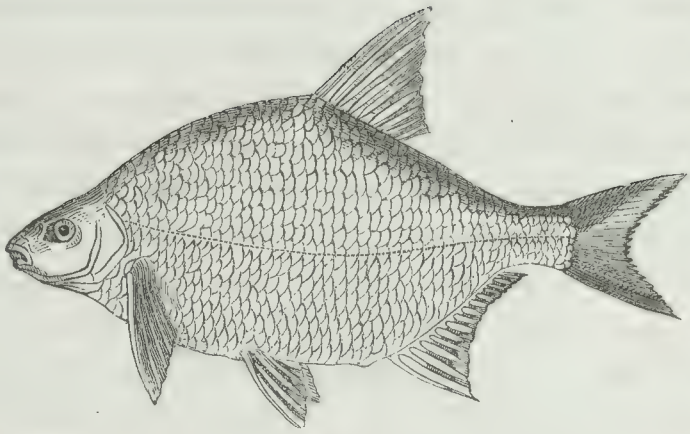
движеній, что у него взялъ головль, не пускать его со дна нуружу, пока онъ не утомится и не присмирѣетъ, иногда погружая для этого конецъ удилища въ воду. Нѣтъ рыбы его сильнѣе, бойчѣе, быстрѣе, неутомимѣе. Огромный головль на удочкѣ — великолѣпное зрѣлище! Самый опытный, искусный рыбакъ не безъ страха смотритъ на его быстрые, какъ молнія, неусмиряющіеся прыжки, и тогда только успокоится, когда подхватитъ сачкомъ. Головлей удятъ и безъ грузила и безъ наплавка, на наплавную удочку средней величины, насаживая на крючокъ кобылку, жучка, муху, или навознаго червяка; это уженье производится на быстрыхъ теченіяхъ рѣки; попадаются преимущественно средніе головлики и рѣдко крупные; впрочемъ, большаго головля на такую лесу почти невозможно выудить. Хотя онъ сходенъ вкусомъ съ яземъ, но какъ-то чище, деликатнѣе. Уженье большихъ головлей я считаю первокласнымъ уженьемъ, какъ по осторожности, необыкновенной быстротѣ и бойкости ихъ, такъ и потому, что они берутъ рѣдко: поймать двухъ, трехъ крупныхъ головлей въ одно утро — богатая, даже великолѣпная добыча. Но отъ чего такъ рѣдко берутъ большіе головли, тогда какъ, вѣроятно, каждому охотнику случалось видать ихъ гораздо болѣе, чѣмъ другой крупной рыбы — это разрѣшить я никакъ не могу. Головли всегда и вездѣ приводили меня въ отчаяніе: на рѣкахъ Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерній. Всего обиднѣе видѣть ихъ, иногда гуляющихъ стаями въ полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащихъ на каменистомъ или песчаномъ неглубокомъ днѣ рѣчнаго, какъ стекло прозрач-

наго, переката! Подъ самый ротъ подводишь имъ всѣ любимыя насадки: раковъ, огромныхъ земляныхъ червей, жирнаго сальника, пескаря — все понапрасну! Точно и не видятъ! Иногда вдругъ одинъ подойдетъ, какъ будто понюхаетъ (и займется духъ отъ ожиданія у охотника), толкнетъ рыломъ насадку и отойдетъ прочь! Иногда случалось, что кусокъ опустился прямо на головля, лежащаго на днѣ, и что же? отодвинется немножко въ сторону и ляжетъ опять на песокъ, пошевеливая, какъ кормовымъ весломъ, чернымъ хвостомъ своимъ. Рыбаки обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что головли видятъ охотника и не берутъ изъ осторожности. Но Богъ знаетъ, справедливо ли это объясненіе: сторожкая, пугливая рыба, увидѣвъ какую бы то ни было движущуюся фигуру, можетъ уплыть прочь, спрятаться — это понятно: но дальнѣйшихъ соображеній осторожности я не признаю: почему же головли берутъ рѣдко и въ глубокихъ мѣстахъ, въ водѣ непрозрачной, гдѣ рыбака рѣшительно не видно? Нѣтъ, тутъ должны быть другія причины, которыхъ мы не знаемъ. — Говоря о головлѣ, считаю не лишнимъ разсказать случай, служащій доказательствомъ, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чемъ я упомянулъ выше. Удилъ я одинъ разъ, послѣ обѣда, рано весною, въ верху большаго пруда (то-есть въ материкѣ), заросшаго камышами. Я стоялъ на узкой стрѣлкѣ: такъ назывался мысъ, залитый съ трехъ сторонъ водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большія удочки лежали неподвижно; наконецъ тронуло на бѣлаго червя (сальника); два раза стаскивало, въ третій разъ я какъ-то

ловко подсѣкъ и вытащилъ головлика. Видя, что крупная рыба не беретъ, я откинулъ большую удочку, взялъ среднюю, въ 6 волосковъ, насадилъ маленькаго сальника и закинулъ. Не успѣлъ я положить удилища, какъ наплавокъ исчезъ... подсѣкаю — огромная рыба!... Гибкое удилище согнулось въ кольцо до самой руки. Сначала по быстротѣ прямолинейныхъ движеній, я подумалъ, что это щука; но рыба не замедлила меня разувѣрить: огромный головль, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ, вылетѣлъ на поверхность воды и началъ свои отчаянные прыжки.... Тонкая леса моя была такъ крѣпка, удилище такъ гнутко, я водилъ такъ осторожно, что черезъ полчаса головль утомился. Я подвелъ его къ берегу, чтобъ подхватить сачкомъ, но сачокъ былъ *малъ* и *мелокъ*, рыба въ немъ не умѣщалась *). Между тѣмъ вдругъ головль сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и выскочилъ на густую осоку, которая свѣсилась съ берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой, или накрыть его сачкомъ и вытащить на берегъ таскомъ; но я, столь благоразумный и терпѣливый, можно сказать искусный рыбакъ, соблазнился тѣмъ, что рыба лежитъ почти на берегу, что надобно протащить ее, всего какую-нибудь четверть аршина, до безопаснаго мѣста, схватилъ за лесу рукою и только натянулъ ее — головль взметнулся, какъ бѣшеный, леса порвалась, и онъ перевалился въ воду.... Я потерялъ такую драгоцѣнную для охотника, особенно

*) Вотъ доказательство сказаннаго мною выше, что сачокъ всегда долженъ быть глубокъ и не малъ.

въ такое раннее весеннее время, добычу, что буквально былъ въ отчаяніи, да и до сихъ поръ не могу вспомнить этой потери равнодушно, хотя въ послѣдствіи утѣшилъ себя тѣмъ, что написалъ идиллію: „рыбачье горе“....



12.

Лещъ *).

Опредѣлить съ точностью происхожденіе его имени довольно трудно. Легко быть можетъ, что слова: лещедь, лещедка, произошли отъ одного корня съ именемъ леща, ибо у широкой и плоской лещеди есть съ нимъ нѣкоторое подобіе; лещедкой же называется расколотый пенекъ дерева, или сучка, въ который ущемляется все то, что надобно придавить, сдѣлать плоскимъ. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещъ отличается отъ всѣхъ другихъ рыбъ; голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширинѣ склада; ротъ еще меньше относительно величины всего тѣла. Лещи бываютъ огромной величины и вѣсу: достигаютъ почти аршинной длины, двухъ четвертей ширины и, въ то же время,

*) Abramis brama, L. Иногда *лящь*; въ южной Россіи также *чебакъ*. *К. Р.*

только до двухъ вершковъ толщины въ спинѣ. Я отъ многихъ слыхалъ, что лещи попадаются въ восьмнадцать фунтовъ, но самъ не видалъ больше двѣнадцати фунтовъ. Они бываютъ желтовато-золотистаго и сѣровато-серебристаго цвѣта, но первые рѣдки; брюхо — бѣлое. Чешуя на нихъ крупная, хвостъ и перья сизые и очень небольшіе, глаза бѣлые съ темными зрачками. Фигура леща непріятна, она представляетъ что-то уродливое. Онъ не сноситъ воды холодной и появляется въ рѣкахъ послѣ всѣхъ рыбъ; преимущественно водится во множествѣ въ рѣкахъ тихихъ, губокихъ, тинистыхъ, имѣющихъ много плесъ и заливовъ; особенно любитъ большіе пруды и озера; икру мечетъ въ апрѣлѣ въ самое водополье. Я помню, что въ рѣкѣ Бугурусланѣ, Оренбургской губерніи, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потомъ развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько ихъ ни пускали въ прудъ, никакъ не разводились, хотя верстъ двадцать ниже, гдѣ наша рѣка впадаетъ въ другую, именно въ *Насягай*, лещей было довольно. Теперь же, и въ прудѣ Бугуруслана, и по всей рѣкѣ, лещей развелось множество *). Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода рѣки, отъ многихъ мельницъ и новыхъ поселеній, постепенно дѣлалась мутнѣе, теплѣе, такъ что наконецъ стали въ ней держаться лещи. Впрочемъ, былъ употребленъ для разведенія ихъ тотъ способъ, о которомъ я говорилъ въ статьѣ „о рыбахъ вообще.“ — Небольшіе лещи назы-

*) Эта перемѣна произошла черезъ сорокъ лѣтъ.

ваются *подлещиками*. Иные считаютъ ихъ особою породою рыбы; но, по моему, это несправедливо. Весной, едва рѣки начнутъ входить въ берега и воды проясняться, — какъ начинается самый жадный клёвъ лещей, потому что они тощи, голодны послѣ изверженія икры и молокъ, какъ и всякая рыба, а корму еще мало. Они берутъ на червяка навознаго и землянаго, но всего охотнѣе на перваго. Впрочемъ ихъ можно прикормить хлѣбомъ и распаренными зернами; они хорошо берутъ на размоченный горохъ. Для уженья, если оно производится въ рѣкахъ, избираются мѣста тихія и глубокія, всего лучше заводи и заливы. Въ прудахъ и озерахъ можно выбирать мѣсто, какое угодно, но, разумѣется, глубокое, имѣющее гладкое покатое дно и удобный берегъ для вытаскиванія добычи. Въ нѣкоторыхъ водахъ они водятся въ такомъ изобиліи и съ весны клюютъ такъ охотно и вѣрно, что ихъ можно выудить невѣроятное количество. Я разумѣю лещей среднихъ: очень крупные берутъ всегда рѣдко. Удить надобно со дна, на двѣ и на три удочки; лещъ беретъ тихо и ведетъ паплавокъ, не вдругъ его погружая: всегда успѣешь схватить удилище и подсѣчь. Удочки лучше употреблять большіе, а крючки средніе, насаживая по нѣскольку червяковъ навозныхъ, или по одному, ибо лещъ беретъ безъ церемоніи на обѣ насадки. Первые его порывы на удочкѣ бываютъ очень сильны, но онъ скоро утомляется и всплываетъ наверхъ, какъ деревянный заслонъ: тутъ весьма удобно подвести его къ берегу, подхватить сачкомъ и даже просто взять рукою. Это я говорю о лещахъ средней величины, то-есть, около четырехъ фун-

товъ. Но первыя движенія огромнаго леща, то-есть, фунтовъ около восьми, десяти, такъ порывисты и упорны, что надобно крѣпкую лесу, очень гнуткое удилище и много умѣнья и ловкости, чтобы выдержать ихъ благополучно. Вотъ для чего лучше употреблять удочки большаго разбора. Говорю это по разсказамъ; я самъ мало уживалъ лещей и нетяжеле пяти фунтовъ. Многіе охотники страстно любятъ весенній клевъ лещей, который продолжается недѣли двѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ рыба больше, тѣмъ лестнѣе ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берутъ не часто, представляютъ для охотника заманчивое уженье; но тасканье лещей мелкихъ, то-есть подлещиковъ, вѣсомъ фунтовъ до двухъ, которые берутъ безпрестанно, до чрезвычайности вѣрно и однообразно, сейчасъ всплываютъ на верхъ и неподвижные вытаскиваются на берегъ, какъ деревянныя щепки, — по моему совсѣмъ не весело: я пробовалъ такое уженье, и оно мнѣ не понравилось. Для меня гораздо пріятнѣе выудить леща, между многими другими рыбами, въ продолженіи лѣта и въ началѣ осени, когда уже онъ беретъ рѣдко.

Лещи бываютъ очень жирны, если хотите вкусны, но какъ-то грубо-приторны, а большіе — и жестки; впрочемъ изрѣдка можно поѣсть съ удовольствіемъ бокъ жаренаго леща, то-есть, ребры, начиненныя кашей: остальныя части его тѣла очень костливы.

13.

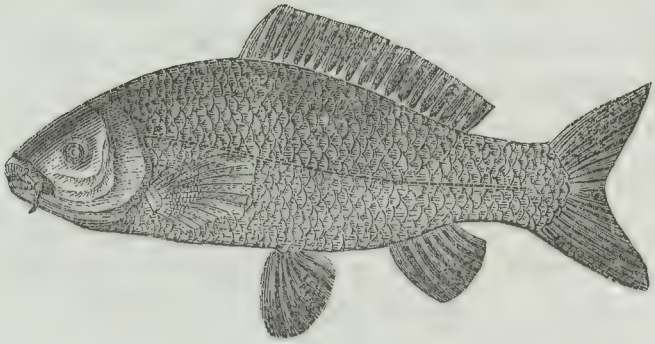
Сазанъ *).

Производства его имени сдѣлать не умѣю; ужъ полно русское ли оно? — Сазанъ очень красивая рыба, достигающая пудоваго вѣса. Прежде я и не слыхивалъ, чтобъ сазаны водились въ рѣкахъ средней величины. Въ Оренбургскую, Симбирскую и другія низовыя губерніи обыкновенно ихъ привозили зимою въ значительномъ количествѣ съ большихъ рѣкъ и преимущественно съ Урала, въ который набиваются они со взморья въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что оно можетъ показаться баснословнымъ. Но лѣтъ двадцать тому назадъ, въ рѣкѣ Свіягѣ, протекающей подъ самымъ Симбирскомъ, вдругъ появились сазаны, сначала средней величины и крупные, а впослѣдствіи уже развелось и множество мелкихъ. Не утверждаю за вѣрное, но мнѣ сказывали, что въ верховьѣ этой самой рѣки у какого-то помѣщика былъ огромный прудъ, не уходившій лѣтъ сорокъ, въ которомъ онъ развелъ сазановъ (карпій) въ изобиліи; но вдругъ этотъ прудъ прорвало, сазаны ушли

*) Смотри *Карпію. К. Р.*

и распространились по всей рѣкѣ. Конечно, всего ближе было зайдти сазанамъ изъ Волги, въ которую Свіяга впадаетъ; но почему же они не заходили прежде? Какъ бы то ни было, но появленіе сазановъ открыло новое превосходное уженье для Симбирскихъ рыбаковъ-охотниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже появились сазаны и въ другихъ небольшихъ рѣкахъ Симбирской и даже Пензенской губерніи. Мнѣ самому удалось выудить нѣсколько сазановъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ. Безъ сомнѣнія, они бойчѣе на удочкѣ всякой другой рыбы. Сазанъ беретъ тихо и везетъ наплавокъ съ возрастающей скоростью, не вдругъ погружая его въ воду; но какъ скоро вы его подсѣчете, онъ бросается съ невѣроятною быстротою прямо отъ васъ діагонально поднимаясь къ верху и вытягивая въ прямую линію лесу и удилище. Не ожидая сначала такого маневра, я потерялъ нѣсколько сазановъ и крючковъ; довольно толстыя лесы въ одну минуту были порваны. Для уженья крупныхъ сазановъ употребляютъ удочки самаго большаго размѣра и особенно крѣпкія лесы. Сазанъ клюетъ только на навознаго и землянаго червяка. Самый лучшій клёвъ — весною. Сазанъ очень красивъ: онъ покрытъ необыкновенно-крупною, темно-желтозолотистою чешуей: кажется, будто по золотому полю онъ весь усыпанъ гвоздиками, что̀ напоминаетъ красивую чешую головля. Онъ довольно широкъ, при первомъ взглядѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ карасемъ, но горбатѣе, уже и длиннѣе его; около краевъ рта имѣетъ два толстые, короткіе и мягкіе уса, оканчивающіеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я рѣшительно признаю за

одну и ту же рыбу съ карпіей по совершенному ихъ сходству во всемъ, хотя говорю о каждой особо. У большаго сазана мясо нѣсколько грубо, а мелкіе сазаны очень вкусны.



14.

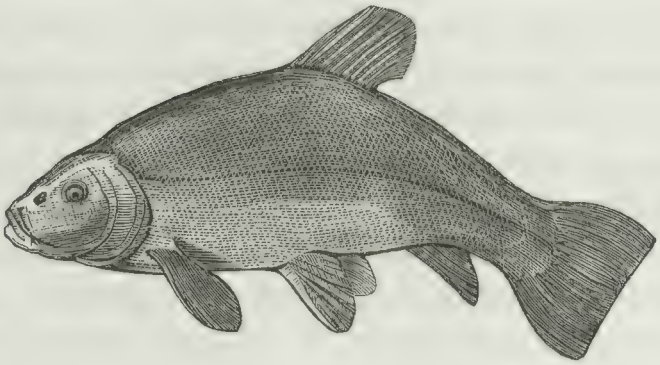
Карпъ, или Карпія *).

Карпъ, имя иностранное, а карпія — передѣланное на русскій ладъ. Говоря о сазанѣ, я уже сказалъ, что онъ и карпія — одна и та же рыба, съ тою разницею, что карпія въ прудахъ имѣетъ цвѣтъ не яркій, а сѣровато-грязный, и не достигаетъ такой огромной величины, какъ сазаны, водящіеся въ большихъ рѣкахъ и особенно въ ихъ устьяхъ, при впаденіи въ море: въ Астрахани, напримѣръ, уловъ сазановъ бываетъ невѣроятно великъ, и замѣчателенъ, какъ по множеству, такъ и по крупнотѣ ихъ. Въ самой Москвѣ много водились карпій въ разныхъ прудахъ, особенно въ Прѣсненскихъ, и прудахъ Дворцоваго сада, который нынѣ принадлежитъ Кадетскому корпусу. Въ окрестностяхъ Москвы рѣдко найдешь хорошій прудъ, проточный или не проточный,

*) Cyprinus carpio. L. Въ южной Россіи *коропъ* и *сазанъ* *К. Р.*

все равно, лишь бы довольно большой, въ которомъ бы не были разведены карпіи. Въ прудахъ долго нечищенныхъ и заглохшихъ тиной, карпіи переводятся; не рѣдко дохнутъ они въ прудахъ и отъ того, что въ продолженіи долгихъ зимъ не заботятся о достаточномъ количествѣ ежедневныхъ прорубей, отъ чего вода сдыхается и портится. — Карпіи охотно клюютъ на землянаго и навознаго червяка. На удочкѣ очень бойки и сильны, клюютъ больше со дна. Я не слыхивалъ, чтобъ около Москвы попадались карпіи въ рѣкахъ; пойманныя же въ прудахъ часто пахнутъ тиной, если дно въ нихъ тинисто. Впрочемъ, ихъ можно такъ же, какъ карасей, сажать въ прорѣзныя сажалки, въ проточную свѣжую воду: онѣ скоро потеряютъ запахъ тины и получатъ свой обыкновенный пріятный вкусъ. Карпіи, разводимыя въ прудахъ, легко пріучаются къ прикормкѣ въ назначенный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ; если во время ихъ кормленія звонить постоянно въ колокольчикъ, то онѣ такъ къ нему привыкнутъ, что станутъ собираться на звонъ колокольчика, даже и не въ урочное время. Вѣроятно, и другихъ рыбъ можно пріучить къ тому же. Въ Москвѣ есть еще люди, которые помнятъ эту продѣлку въ Нескучномъ саду, когда онъ принадлежалъ князю Шаховскому. Весьма недавно въ Прѣсненскихъ прудахъ водилось множество карпій очень крупныхъ; народъ любилъ кормить ихъ калачами. Въ самомъ дѣлѣ, это было забавное зрѣлище: какъ скоро бросятъ калачъ въ воду, то нѣсколько изъ самыхъ крупныхъ карпій (а иногда и одна) схватятъ калачъ и погрузятъ его въ воду; но, не имѣя возможности его от-

кусить, скоро выпустятъ изо рта свою добычу, которая сейчасъ всплыветъ на поверхность воды; за нею немедленно являются и карпіи, уже въ бо̀льшемъ числѣ и съ бо̀льшею жадностью и смѣлостью схватываютъ калачъ со всѣхъ сторонъ, таскаютъ, дергаютъ, ныряютъ съ нимъ, и какъ скоро онъ немного размокнетъ, то разрываютъ на куски и проглатываютъ въ одну минуту. Всѣ эти продѣлки провожалъ народъ громкими восклицаніями и хохотомъ. Мнѣ не удавалось удить много ни сазановъ, ни, такъ называемыхъ, карпій, но по разсказамъ охотниковъ должно заключить, что это уженье, особенно въ рѣкахъ или большихъ прудахъ, очень пріятно, добычливо и требуетъ въ тоже время умѣнья, осторожности и сачка: ибо крупная карпія — самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.



15.

Линь *).

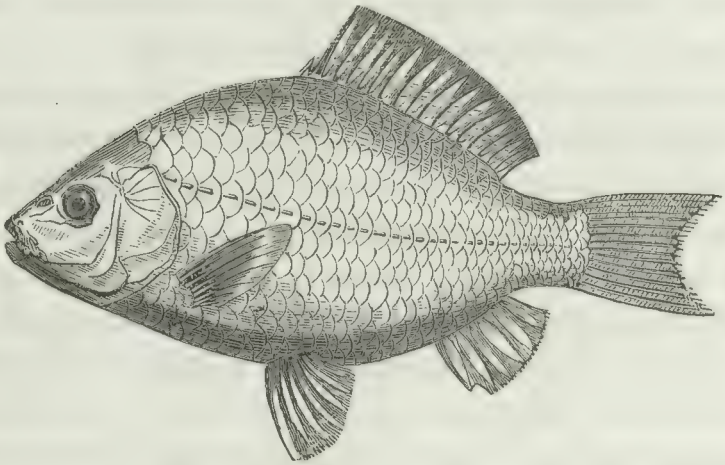
Хотя можно имя его произвесть отъ глагола *льнуть:* потому что линь, покрытый липкою слизью, льнетъ къ рукамъ; но я рѣшительно полагаю, что названіе линя происходитъ отъ глагола *линять:* ибо пойманный линь, даже въ ведрѣ съ водою или кружкѣ, особенно если ему тѣсно — сейчасъ полиняетъ, и по всему его тѣлу пойдутъ большія, темныя пятна, да и вынутый прямо изъ воды имѣетъ цвѣтъ двуличневый, линючій. Безъ сомнѣнія, народъ замѣтилъ такую особенность линя и далъ ему характерное имя. Линь складомъ своего стана нѣсколько схожъ съ яземъ, только не много шире, толще его и какъ-то четвероугольнѣе; онъ покрытъ мельчайшею чешуей темно-зеленаго, золотистаго цвѣта, которую трудно разглядѣть простыми глазами; онъ весь какъ

*) Tinca vulgaris, C. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

будто обмазанъ густою слизью; глаза имѣетъ маленькіе, ярко-красные; хвостъ и перья толстые, мягкіе и темные; ротъ небольшой. Линь достигаетъ значительной величины; увѣряютъ, что лини бываютъ въ четырнадцать фунтовъ вѣсомъ, но я не видывалъ линя болѣе восьми фунтовъ. Надобно сказать, что я не совсѣмъ вѣрю большой величинѣ и вѣсу многихъ рыбъ, о которыхъ разсказываютъ рыбаки и охотники; часто они судятъ по глазомѣру и по рукѣ, и очень ошибаются. Вотъ, напримѣръ, лини: сколько я ихъ переудилъ въ жизнь мою, сколько видѣлъ выуженныхъ другими, или пойманныхъ разными рыболовными снастями; какъ бы мнѣ не встрѣтить, хотя одного, если не въ четырнадцать, то хоть въ десять, или двѣнадцать фунтовъ? — Видѣнный и взвѣшенный мною на безмѣнѣ, восьми-фунтовый линь былъ длиною въ двѣ четверти съ вершкомъ, но за то чрезвычайно толстъ. Лини клюютъ на хлѣбъ, на земляныхъ и навозныхъ червей, на раковыя шейки и на линючихъ, небольшихъ раковъ: имъ трудно заглатывать крупныхъ. Самый клёвъ линей въ рѣкахъ (правильнѣе сказать: въ заливахъ рѣкъ, и то въ самыхъ тихихъ, и то рано весною), озерахъ и прудахъ начинается сейчасъ по слитіи вешнихъ водъ; лѣтомъ они берутъ уже въ одихъ прудахъ, то есть: въ ихъ травянистыхъ полояхъ и верховьяхъ, изрѣдка даже въ материкѣ пруда; но въ рѣкѣ незапруженной, лѣтомъ, уже ни за что линя не выудишь. Въ Оренбургской губерніи я уживалъ линей, и помногу, въ Сентябрѣ, даже при небольшихъ морозахъ, по глубокимъ мѣстамъ въ полояхъ пруда, обросшихъ кругомъ травою; но около Москвы этого клёва

не существуетъ: какъ скоро похолодѣетъ, всѣ лини изъ заливовъ и травъ уйдутъ, а въ материкѣ не берутъ. Линь хорошо водится въ рѣкахъ тихихъ, тинистыхъ и травянистыхъ; холодной воды не любитъ, но всего больше размножается въ проточныхъ прудахъ, озерахъ и даже въ прудахъ непроточныхъ, небольшихъ. Рыбаки говорятъ, что лини мечутъ икру два раза въ годъ: въ мартѣ и августѣ. Нисколько того не утверждая, я замѣчу, однако, что лучшій клёвъ линей бываетъ въ апрѣлѣ и сентябрѣ, какъ будто послѣ метанья икры. Заводи, заливы, полои, непремѣнно поросшіе травою, — вотъ любимое мѣстопребываніе линей; ихъ надобно удить непремѣнно со дна, если оно чисто; въ противномъ случаѣ, надобно удить на-вѣсу и на нѣсколько удочекъ; они берутъ тихо и вѣрно: по большей части, наплавокъ безъ малѣйшаго сотрясенія, не примѣтно для глазъ, плыветъ съ своего мѣста въ какую-нибудь сторону, даже не рѣдко пятится къ берегу — это линь; онъ взялъ въ ротъ крючокъ съ насадкой и тихо съ нимъ удаляется; вы хватаете удилище, подсѣкаете, и жало крючка пронзаетъ какую-нибудь часть его мягкаго, тѣснаго, какъ бы распухшаго внутри, рта: линь упирается головой внизъ, поднимаетъ хвостъ къ верху, и въ такомъ положеніи двигается очень медленно по тинистому дну, и то, если вы станете тащить; въ противномъ случаѣ онъ способенъ пролежать камнемъ нѣсколько времени на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда вы почувствуете, что линь очень великъ, то не надобно торопиться и тащить слишкомъ сильно: можно переломить крючокъ, если онъ воткнулся въ лобковую кость его рта и пришелся на взломъ; дер-

жите лесу слегка въ натяжку и дожидайтесь, когда линь рѣшится ходить; тогда начинайте водить, и водите долго, ибо онъ очень силенъ и не скоро утомляется; берегитесь травы: онъ сейчасъ въ нее бросится, запутается и готовъ оставаться тамъ нѣсколько часовъ. Далѣе поступайте такъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ большою рыбою. Линь очень рѣдко срывается, развѣ порвется леса, или сломится крючокъ. Уженье линей на мелкихъ мѣстахъ, посреди густыхъ водяныхъ травъ, что̀ случается очень часто, требуетъ особенной ловкости и умѣнья: запутавшись, завертѣвши лесу за траву, — линь вдругъ останавливается неподвижно; разумѣется, тащить не должно; но если рыбакъ, ожидая времени, когда линь придетъ въ движеніе, опуститъ удилище и будетъ держать лесу слишкомъ на-слаби, то иногда линь съ такою быстротою бросается въ сторону, что вытянетъ лесу въ прямую линію и сейчасъ ее порветъ (разумѣется, линь большой); а потому совѣтую удить въ травахъ на лесы самыя толстыя, крѣпкія и употреблять удилища не слишкомъ гибкія. По своей мягкости и живучести, маленькіе линьки служатъ отличной насадкой на хищную рыбу. Уха изъ линей густа и питательна, имѣетъ вмѣстѣ особенный, довольно пріятный, сладимый вкусъ; но всего лучше ихъ сушить въ сметанѣ. Лини часто пахнутъ тиной, отъ чего легко ихъ избавить, посадивъ въ плетеную сажалку и поставивъ недѣли на двѣ въ проточную воду. Въ сажалкѣ надобно кормить ихъ печенымъ хлѣбомъ, отъ чего они скоро разжирѣютъ.



16.

Карась *).

Самая плодовитая и вездѣ во множествѣ водящаяся рыба. Складомъ своимъ широкъ и кругловатъ; фигура его составляетъ средину между красноперкой и лещомъ, то-есть онъ шире красноперки и уже леща; покрытъ чешуей серебрянаго или золотаго цвѣта. И бѣлые, и желтые караси (какъ называютъ ихъ безъ церемоніи рыбаки) живутъ иногда въ одной и той же водѣ вмѣстѣ. Въ небольшихъ копанныхъ прудахъ, во множествѣ попадаются караси средняго, переходнаго отъ бѣлаго къ

*) Различаютъ два вида карасей: *1) желтаго золотаго, широкаго* или *круглаго,* или *озернаго.* (Carassius vulgaris, Nils.) и *2) серебрянаго, бѣлаго, продолгаватаго рѣчнаго.* (Carassius gibelio Bl.) Въ изображеніи представленъ желтый. *К. Р.*

желтому, какъ будто розоваго цвѣта: вѣроятно, это помѣсь. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что караси желтые нѣсколько круглѣе и перья имѣютъ красныя, особенно нижнія; у бѣлыхъ же они сѣровато-сизыя. Вообще карась — складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многіе увѣряли меня, что караси бываютъ въ десять и даже двѣнадцать фунтовъ, но я долго этому не вѣрилъ. Переудивши въ жизнь мою неизсчетное множество карасей, я ни одного не выудилъ тяжеле двухъ съ половиною фунтовъ. Помню я въ дѣтствѣ моемъ, какъ тянули неводами заливныя озера по рѣкѣ Бѣлой (это было тогда, когда Оренбургская губернія называлась еще Уфимскою), какъ съ трудомъ вытаскивали на зеленый берегъ, туго-набитую рыбой, *мотню* *), какъ вытряхивали изъ нея цѣлый возъ большихъ щукъ, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во всѣ стороны; помню, что иногда удивлялись величинѣ карасей, взвѣшивали ихъ потомъ, и ни одинъ не вѣсилъ болѣе пяти фунтовъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прислалъ мнѣ зимой въ Москву одинъ пріятель (Ѳ. И. В.) нѣсколько мерзлыхъ карасей, пойманныхъ въ Костромской губерніи; всѣ они были необыкновенной величины, или, лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнувъ двухъ четвертей съ небольшимъ длины, начинаетъ рости только въ толщину; одинъ изъ обитателей Чухломскихъ водъ вѣсилъ девять фунтовъ! Вотъ было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! И такъ,

*) Мотнею называютъ остроконечный длинный мѣшокъ, находящійся въ срединѣ невода.

почему же не быть карасямъ и въ двѣнадцать фунтовъ? Живя въ Оренбургской губерніи, я и не слыхивалъ объ уженьѣ карасей. При изобиліи всякой крупной рѣчной рыбы, конечно, никакой охотникъ не станетъ думать о карасяхъ. Я познакомился съ ними по необходимости, проводя лѣтнее время гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. Тутъ вездѣ есть копанные пруды, иногда очень большіе и глубокіе, поддерживаемые открывшимися на днѣ родниками и отъ того всегда имѣющіе хорошую воду; карасей разведено почти вездѣ множество, и я волею-неволею полюбилъ это уженье. Караси начинаютъ брать весною позднѣе другой рыбы; надобно, чтобъ теплота воздуха и весенніе лучи солнца прогрѣли воду и тѣмъ подняли карасей съ тинистаго дна, изъ глубокихъ ямъ, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то въ началѣ сентября перестаютъ брать; а если тепло, то берутъ до октября. Всего охотнѣе караси клюютъ на красныхъ навозныхъ червяковъ, или глистъ, но берутъ и на земляныхъ червей и на хлѣбъ: къ послѣднему надо ихъ пріучить, бросая куски хлѣба для прикормки. Я выудилъ одинъ разъ неожиданно желтаго карася на раковую шейку, предназначенную для линя: и такъ караси могутъ брать и на рака. Ежели въ прудѣ водятся и бѣлые и желтые караси, то на хлѣбъ будутъ брать преимущественно желтые, а на червяка — бѣлые: исключенія довольно рѣдки. Если же и возьметъ на хлѣбъ бѣлый карась, то уже почти всегда не маленькій. Странность необъяснимая, потому что бѣлый карась точно такъ же ѣстъ хлѣбную прикормку, какъ и желтый. Хотя караси, по большой части, водятся въ озерахъ и копан-

ныхъ прудахъ, и рѣдко попадаются въ заливахъ проточныхъ прудовъ, но никакъ нельзя сказать, что они не живутъ въ рѣкахъ. Я очень часто замѣчалъ, что въ рѣкѣ карасей повидимому нѣтъ, а во всѣхъ озеркахъ и заводкахъ, наливающихся припруженною водою этой же самой рѣки, вездѣ есть караси. Они разводятся въ невѣроятномъ количествѣ въ самыхъ нечистыхъ водахъ, и первые годы ростутъ очень скоро, какъ и всякая рыба. Но живя въ водахъ нечистыхъ, слѣдовательно теплыхъ, караси точно также могутъ жить въ водѣ самой холодной. Вотъ какое тому доказательство видѣлъ я самъ: въ двухъ верстахъ отъ меня, въ Мордовской деревушкѣ „Киватское", была прорванная мельничная плотина, брошенная болѣе десяти лѣтъ; противъ того мѣста, гдѣ былъ прежде вешнякъ, всегда стояла, полная съ краями, глубокая яма воды, студеной какъ ледъ, изъ которой вытекалъ ручеекъ: несомнѣнный признакъ, что въ ямѣ былъ родникъ. Почти всякій день проѣзжалъ я на охоту съ ружьемъ мимо этого мѣста. Одинъ разъ, возвращаясь съ охоты, въ исходѣ іюня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашелъ посмотрѣть, что̀ тутъ дѣлаютъ. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что нѣсколькими бреднями ловили въ ямѣ карасей, и уже поймали болѣе воза. Караси были всѣ желтые, всѣ одинаковой средней величины. Ловившіе рыбу дрожали отъ холода, не смотря на жаркое время. Никогда никому не входило въ голову, чтобъ въ этой ямѣ могла держаться рыба, особенно караси: мальчишки увидѣли плавающія по верху темныя тучи какой-то рыбы и разсказали о томъ въ деревнѣ.

Клёвъ карасей чрезвычайно неодинаковъ; иногда они берутъ безпрестанно и очень вѣрно: тронутый наплавокъ даетъ около себя одинъ, или нѣсколько кружковъ, и отправляется въ сторону, но погружается рѣдко; тутъ довольно времени схватить удилище и подсѣчь; тутъ можно удить на нѣсколько удочекъ и разложить спокойно свои удилища, на чемъ случится; но иногда, въ томъ же самомъ пруду, караси начнутъ клевать до того осторожно, или лучше сказать, невѣрно, что надобно удить на одну удочку и держать удилище въ рукѣ, потому что должно уловлять, посреди трогання и поталкиванья, малѣйшую потяжку наплавка; промаховъ будетъ не мало, но иначе ничего не выудишь; въ этомъ случаѣ гораздо вѣрнѣе удить на хлѣбъ. Впрочемъ, иногда караси берутъ только на хлѣбъ, иногда только на червей. Перемѣну въ характерѣ клёва я объясняю тѣмъ, что покуда держатся около удочекъ караси средніе, ровные, то клёвъ продолжается вѣрный; когда же привалятъ стаи мелкихъ карасей (вотъ почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое трогання и поталкиванье, такъ что порядочный карась долженъ протѣсняться сквозь кучу мелкихъ и не можетъ взять тихо и спокойно, а беретъ также урывками, хватая за хвостъ червяка, слѣдственно также невѣрно. Впрочемъ, и то надобно сказать, что когда въ небольшомъ прудѣ выужено значительное количество карасей, да у числа, вдвое бо̀льшаго, прорваны, оторваны *),

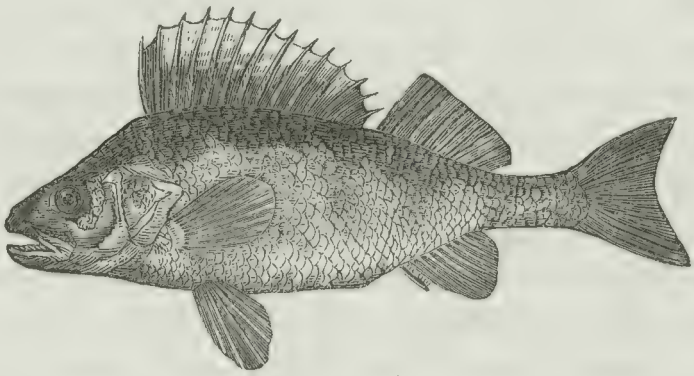
*) Отъ сильной подсѣчки, не рѣдко совсѣмъ отрываются у карасей (и у всякой мелкой рыбы) губы, которыя, точно какъ колечко, держатся на кожицѣ, вытягиваясь въ нужномъ случаѣ на подобіе небольшаго хобота.

или поранены губы, то и карась, какъ онъ ни простъ, долженъ сдѣлаться осторожнымъ.

Для хлѣбной насадки надобно употреблять удочки маленькія, а для червяка — среднія. Очень ранняго вставанья по утрамъ не нужно. Въ лѣтніе жаркіе и красные дни, какъ скоро сядетъ солнце, караси начинаютъ ходить около береговъ; въ это время и удочки надобно закидывать какъ можно ближе къ берегу. Въ полдень же они подымаются наверхъ, и черными большими пятнами, какъ пролитая смола, то темнѣе, то свѣтлѣе, тихо передвигаются съ мѣста на мѣсто по поверхности воды; тутъ надобно пускать наплавки какъ можно мельче, ибо въ это время караси берутъ очень мало со дна. Крупные караси — я разумѣю карасей около двухъ фунтовъ — попавъ на удочку, довольно бойко бросаются въ сторону, вертя и головой и всѣмъ тѣломъ и виляя хвостомъ; я предполагаю, что у самыхъ большихъ карасей этотъ маневръ можетъ быть опасенъ, и потому надобно стараться сейчасъ повернуть карася въ сторону, не давая натянуть лесы; карась скоро утомляется и всплываетъ наверхъ бокомъ, какъ лещь. Сушенные и особенно жареные въ сметанѣ, караси — превосходнѣйшее блюдо; но какъ они живутъ въ прудахъ, то вкусъ ихъ зависитъ отъ качества воды, и они часто пахнутъ тиной. Впрочемъ, если такихъ карасей насажать въ плетеную сажалку и опустить въ чистую, проточную воду, то черезъ двѣ, много черезъ три недѣли, они потеряютъ непріятный вкусъ и сдѣлаются очень хороши. Карась самая живущая рыба, и потому мелкіе карасики служатъ отличною насадкой для всякой крупной, хищной рыбы.

Двѣ послѣднія породы рыбъ: линь и карась, имѣютъ особенный характеръ, имъ только свойственный. Ихъ можно назвать *тинистыми,* ибо они только тамъ разводятся въ изобиліи, гдѣ вода тиха и дно ея покрыто тиной. Тина — ихъ атмосфера; на зиму они рѣшительно въ нее забиваются и остаются живы даже тогда, когда въ жестокія безснѣжныя зимы, въ мелкихъ прудахъ и озерахъ, вся вода вымерзаетъ и только остается на днѣ мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю къ описанію хищныхъ рыбъ.



17.

Окунь *).

Ужъ право и не знаю, откуда произвести его имя. Не происходитъ ли оно отъ глагола *окунать:* ибо окунь всегда окунаетъ, то-есть, погружаетъ въ воду наплавокъ, и даже не одинъ разъ, если кусокъ, имъ заглатываемый, слишкомъ великъ?... но я нисколько не стою за такое словопроизводство.

Послѣ плотвы, окунь самая многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ, озерахъ, въ прудахъ проточныхъ и даже непроточныхъ, лишь бы вода была свѣжа, — онъ разводится изобильно. Окунь довольно широкъ станомъ, горбоватъ, покрытъ чешуей зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта; на спинѣ имѣетъ гребень съ острыми иглами, и между имъ и хвостомъ плавательное перо;

*) Perca fluviatilis, L. Во всей Россіи называется одинаково. *Р. К.*

хвостъ и особенно нижнія перья красные, брюшко бѣловатое, глаза желтые съ черными зрачками; поперекъ всего тѣла лежатъ пять полосъ, что̀ дѣлаетъ его пестрымъ и вообще очень красивымъ. На щекахъ, покрывающихъ его жабры, онъ имѣетъ по одной иглѣ, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой ротъ и широкое горло показываютъ способность глотать большіе куски, несоразмѣрные даже съ его ростомъ, и обличаютъ хищную его породу. Окунь достигаетъ значительной величины и особенно вѣса. По разсказамъ людей, впрочемъ достовѣрныхъ, бываютъ окуни въ двѣнадцать фунтовъ; но я видѣлъ только въ восемь фунтовъ, и то мерзлыхъ, привозимыхъ съ Урала. Самъ я выудилъ окуня въ три съ половиною фунта, и тяжеле его живыхъ не видывалъ. Въ длину окунь не выростаетъ много, что̀ я особенно замѣтилъ, сравнивая восьми-фунтоваго окуня, который былъ двухъ четвертей съ половиною длины и четыре вершка ширины, съ окунемъ въ три съ половиною фунта: въ длинѣ не было такой большой разницы, какой слѣдовало бы ожидать. Но за то окунь ростетъ въ толщину, которая простирается въ спинѣ до двухъ съ половиной вершковъ. Окуни начинаютъ клевать весною, какъ только прояснится вода, и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вода покроется льдомъ, даже берутъ зимой въ прорубяхъ; впрочемъ, я никогда не пробовалъ зимняго уженья. Въ исходѣ апрѣля окуни полны икрой, которую мечутъ въ маѣ. Выметавъ икру, начинаютъ они брать жаднѣе. Самый богатый клевъ окуней — въ августѣ и въ началѣ сентября, когда отъ легкихъ морозовъ вода сдѣлается чище, прозрачнѣе, и

имъ будетъ не такъ удобно ловить мелкую рыбу *). Почти всѣ охотники очень любятъ уженье окуней и многіе предпочитаютъ его всѣмъ другимъ: во-первыхъ, потому, что окуни клюютъ часто, и если подойдетъ стая окуней (а осенью они собираются стаями), то уже немногіе изъ нихъ пойдутъ прочь, не хвативъ предлагаемой пищи; во вторыхъ, потому, что они берутъ жадно и вѣрно, даже до того, что бо̀льшею частью совсѣмъ проглатываютъ насадку; и наконецъ, въ-третьихъ, потому, что уженье ихъ не требуетъ осторожности. Окунь не только не боится шума и движенья воды, но даже бросается на нихъ, для чего палкой или толстымъ концомъ удилища нарочно мутятъ воду по дну у берега: ибо это похоже на муть, производимую мелкою рыбёшкой. Средніе окуни чаще берутъ на вѣсу, а крупные — со дна, если оно чисто. Съ весны надобно удить на червей, лѣтомъ — на раковыя шейки и линючихъ раковъ, и особенно на бо̀льшія линючія раковыя клешни, которыя окуни очень любятъ; къ осени же, до самой зимы, всего лучше удить на маленькихъ рыбокъ; если же ихъ нѣтъ, что̀ часто случается, то надобно поймать плотичку или какую нибудь не хищную рыбку, изрѣзать ее на кусочки, крупные или мелкіе, смотря по рыбѣ, какая беретъ, и по величинѣ удочки, и насаживать ими крючки. Впрочемъ, окунь не разборчивъ и клюетъ почти всегда на всѣ вышеименованныя

*) Должно замѣтить, что это не вездѣ такъ. Около Москвы, напримѣръ, во второй половинѣ августа, клёвъ значительно уменьшается. Впрочемъ, здѣшнія рѣчки, отъ безпрестанныхъ мельницъ или фабрикъ, находятся постоянно въ подпрудѣ, и характера рѣкъ, текущихъ самобытно, то-есть, массою собственной, ненакопленной воды,—не имѣютъ.

насадки, даже на кусочки сыраго мяса; на крупныхъ же земляныхъ червей окуни берутъ очень жадно во всякое время года *). Выгоднѣйшее время для уженья, безъ сомнѣнія, утро; но въ раннемъ вставаньѣ, до солнца, нѣтъ надобности. По утрамъ должно удить на мѣстахъ чистыхъ, открытыхъ, или *около* травъ; въ полдень, напротивъ (разумѣется въ лѣтніе жары), окунь любитъ стоять въ тѣни, въ карягахъ подъ кустами, подъ навѣсомъ травъ и лопухами; слѣдовательно, надобно удить въ *самыхъ* травахъ; вечеромъ же окунь опять ходитъ по мѣстамъ чистымъ и открытымъ. Если окуни берутъ не часто, то можно удить и на три удочки, изъ которыхъ одну, большаго размѣра, насадивъ крупной насадкой, положить на дно, а двѣ пустить на вѣсу. Если же окуни берутъ безпрестанно, то и съ двумя удочками трудно управиться. Тутъ уже дѣло не въ томъ, чтобы успѣть подсѣчь, а въ томъ, чтобъ окуни не слишкомъ далеко заклёвывали и не утаскивали удилищъ совсѣмъ въ воду. Далекое заклёвыванье отнимаетъ много времени при доставаніи крючка, портитъ поводокъ и рыбу, отъ чего она сейчасъ умираетъ. Какъ скоро окунь повезъ наплавокъ или погрузилъ въ воду, сейчасъ надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватаетъ, не рветъ насадки съ разбѣга, съ размаха, какъ то дѣлаютъ многія нехищныя рыбы: клёвъ его рѣшителенъ, серьёзенъ, добросовѣстенъ, ибо никогда не обманчивъ. Я имѣлъ случай много разъ наблюдать его въ прозрачныхъ водахъ: завидя добычу, крупный окунь

*) Около Москвы, сколько я ни пробовалъ удить на кусочки рыбки или мяса,— окуни у меня никогда не брали.

прямо бросается къ ней, сначала быстро, но чѣмъ ближе, тѣмъ медленнѣе; приближаясь, разѣваетъ ротъ и, почти коснувшись губами куска, вдругъ останавливается неподвижно и, не дѣлая движенія ртомъ, какъ будто потянетъ въ себя воду: крючокъ съ насадкой исчезаетъ, а окунь продолжаетъ плыть, какъ ни въ чемъ не бывало, увлекая за собой и лесу, и наплавокъ, и даже удилище. Ловя живую рыбу, онъ поступаетъ иначе: стремительно бросается за нею и хватаетъ ее на бѣгу. Окунь почти никогда не срывается; промахи случаются также очень рѣдко. Правда, бываетъ иногда клёвъ, который можетъ привести въ заблужденіе неопытнаго рыбака, ибо безпрестанно какая-то рыба утаскиваетъ наплавокъ, и безпрестанно промахи слѣдуютъ одинъ за другимъ; видя всякой разъ, что конецъ червяка оторванъ, охотникъ сначала считаетъ это шалостью ельцовъ, или плотвы, хотя характеръ клёва чисто окуневый. Между тѣмъ, посреди множества промаховъ, иногда вытаскиваетъ онъ порядочныхъ окуней, и убѣждается, что и окуни иногда шалятъ, обманываютъ, клюютъ не вѣрно. Обвиненіе несправедливое. Всѣ сіи продѣлки происходятъ отъ самыхъ маленькихъ окуней, которые грѣшатъ невольно: ибо не могутъ заглотать ни длиннаго червяка, ни толстой раковой шейки; какъ же скоро подойдетъ окунь покруппе, то сейчасъ возьметъ вѣрно, и рыбакъ его вытащитъ; чтобъ убѣдиться въ этомъ, надобно взять маленькую удочку, насадить маленькаго червячка и сейчасъ будетъ выуженъ крошечный окунишка. Если охотникъ не захочетъ дожидаться подхода окуней покруппѣе, которымъ мелкіе сейчасъ уступятъ добычу, то надобно перейдти

на другое мѣсто, ибо стая окунишекъ, на которую онъ попалъ, не отстанетъ цѣлый день отъ его удочекъ.

Безспорно, что крупныхъ окуней удить весело (объ огромныхъ нечего и говорить), но я долженъ признаться, что частый клёвъ окуней среднихъ и мелкихъ такъ однообразенъ, такъ вѣренъ, вытаскиванье ихъ такъ просто, что все это вмѣстѣ иногда можетъ такъ же наскучить, какъ и тасканье подлещиковъ. Искусство удить тутъ почти исчезаетъ, а съ нимъ — и весь интересъ уженья. Я знаю, что за это возстанутъ на меня многіе охотники, ибо клёвъ окуней считаютъ лучшимъ, но я говорю откровенно свое мнѣніе. Большіе окуни очень упористы и сильны, и покуда не будутъ утомлены, ни за что наверхъ не выходятъ; для нихъ употребляются удочки большаго размѣра, и не смотря на то, надобно ихъ вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во всѣ стороны, но за то, стараясь упираться головою въ берегъ или дно, такъ круто поварачивается, что можетъ порвать и крѣпкую лесу.

Извѣстно, что окуни составляютъ превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печенные въ чешуѣ, они имѣютъ отличный вкусъ, и въ добавокъ совсѣмъ не костливы. Уха изъ нихъ также очень хороша.

Отличительное свойство окуней — жадность, въ чемъ развѣ только щука можетъ съ ними равняться; уженье *на блесну,* о которомъ я поговорю особо, служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Я разскажу два убѣдительные примѣра этой жадности, случившіеся со мной. Въ одно прекрасное, лѣтнее утро, на большомъ

озерѣ, называемомъ по-татарски: Кіишки *), таскалъ я плотву и подлещиковъ; вдругъ вижу, что на отмели, у самаго берега, выпрыгиваетъ изъ воды много мелкой рыбёшки; я зналъ, что это происходитъ отъ преслѣдованія хищной рыбы; но видя, что возня не прекращается, пошелъ посмотрѣть на нее поближе. Что же я увидѣлъ? на отмели, острымъ угломъ вдавшейся въ берегъ, не глубже двухъ вершовъ, большая стая порядочныхъ окуней ловила мелкую рыбу, которая отъ неизбѣжной погибели выскакивала даже на сухой берегъ; окуни такъ жадно преслѣдовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, съ которой уже прыжками добирались до воды поглубже: я даже поймалъ трехъ изъ нихъ руками. Не смотря на мое присутствіе, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбѣгалъ за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбёшку, лежавшую на берегу, и закидывая въ самую середину стаи, выудилъ тридцать хорошихъ окуней, Другой случай еще поразительнѣе: въ ненастную вѣтренную погоду пришелъ я удить окуней у мельничнаго кауза **), между сваями, его окружавшими; едва только закинулъ я среднюю удочку насаженную на раковую шейку, какъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго я спрятался подъ крышею

*) „Кіишки“ по-русски значитъ длинный. Это озеро находится въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Уфы и въ полуверстѣ отъ рѣки Бѣлой, съ которой сливается весною; разумѣется, Русскіе называютъ его и сидящую на немъ деревню: „Кишки“.

**) Я уже сказалъ, что каузъ около Москвы называютъ „дворецъ“. Не происходитъ ли это названье отъ слова „дверца“, то есть, маленькая дверь, поднимающаяся для протока воды на колесо? Можетъ быть сначала говорили „дверецъ“, а потомъ, для удобства произношенія, стали говорить „дворецъ“.

пильной; дождевая туча еще не пронеслась, какъ я услышалъ крикъ, зовущаго меня, мельника; я поспѣшно бросился къ нему, и вижу, что онъ возится съ моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успѣлъ прибѣжать во-время: мельникъ стоялъ съ однимъ удилищемъ и лесой, оборванной выше наплавка.... Какъ ни досадна была эта услужливость, отъ которой я потерялъ большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но дѣлать нечего; я развернулъ другую большую удочку, насадилъ кучу глистъ и раковую шейку, и закинулъ: черезъ минуту наплавокъ исчезъ, и я вытащилъ славнаго окуня, фунта въ два, у котораго изъ рта висѣла и другая, сейчасъ оторванная имъ длинная леса и съ наплавкомъ. Оба случая, теперь описанные и иногда разсказанные мною не охотникамъ, не рыбакамъ, не рѣдко возбуждали лукавыя улыбки, въ которыхъ ясно выражалось, что мои разсказы годятся въ извѣстную книжку: „Не любо, не слушай, а лгать не мѣшай"; но иногда ничего нѣтъ невѣроятнѣе истины и мудренѣе дѣйствительности.

Вотъ и еще разсказъ, не менѣе сомнительной вѣроятности для неохотниковъ; я знаю, Симбирской губерніи въ Корсунскомъ уѣздѣ, одинъ глубокій прудъ, весь состоящій изъ запруженнаго сильнаго родника, называемаго „Бѣлый ключь". Вода была превосходная, такъ что въ ней жили насаженные головли и даже стерляди. Въ пруду развелось такое множество окуней и пискарей, что уженье вышло отличное и *диковинное:* рыбакъ закидывалъ удочку на червяка, сію минуту проглатывалъ его пискарь и, въ непродолжительномъ времени, прогла-

тывалъ пискаря окунь... Сначала это былъ сюрпризъ для охотника, но потомъ мы всѣ пользовались такимъ удобствомъ, то-есть, самопроизвольной насадкой пискарей, и кто хотѣлъ удить именно окуней, тотъ не снималъ только съ крючка попавшагося пискаря. — Говоря о насадкѣ живцовъ за губу (на страницѣ 59), я сказалъ о выгодахъ и невыгодахъ такой насадки. Всякой, кто поудилъ бы одинъ часъ въ прудѣ „Бѣлаго ключа", убѣдился бы вполнѣ въ справедливости сказаннаго мною о невыгодѣ такого способа: это была именно насадка за губу; окуни брали безпрестанно, но вытаскивались менѣе, чѣмъ на половину. Я тутъ же пробовалъ насаживать въ спинку, и ни одинъ окунь не срывался,

Въ прошедшемъ 1853 году, въ исходѣ іюля, у одного рыбака, взялъ окунь на землянаго червя (чего онъ не замѣтилъ), а на окуня — щука, которую онъ и вытащилъ. Замѣчательно, что щука не могла проглотить окуня, хвостъ котораго торчалъ изъ ея рта.

18.

Щука *).

При всемъ моемъ усердіи, не могу доискаться откуда происходитъ имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый станъ, широкія хвостовыя перья для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, нисходящій отъ глазъ въ видѣ ткацкаго челнока, огромная пасть, усѣянная внизу и вверху сплошными, острыми, скрестившимися зубами **), изъ коихъ не вырвется никакая добыча, широкое горло, которымъ она проглатываетъ насадку толще себя самой, — все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею хищныхъ рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Я разумѣю здѣсь только тѣ породы рыбъ, которыя называются *бѣлъ,* въ противоположность чему всѣ другія породы, какъ-то: осетры, севрюга, бѣлорыбица и проч., называются *красная рыба.* Щука имѣетъ

*) Esox lucius, L. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

**) Щука мѣняетъ зубы ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ. Я къ удивленію моему узналъ объ этомъ очень недавно.

большіе, темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темнозеленоватаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавательныя перья зеленовато-сѣрые съ темными извилистыми каемками. Я слыхалъ, что щука можетъ жить очень долго, до ста лѣтъ (тоже разсказываютъ и даже пишутъ о карпіи); въ чемъ, будто, удостовѣрились опытами, пуская небольшихъ щурятъ съ замѣтками на хвостѣ, или перьяхъ, въ чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали ихъ; слыхалъ, что будто щуки выростаютъ до двухъ аршинъ длины и до двухъ съ половиною пудъ вѣсу; все это можетъ быть и правда, но чего не знаю, того не утверждаю *). Самая большая щука, какую мнѣ удалось видѣть, вѣсила одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ; длиною она была аршинъ и семь вершковъ; шириною въ спинѣ и бокахъ въ чет-

*) Послѣ выхода моей книжки первымъ изданіемъ, случилось мнѣ прочесть въ „Охотничьей книгѣ" г-на Левшина, напечатанной въ 1812 году (часть 4-я, стран. 487-я) любопытное извѣстіе о долговѣчности щукъ; выписываю его съ совершенною точностью: „Когда вычищали пруды близь Москвы, въ Царицынѣ, чему прошло съ небольшимъ 20 лѣтъ, — то между прочаго, при пересаживаніи рыбы въ сажалки, поймана была щука около трехъ аршинъ длиною, и въ полъ-аршина шириною, съ золотымъ кольцомъ, продѣтымъ въ щечную кость близь жабръ, съ надписью на одномъ: *„Посадилъ Царь Борисъ Ѳедоровичъ"*. По тогдашнему исчисленію щукѣ сей оказывалось болѣе 200 лѣтъ. — Леманъ утверждаетъ, что 1497-го года, въ Хейльброкѣ поймана была въ одномъ озерѣ щука 19 футовъ (семи аршинъ слишкомъ), и по надписи на мѣдномъ кольцѣ, на ней бывшемъ, оказалось, что въ озеро сіе посажена она была Цесаремъ Фридерихомъ II, въ 1230 году; слѣдственно въ сей водѣ жила она 267 лѣтъ. Вѣсу въ ней было 8 пудъ 30 фунтовъ; она отъ старости почти вся побѣлѣла." — Предоставляю читателямъ повѣрить, на сколько имъ угодно, справедливости такихъ разсказовъ.

верть аршина, но за то, почти во всю длину, была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотаетъ даже лягушекъ, крысъ и утятъ, отъ чего большую щуку называютъ *утятницей*. Щука водится только въ водахъ чистыхъ и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ или озерѣ отъ чего-нибудь испортится. Она мечетъ икру въ самомъ началѣ апрѣля, а иногда, если весна ранняя, въ исходѣ марта. Гдѣ много всякой мелкой рыбы, тамъ и щуки разводятся и держатся во множествѣ; бо́льшею частію ловятъ ихъ на жерлицы, о чемъ я поговорю впослѣдствіи. Щука очень охотно беретъ на удочку, крючокъ которой насаженъ какою-нибудь мелкой рыбкой, для чего поводокъ употребляется металлическій, или изъ простой басовой струны, о чемъ говорено выше, но клюетъ также на рака и даже изрѣдка на червяка; клевъ ея иногда очень быстръ, и какъ скоро она схватитъ насадку, то наплавокъ мгновенно исчезаетъ изъ глазъ: но случается, что она схватитъ рыбку, не проглотивъ ее, тихо поведетъ наплавокъ въ сторону, нисколько не погружая его. Щука нерѣдко беретъ на простыя удочки, закинутыя совсѣмъ не для нея; разумѣется сейчасъ, какъ ножницами, перекусываетъ самую толстую лесу, или поводокъ, что̀ иногда бываетъ очень досадно. Только въ одномъ случаѣ можно вытащить щуку на удочку съ обыкновеннымъ поводкомъ: если крючокъ зацѣпитъ за край губы, и ей нельзя будетъ достать зубами до лесы; но такіе счастливые случаи очень рѣдки. Щукъ не нужно удить со дна; напротивъ, приманка бу-

детъ гораздо виднѣе, если насаженная на крючокъ рыбка станетъ ходить аршина на полтора глубины. Вообще уженье на рыбку рѣдко производится со дна. Съ весны, щуки берутъ мало на жерлицы, лѣтомъ же попадаютъ онѣ около травъ, въ которыхъ обыкновенно стоятъ, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить ихъ осенью*): во-первыхъ, потому, что вода сдѣлается свѣтлѣе, и щуки издалека видятъ приманку, и во вторыхъ, потому, что водяныя травы отъ морозовъ опадутъ, щукамъ сдѣлается не такъ удобно прятаться и не такъ ловко ловить мелкую рыбешку: въ это время онѣ голодны и жадны. Рыбаки разсказываютъ слѣдующую хитрость щуки: она становится на мели, головою внизъ по теченію воды, и хвостомъ мутитъ илъ на днѣ, такъ что муть совсѣмъ

*) Это говорится про Оренбургскую губернію: тамъ величайшая рѣдкость, если щука возьметъ даже лѣтомъ или осенью на бѣлаго червя (сальника); хотя рѣдко, но иногда беретъ она на раковую шейку; на землянаго же и навознаго червя — никогда. Около Москвы совсѣмъ напротивъ: особенно рано весной, выметавъ икру (и особенно въ рѣкѣ Ворѣ, Дмитровскаго уѣзда), щуки берутъ очень часто, не только на землянаго, но даже на маленькаго навознаго червяка. Это было бы не трудно объяснить тѣмъ, что подмосковныя рѣчки слишкомъ сильно вылавливаются и что въ нихъ мало мелкой рыбы, отчего щуки голодны; но я долженъ сказать, что здѣсь гораздо чаще берутъ онѣ на червяка, чѣмъ на жерлицы или удочки, насаженныя рыбками, преимущественно весной: слѣдовательно, этого вопроса иначе нельзя разрѣшить, какъ предположеніемъ, что здѣшнія щуки имѣютъ особенный вкусъ къ червямъ. Въ прошедшемъ 1853-мъ году, уженье началось очень рано, и мнѣ удалось поймать вѣсколько небольшихъ щукъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: всѣхъ на маленькія удочки и всѣхъ на червяка. Одну изъ нихъ выудилъ я на поводокъ изъ *одной шелковинки!* Берегъ былъ крутой, я удилъ безъ товарища, и принужденнымъ нашелся выкинуть щуку (въ $1^1/_2$ фунта) на довольно высокой берегъ. Крошечный крючокъ она проглотила, но шелковинка въ самомъ зѣвѣ захлеснулась за костяную оконечность верхней губы, отъ чего не попала на зубы; рыба вытаскивалась бокомъ и казалась вдвое тяжеле. Рыбаки понимаютъ, что это очень рѣдкій и счастливый случай.

закрываетъ ее отъ мимо плывущихъ рыбокъ, на которыхъ она бросается, какъ стрѣла, лишь только онѣ подплывутъ близко: самъ я такихъ штукъ не видѣлъ. Уженье щукъ очень веселое, потому что, какъ скоро вы закинете удочку, и по близости есть щука, то она не замедлитъ явиться; равно и потому, что не рѣдко берутъ щуки очень большія. Хотя на удочкѣ онѣ очень бойки и въ движеніяхъ быстры, но какъ-то не упористы, а ходки, и на поворотахъ повадливы: вѣроятно брусковатая, челнообразная фигура ихъ тому причиной; небольшія щуки, фунтовъ до трехъ, довольно легко выкидываются на берегъ, даже безъ сачка; разумѣется, леса должна быть толстая и поводокъ здоровый; равнаго съ ней вѣсу окунь покажется гораздо тяжеле. Присутствіе щукъ легко можно угадать по внезапному прекращенію клева плотвы и другой не крупной рыбы, и еще вѣрнѣе по выпрыгиванью изъ воды мелкой рыбешки, которая, какъ дождь, брызжетъ во всѣ стороны, когда щука съ быстротою стрѣлы пролетитъ подъ водою. Выудивши щуку, много двѣ, на одномъ мѣстѣ, надобно перейдти на другое, на третье мѣсто, и такъ далѣе; тоже должно сдѣлать, ежели пройдетъ съ полчаса, и щуки не берутъ: это вѣрный знакъ, что ихъ нѣтъ по близости. Нѣкоторые охотники страстно любятъ уженье щукъ и предпочитаютъ его всѣмъ другимъ уженьямъ; не раздѣляя этого мнѣнія, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ скучно сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любитъ скорое рѣшеніе: будетъ или не будетъ брать; кто любитъ повозиться съ рыбой проворной, живой,

быстрой въ своихъ движеніяхъ, которая выкидываетъ иногда необыкновенные, неожиданные скачки — тому уженье щукъ и вообще хищныхъ рыбъ должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная продѣлка: по недостатку мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, торчащаго въ водѣ, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды, цѣлые часы неподвижно, точно спящая, или мертвая, такъ что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенія, около нея плаваетъ; цѣль очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ очарованномъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей *), но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами, какъ глушатъ всякую рыбу по тонкому льду **); даже наводятъ на нихъ волосяной силокъ, навязанный на длинной лутошкѣ, и выкидываютъ на берегъ. Я имѣлъ случай убить изъ ружья, стоящую въ такомъ положеніи, щуку въ девять фунтовъ. Мало этого, при моихъ глазахъ, мой товарищъ-рыбакъ, сидѣв-

*) Всякую рыбу, стоящую не глубоко въ водѣ, можно застрѣлить изъ ружья. Надобно только взять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а дальше или ближе. Уголъ отраженія дроби (всегда равный углу паденія) будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ.

**) Какъ только вода въ прудѣ или озерѣ покроется первымъ тонкимъ и прозрачнымъ льдомъ, способнымъ поднять человѣка, ходятъ съ дубинками, по мѣстамъ не очень глубокимъ. Замѣтя близко ко льду высоко стоящую рыбу, сильно ударяютъ дубинкою надъ ея головою—рыба оглушится (впадетъ въ обморокъ) и взвернется вверхъ брюхомъ: проворно разбиваютъ тонкій ледъ и берутъ рыбу руками, покуда она не очнулась.

шій и удившій со мною въ одной лодкѣ, крѣпко привязанной къ кольямъ, примѣтивъ щуку, стоящую подъ кормою лодки, схватилъ ее рукою.... она вѣсила слишкомъ два фунта. Алчность щукъ не имѣетъ предѣловъ; онѣ не рѣдко кидаются на такихъ рыбъ, или утятъ, которыхъ никакъ заглотать не могутъ, изъ чего выходятъ презабавныя явленія: добыча, будучи сильнѣе вцѣпившагося въ нее врага, таскаетъ его по водѣ за собою. Я самъ видѣлъ, какъ оперившійся совсѣмъ утенокъ, или лучше сказать, молодая утка, съ ужаснымъ крикомъ отъ испуга и боли, хлопая по водѣ крыльями, и даже нѣсколько приподымаясь съ воды, долго билась со щукой, которая впилась въ заднюю часть ея тѣла; видѣлъ также, какъ большой язь таскалъ за собой небольшую щуку, схватившую его за хвостъ. Но я разскажу два случая, еще болѣе доказывающіе непомѣрную жадность щуки: рыбакъ, стоявшій возлѣ меня на плотинѣ огромнаго пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдругъ почувствовалъ на удочкѣ такую тяжесть и упорство, что едва не выронилъ изъ рукъ удилища, но принявъ это за неожиданное движеніе какой-нибудь средней рыбы, сталъ тащить съ бо̀льшею силою и выволокъ на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что за крючокъ взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцѣпилась щука, не касаясь крючка, и такъ крѣпко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей ротъ! Другой случай былъ со мной недавно, а именно въ половинѣ сентября 1845 года: пришелъ я удить окуней, часу въ восьмомъ утра на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинулъ удочку черезъ

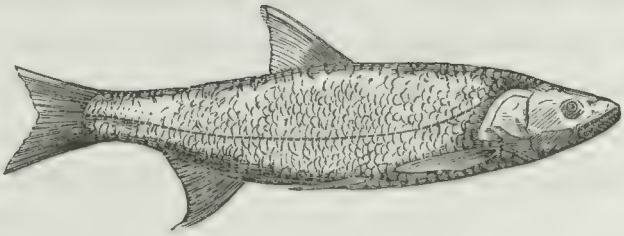
нее въ глубокой материкъ, насадивъ на крючокъ землянаго червя; только что я положилъ удилище на траву и сталъ развивать другую удочку, какъ наплавокъ исчезъ, и я едва успѣлъ схватить удилище; вынимаю — поводокъ перегрызенъ; я зналъ, что это щука, и сейчасъ закинулъ другую удочку; черезъ нѣсколько минутъ повторилась та же исторія, но я успѣлъ подсѣчь и началъ уже водить какую-то большую рыбу, какъ вдругъ леса со свистомъ взвилась къ верху: поводокъ опять оказался перегрызенъ; явно, что и это была щука, и уже большая, ибо я почти ее видѣлъ. Не имѣя съ собой поводка для щукъ, что̀ было очень досадно, я закинулъ третью удочку, насаженную также на землянаго червя, но уже держалъ удилище въ рукѣ, въ готовности подсѣчь щуку при первомъ движеніи наплавка; такъ и случилось: едва наплавокъ сталъ наклоняться, я проворно подсѣкъ и свободно вытащилъ небольшую щуку, которая также откусила у меня поводокъ, но уже на плотинѣ. Дома, когда стали эту щуку чистить, чтобы сварить къ столу, нашли у ней въ глоткѣ, кромѣ послѣдняго, и первый мой крючокъ съ отгрызеннымъ поводкомъ. И такъ это была щука, взявшая у меня въ первый и третій разъ, ибо вторая, съ которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки; но какова же жадность, что ни боль отъ крючка въ горлѣ, ни шумъ отъ возни со второю щукою, не могли отогнать первую! Я очень хорошо знаю, что подробное описаніе такихъ случаевъ можетъ быть интересно только для настоящихъ и страстныхъ охотниковъ, но именно для нихъ я и пишу. Для нихъ также долженъ я сказать, что въ томъ же году я вы-

удилъ щуку въ три съ половиною фунта на одинъ волосъ изъ индѣйскаго растенія или сырца. Со мной не было сачка, потому что я удилъ мелкую рыбу, и я долженъ былъ посылать за нимъ домой, и такъ, около получаса, щука, проглотившая далеко крючокъ, билась и металась на одномъ волоскѣ и не могла перегрызть его. Хотя я не охотникъ до этого выписнаго волоса, но долженъ признать превосходное его качество въ этомъ отношеніи. Щука средней величины, пойманная весною (тогда называютъ ее *щукою съ голубымъ перомъ),* и даже лѣтомъ, и сваренная на холодное прямо изъ воды, а не снулая, составляетъ не дурное блюдо.

Щука беретъ иногда очень поздно осенью, по ночамъ со дна, на крючки, поставленные на налимовъ, и разумѣется насаженные рыбкой.

Говоря объ язяхъ, я разсказалъ, какъ пятифунтовой язь былъ выуженъ за спинное перо; но тотъ же охотникъ выудилъ щуку въ 18 фунтовъ за перо хвостовое, проколотое крючкомъ. Хотя леса была толстая и крѣпкая, но рыбакъ, видя, что рыба попала огромная, что поворотить ее невозможно и что леса вытягивается въ прямую линію, — бросилъ удилище. Щука гуляла съ нимъ по широкому пруду, погружая даже удилище совсѣмъ въ воду; рыбакъ плавалъ за нею въ лодкѣ; какъ скоро рыба останавливалась, онъ бралъ удилище въ руки и начиналъ водить; какъ скоро натягивалась леса прямо— бросалъ удилище. Такимъ образомъ, утомляя рыбу *нѣсколько часовъ* сряду, рыбакъ вывелъ ее на поверхность, какъ сонную или одурѣлую, и подхватилъ сачкомъ. Онъ

долго не зналъ, съ какой рыбой возится, и увидѣлъ, что это щука только тогда, когда она въ первый разъ всплыла наверхъ. Честь и слава искусству и долготерпѣнію охотника!



19.

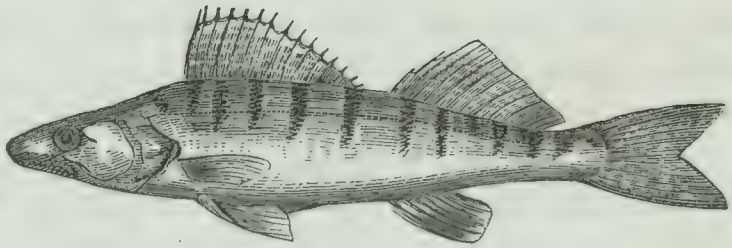
Жерихъ, Шересперъ *).

Эта хищная рыба во всѣхъ низовыхъ губерніяхъ называется *жерихъ*, а около Москвы *шересперъ*. Первое имя, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *жировать*, то-есть, играть, прыгать, что весьма соотвѣтствуетъ свойствамъ этой рыбы: ибо она очень любитъ выпрыгивать изъ воды и плескаться на ея поверхности изъ одного удовольствія, а не для преслѣдованія добычи; второе же имя должно происходить отъ того, что жерихъ, выскакивая изъ воды, расширяетъ свои плавательныя и безъ того весьма широкія перья и гребень. Я слышалъ также и даже читалъ, что эту рыбу называютъ *конь:* названье тоже прилично по ея скачкамъ. Я буду употреблять первое имя для удобства произношенія и потому, что употребленіе его гораздо обширнѣе. Жерихъ длиненъ, похожъ на язя своимъ станомъ, но ўже его, и цвѣтомъ крупной чешуи гораздо бѣлѣе, серебристѣе, кромѣ спины, которая темнѣе язевой; онъ имѣетъ ту особенность, что

*) Aspius rapax, Ag. *Шерехъ*, въ Южной Россіи *бѣлизна, бѣлезна, белестъ*. Изображ. въ $1/6$ наст. вел. *К. Р.*

нижняя губа его рта длиннѣе верхней; верхняя, какъ будто имѣетъ выемку; а нижняя похожа своимъ образованіемъ на загнутый къ верху птичій носъ и входитъ въ выемку верхней части рта. Такимъ образомъ, ротъ жериха представляетъ нѣсколько клевъ хищной птицы въ обратномъ положеніи. Хвостъ его и верхнее перо очень тверды и широки, цвѣтомъ сѣрые, а нижнія перья красноватыя; глаза сѣрые, зрачки темные; ротъ довольно великъ, но не огроменъ. Нижняя часть тѣла бѣлая. Жерихъ не водится въ маленькихъ рѣчкахъ, но любитъ рѣки большія, или по крайней мѣрѣ многоводныя, глубокія и быстрыя, живетъ также и въ большихъ, чистыхъ озерахъ, питается всякими водяными насѣкомыми, мелкою рыбою, и на нее только беретъ на удочку; клёвъ его чрезвычайно быстръ, и на удочкѣ ходитъ онъ необыкновенно бойко; онъ выростаетъ длиною въ аршинъ, и вѣсомъ бываетъ въ восемнадцать фунтовъ. Говорятъ рыбаки, что жерихи бываютъ въ тридцать фунтовъ; но я этого не утверждаю. Икру мечутъ въ исходѣ апрѣля и въ началѣ мая. Безъ сомнѣнія, уженье жериховъ одно изъ лучшихъ, интереснѣйшихъ для охотника; но, къ сожалѣнію, я очень мало знакомъ съ нимъ, и не могу сообщить дальнѣйшихъ подробностей объ этой замѣчательной рыбѣ. Я видалъ, что рыбаки удятъ ихъ на рыбку, на быстринахъ, на вѣсу, аршина въ полтора глубины. Любимое мѣсто жериховъ — глубокія водоемины подъ вешняками или спусками, гдѣ вода кипитъ и клубится безпрестанно, когда два или три запора подняты; что на сильныхъ рѣкахъ дѣлается постоянно. Въ пѣнѣ, шумѣ и брызгахъ прядаютъ вверхъ и шлепаются эти *водяные*

кони, и туда рыбакъ бросаетъ свою, прочно-устроенную удочку съ тяжелымъ грузиломъ. Жерихъ, приготовленный прямо изъ воды на холодное, составляетъ прекрасное блюдо.



20.

Судакъ *).

Съ этою превосходною рыбою для стола я еще менѣе знакомъ, какъ рыбакъ; но знаю, что она беретъ на удочку. — Судаки выростаютъ до огромной величины; вѣсъ ихъ простирается до полупуда и болѣе. Живутъ въ большихъ рѣкахъ, проточныхъ озерахъ и прудахъ, но предпочтительно любятъ быструю и свѣжую воду рѣки. Судакъ имѣетъ ротъ вытянутый, длинный; рѣдкіе, но толстые и крѣпкіе зубы, и довольно большой языкъ, что̀ даетъ ему нѣкоторое право, по моему мнѣнію, причисляться къ роду форелей. Станомъ онъ брусковатъ и похожъ на щуку, но немного шире ея; нижняя половина его тѣла и брюха — серебристо-бѣлаго цвѣта, а спина и верхнія стороны боковъ — сѣроваты; поперекъ всего тѣла лежатъ двѣнадцать неясныхъ полосъ темно-синяго, не яркаго цвѣта; глаза имѣетъ довольно большіе, желтоватые, зрачки темные. Въ рѣкахъ, гдѣ водится много

*) Lucioperca sandra, C. Въ Малороссіи иногда *сула К. Р.*

судаковъ, они берутъ охотно на удочку, насаженную рыбкой. Судакъ, очевидно, хищная рыба; онъ попадаетъ на жерлицы и крючки, такъ же какъ щука, но преимущественно ночью съ весны до половины лѣта. Живые, не истомленные долгимъ сидѣньемъ въ прорѣзяхъ, судаки составляютъ лакомое и здоровое блюдо; это необходимая принадлежность хорошаго стола, вслѣдствіе чего иногда бываютъ очень дороги; но за то мерзлыхъ судаковъ въ Москву и ея окрестности навозятъ такое множество, что они къ концу зимы дѣлаются иногда чрезвычайно дешевы, то-есть, рублей по шести ассигнаціями за пудъ. Для постниковъ это драгоцѣнная рыба: вкусна, даже перемерзлая, здорова, не костлива, на все пригодна, не пріѣдается, и дешева. Однимъ словомъ — это постная говядина.

21.

Лохъ, Красуля.

Эта превосходная порода рыбы, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ второе имя, которымъ зовутъ его въ Оренбургской губерніи. Иногда употребляютъ и названіе „красной рыбы“, вѣроятно, по желтовато-розовому цвѣту ея тѣла и, можетъ быть, по краснымъ крапинамъ, которыми она испещрена; но не должно смѣшивать красулю съ собственно такъ называемою *красною рыбой*, или семгой: послѣдняя отличается отъ первой болѣе широкимъ станомъ, сѣровато-бѣлымъ цвѣтомъ чешуи и большею краснотою тѣла; она живетъ преимущественно въ большихъ рѣкахъ. Красуля принадлежитъ къ породѣ форели и вмѣстѣ съ нею водится только въ чистыхъ, холодныхъ и быстрыхъ рѣкахъ, даже въ небольшихъ рѣчкахъ или ручьяхъ, и въ новыхъ, не загаженныхъ навозомъ, прудахъ, на нихъ же устроенныхъ, но только въ глубокихъ и чистыхъ; станъ ея длиненъ, брусковатъ, но шире щучьяго; она очень красива; вся, какъ и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и бѣлыми крапинами; хвостъ и перья имѣетъ сизые; нижнюю часть тѣла—бѣловато-розоваго цвѣта; ротъ довольно

большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насѣкомыми, падающими въ воду снаружи, и въ ней живущими. Красуля достигаетъ огромной величины; мнѣ принесли однажды красулю, пойманную въ маленькой рѣчкѣ, куда она зашла по мутной, весенней водѣ: она вѣсила двадцать семь фунтовъ и была уже нѣсколько брюхаста. — При уженьѣ форели, обыкновенно на краснаго червяка, попадаются иногда и красули, но это бываетъ рѣдко, потому что онѣ берутъ преимущественно на рыбку; большею частью ловятъ ихъ разными рыболовными снастями, бьютъ по ночамъ острогою и даже стрѣляютъ изъ ружей, подкарауливая, когда красули, по мелкимъ каменистымъ перекатамъ, въ красные лѣтніе дни, всегда около полденъ, перебираются изъ одного омута въ другой. Эта послѣдняя необыкновенная охота особенно въ употребленіи у Оренбургскихъ Татаръ, живущихъ по берегамъ Большаго и Малаго Зая, протекающихъ и сходящихся въ одну рѣку, въ Бугульминскомъ уѣздѣ. Проѣзжая изъ Бугульмы въ Казань, на одной станціи, знакомый мнѣ ямщикъ, Татаринъ, попросилъ у меня на нѣсколько зарядовъ пороху и крупной дроби; я охотно далъ ему и того и другаго, но спросилъ: какую птицу онъ стрѣляетъ. Татаринъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ стрѣляетъ рыбу, именно лоховъ. Разумѣется, я распросилъ обо всѣхъ подробностяхъ этой необыкновенной охоты и даже самъ сходилъ посмотрѣть мѣста по Малому Заю, на которыхъ онъ стрѣлялъ красуль, водящихся въ этой рѣкѣ въ большомъ изобиліи: берега были высоки и удобны для того, чтобъ за ними притаиться, а перекаты такъ мелки, что и небольшую рыбку не трудно

было застрѣлить. — Во всю мою жизнь я выудилъ только одну красулю на маленькаго, навознаго червяка, фунта въ три вѣсомъ, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочкѣ; можно предположить, что очень трудно возиться съ большою красулей. Вкусъ ея превосходенъ. Она имѣетъ довольно большой языкъ, какъ и всѣ три породы форелей.

22.

Форель, Пеструшка *).

Въ Оренбургской губерніи водилась она въ чрезвычайномъ изобиліи во всѣхъ ручьяхъ и рѣчкахъ, ибо всѣ они были студены лѣтомъ, какъ ледъ, и прозрачны, какъ горный хрусталь. Но набѣжавшее отвсюду разнородное и разноплеменное народонаселеніе, впрочемъ далеко еще не заселившее этого чудеснаго края, поизмяло его роскошные луга и помутило свѣтлыя воды. Теперь форели водится гораздо менѣе, но все еще много. Въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, мнѣ извѣстныхъ, она осталась въ ихъ верховьяхъ, до первой мельницы. Простой народъ и не знаетъ слова *форель;* онъ называетъ эту прелестную рыбу: *пестрякъ*, а въ собирательномъ: *пеструшка,* — имя самое приличное, ибо она вся испещрена черными, красными и бѣлыми крапинами. Станомъ, скла-

*) Salmo fario, L. Единственный видъ форели Оренб. губ., изображеніе которой мы могли достать. *К. Р.*

домъ, пестротою кожи, однимъ словомъ: всѣмъ, она такъ похожа на красулю, что можно почесть ихъ за одну и туже рыбу; но пеструшка кажется шире и площе красули и гораздо пестрѣе; разсказываютъ, что она бываетъ огромной величины, до пятнадцати фунтовъ вѣса; но я плохо этому вѣрю, и думаю, что смѣшиваютъ съ нею красуль, которыхъ мелкими я никогда не встрѣчалъ; признаюсь, я не чуждъ сомнѣнія, что пестрякъ и красуля одна и та же рыба, только въ разныхъ возрастахъ. Я самъ видѣлъ пестряка въ семь фунтовъ, убитаго острогою. Это избіеніе всѣхъ родовъ форели, противное истинному охотнику до уженья, какъ и всякая ловля рыбы разными снастями, производится слѣдующимъ образомъ: въ темную, осеннюю ночь отправляются двое охотниковъ, одинъ съ пукомъ зажженной лучины, таща запасъ ея за плечами, а другой съ острогою; они идутъ вдоль по рѣчкѣ и тщательно осматриваютъ каждый омутокъ, или глубокое мѣсто, освѣщая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно стоитъ плотно у берега, прислонясь къ нему, или къ древеснымъ корнямъ; примѣтивъ красулю, пестряка, кутему, или налима, охотникъ съ острогой заходитъ съ противоположной стороны, а товарищъ ему свѣтитъ; ибо стоя на берегу, подъ которымъ притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, да и не видно. Рыбакъ съ острогою, осторожно, соблюдая возможную тишину, погружаетъ понемногу въ воду своей нептуновскій трезубецъ и доведя его на четверть разстоянія до спины рыбы, проворно вонзаетъ въ нее зазубренныя иглы остроги. Точно такимъ образомъ бьютъ и всякую другую рыбу въ пру-

дахъ, озерахъ и рѣчныхъ заливахъ, разъѣзжая на лодкѣ, съ тою разницею, что огонь разводится на желѣзной рѣшеткѣ прикрѣпляемой къ носу лодки желѣзною же рукояткой; тутъ иногда добываютъ такой величины щукъ, какихъ нельза поймать и удержать никакою другою рыболовною снастью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я охотно допускаю острогу.

Я говорилъ выше объ уженьѣ форели по рѣчкамъ; повторяю, что никогда не былъ до него большимъ охотникомъ; но я много удилъ пеструшки и кутемы, и съ большимъ наслажденіемъ, въ верховьяхъ чистыхъ прудовъ, гдѣ вода, не затопляя береговъ, стоитъ наравнѣ съ ними, образуя иногда очень глубокій, слѣдовательно и не совсѣмъ прозрачный материкъ. Тутъ можно удить со дна на двѣ удочки и класть удилища на берегъ, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тутъ клёвъ пеструшки уже не имѣетъ необыкновенной своей быстроты, и можно успѣть схватить удилище, когда наплавокъ начнетъ шевелиться и погружаться. Это уженье самое веселое и заманчивое, особенно, если есть надежда на крупную форель и кутему. Самые большіе пестряки, мною выуженные, вѣсили около трехъ фунтовъ, но и тѣ очень бойко ходили на удочкѣ, и сачокъ былъ очень нуженъ, Я особенно люблю это уженье; тутъ нѣтъ надобности перемѣнять часто мѣста, и можно просидѣть цѣлое утро спокойно, со всѣми удобствами, трубкой, сигаркой, на одномъ мѣстѣ. Въ жаркое лѣтнее время надобно удить рано, а въ холодное — цѣлый день. Я всегда удилъ на среднія удочки, на обыкновеннаго навознаго, или земляпаго червяка, по большой

части со дна, но многіе охотники удятъ мелко, и на рыбку; можетъ быть, послѣдняя насадка лучше, ибо въ желудкѣ пеструшки часто находятъ мелкую рыбёшку. Къ сожалѣнію, мнѣ не случалось этого попробовать. — Пеструшка такъ нѣжна, что лѣтомъ и пяти минутъ не проживетъ въ ведрѣ съ холодною водою; покуда удишь, можно сохранить ее живою въ *кружкѣ*, но домой всегда приносишь или привозишь ее снулою, хотя бы мѣсто уженья было въ самомъ близкомъ разстояніи: отъ того она много теряетъ своего деликатнаго, единственно ей только свойственнаго вкуса. Обыкновенно готовятъ пеструшку снулую и не нахвалятся ея вкусомъ; но гастрономъ, желающій вполнѣ оцѣнить достоинство ферели, долженъ отвѣдать ухи, сваренной изъ форели, только что пойманной, на берегу рѣки, или изъ привезенной въ бочкѣ со льдомъ *). Пеструшка превосходна также, приготовленная на холодное, равно жареная и сушеная въ сметанѣ.

Пеструшка идетъ позднею осенью очень хорошо въ морды. Она беретъ и зимой на удочку въ прорубяхъ; даже ночью удятъ ее съ фонаремъ, наводя лучь огня прямо въ прорубь. — Я самъ видѣлъ, какъ крестьянскіе мальчики ловили не крупную пеструшку, протыкая дубинками тонкій осенній ледъ и опуская въ пробитое отверстіе нитку съ крючкомъ, насаженнымъ навознымъ

*) Если нельзя довезть пеструшку живую до кухни, то лучшее средство къ сохраненію ея вкуса — заколоть ее, завернуть въ траву и поливать въ тѣни холодною водою (обложить льдомъ — еще лучше). Всякая рыба теряетъ вкусъ, когда заснетъ, потому что истомится, умирая въ ведрѣ, и, вѣроятно, выпуститъ нѣсколько желчи.

червякомъ; нитка привязывалась посерединѣ къ небольшой палочкѣ, которая клалась поперекъ отверстія, такъ что рыба, попавъ на крючокъ, никакъ не могла утащить палочку въ воду. Наставивъ много такихъ удочекъ по рѣчнымъ омуточкамъ, мальчики ходили взадъ и впередъ по рѣчкѣ и осматривали свои рыболовныя снасти: попавшуюся рыбку снимали, а сдернутый червякъ замѣняли новымъ.

Не смотря на то, что пеструшка самая пугливая, сторожкая рыба и самая быстрая въ своихъ движеніяхъ — ее ловятъ руками (также кутему и налимовъ): ибо она любитъ втискиваться между карягами и корнями деревъ, залѣзать подъ камни и даже въ норы. Я уже говорилъ о ловлѣ всякой рыбы руками, которая въ большомъ употребленіи около Москвы.

23.

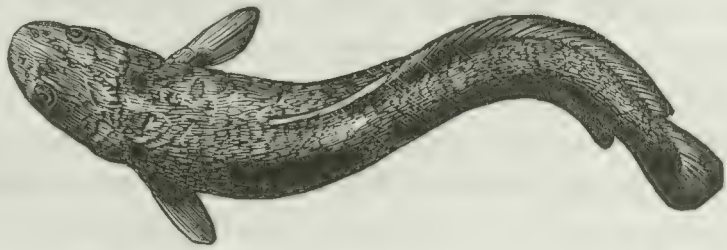
Кутема.

Я нигдѣ не видывалъ этой рыбы, кромѣ Оренбургской губерніи. Хотя имя ея звучитъ по-русски, но это слово, какъ я слышалъ, чувашское, и значитъ: *свѣтлая, блестящая*. Я рѣшительно причисляю ее къ роду форелей. Во-первыхъ потому, что гдѣ водится пеструшка, тамъ непремѣнно живетъ кутема, и гораздо въ большемъ количествѣ; во-вторыхъ потому, что она имѣетъ языкъ, и въ-третьихъ потому, что она совершенно сходна съ форелью устройствомъ своихъ костей, всѣми своими нравами и превосходнымъ вкусомъ. Складомъ своего стана она нѣсколько пошире пеструшки, хотя, относительно, довольно толста въ спинѣ; цвѣтомъ вся сизо-серебряная, плавательныя перья и хвостъ имѣетъ также сизые съ легкимъ отливомъ розово-лиловаго цвѣта; оттѣнокъ этотъ примѣтенъ, если посмотрѣть къ свѣту на ея перья и спину, которая нѣсколько темнѣе нижней части тѣла, совершенно бѣлой. Кутема, по единогласному мнѣнію туземцевъ и по собственному моему наблюденію, не выростаетъ длиннѣе двухъ четвертей и не вѣситъ болѣе двухъ съ половиною, много трехъ фунтовъ; хотя она также

любитъ чистую и холодную воду, но нѣсколько менѣе взыскательна на этотъ счетъ, чѣмъ пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной рѣчкѣ, или ручьѣ, сдѣлаютъ первую мельницу и запрудятъ воду плотиной изъ свѣжаго хвороста и земли, пригнетя сверху нѣсколькими пластами толстаго дерна, взодраннаго плугомъ, то въ первые годы въ этомъ пруду, чистомъ и прозрачномъ какъ стекло, живутъ пеструшка, красуля и кутема. Такой прудъ бываетъ чудно хорошъ! особенно въ тихое время, по зарямъ утреннимъ и вечернимъ, когда сверкающее зеркало воды, подобно огромному куску льда, неподвижно лежитъ въ зеленыхъ, потемнѣвшихъ берегахъ. Наклонясь къ зарѣ, увидишь выпрыгивающихъ на гладкую поверхность воды, кутему и пеструшку, какъ будто розово-серебряныхъ отъ блеска зари: онѣ ловятъ разныхъ мошекъ и другихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, толкущихся надъ тихою водою и не рѣдко падающихъ въ нее. Въ такомъ прудѣ, отдаленномъ отъ селенія, куда навозъ возить далеко, и плотина котораго поддерживается дерномъ и землею — могутъ долго водиться всѣ эти три превосходныя породы форели. Въ послѣдствіи времени, когда хворостъ перегніетъ, плотина осядетъ, на мельничномъ дворѣ накопится навозъ, а дѣвать его не куда, потому что тамъ пашни не унаваживаютъ, тогда этимъ навозомъ (и даже деревенскимъ, если прудъ не слишкомъ отдаленъ) начнутъ усыпать плотину; онъ сообщитъ водѣ свой запахъ, и пеструшка не станетъ жить въ прудѣ, а удалится въ верхъ рѣки; кутема же остается въ немъ нѣсколько времени. Когда же вода еще болѣе испортится, то и кутема пропадетъ. Она беретъ на удочку охотнѣе

пеструшки, такъ что ее всегда выудишь вдвое больше. Что касается до уженья этой рыбы, то оно совершенно одинаково съ уженьемъ пеструшки, и потому я не стану говорить о немъ особенно.

Вотъ всѣ породы рыбъ, которыя берутъ на удочку и водятся въ водахъ тѣхъ губерній, въ которыхъ мнѣ случалось жить, слѣдственно и удить. Это небольшой клочокъ въ отношеніи къ безконечному пространству нашей Руси, и много есть породъ рыбъ, неизвѣстныхъ мнѣ даже по имени, и способовъ уженья, незнакомыхъ мнѣ по опыту, отъ чего записки мои очень не полны. Предоставляю другимъ вознаградить этотъ недостатокъ. Я считаю однако не лишнимъ поговорить о двухъ породахъ рыбъ, которыя, хотя не берутъ на удочку во время обыкновеннаго дневнаго уженья, но попадаютъ на крючки, или обыкновенныя удочки, если ихъ ставить на ночь. — Нельзя также пройдти молчаніемъ раковъ; раки вполнѣ заслуживаютъ вниманія рыбака: они играютъ важную роль въ уженьѣ; охотнику необходимо знать, когда, гдѣ и какъ можно доставать ихъ. Надобно также сказать кое-что и о тѣхъ способахъ рыбной ловли, которыхъ хотя нельзя назвать уженьемъ, но которые ближе къ нему, чѣмъ къ ловлѣ другими снастями: я разумѣю блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которыхъ я хочу поговорить, называются *налимъ* и *сомъ*.



Налимъ *).

Налимъ водится и въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ и во всѣхъ большихъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и озерахъ, имѣющихъ хорошую, свѣжую воду. Онъ принадлежитъ также къ породѣ хищныхъ рыбъ, ибо преимущественно питается мелкою рыбёшкою; фигура его совсѣмъ особенная и не совсѣмъ пріятная: отъ головы, съ довольно большимъ и широкимъ ртомъ и однимъ усомъ, торчащимъ изъ подъ нижней губы, сейчасъ начинается бѣлесоватое брюхо, которое у большихъ налимовъ бываетъ кругло и велико; отъ брюха станъ его сплющивается и оканчивается длиннымъ, плоскимъ, извилистымъ плесомъ, опущеннымъ, до небольшаго кругловатаго хвоста, сплошнымъ, мягкимъ, плавательнымъ перомъ. Налимъ не имѣетъ чешуи, а покрытъ слизью, такъ что его трудно удержать въ рукахъ; онъ весь мраморный: по темно-зеленому желтоватому полю испещ-

*) Lota vulgaris, C. Въ Малороссіи *менъ, менёкъ, мантусъ* (Орлов. губ.), *ментусъ* (на Волыни), *калека* (по Ипути). *К. Р.*

ренъ черными пятнами; глаза имѣетъ темные: нѣкоторые налимы бываютъ очень темны, а другіе очень желты. Я не видалъ налима болѣе пятнадцати фунтовъ, но говорятъ, что онъ достигаетъ тридцати фунтовъ. Хотя я только отъ одного рыбака слышалъ, что онъ выудилъ налима, но судя по тому, что позднею осенью и въ началѣ зимы налимъ беретъ со дна на обыкневенныя удочки, насаженныя рыбкою или кускомъ рыбы, и поставленныя около береговъ на ночь, — его очень можно выудить, если удить ночью; но въ это время года никто не станетъ удить по ночамъ *). Уха изъ однихъ наналимовъ (даже безъ бульона изъ ершей), живыхъ непремѣнно, особенно если положитъ побольше печенокъ и молокъ, до того хороша, что, по моему мнѣнію, можетъ соперничать съ знаменитой стерляжьей ухой. Изъ уваженія къ такому высокому качеству и по невозможности удить налимовъ, я допускаю и даже люблю ловлю ихъ *мордами*, по-заволжски, или *неротами*, по-московски. Она производится слѣдующимъ образомъ:

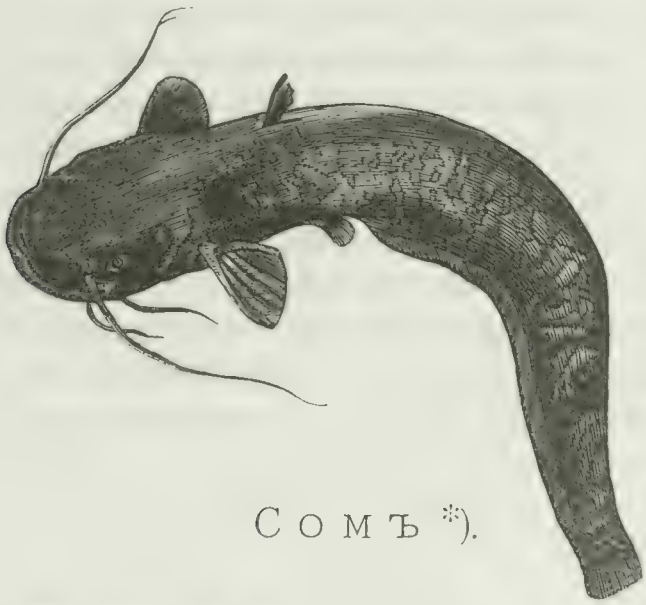
На перекатахъ рѣки, въ которой водятся налимы, загораживаются *язы*, то-есть: вся ширина рѣки или только та сторона, которая поглубже, перебивается не толстыми сплошными кольями, четверти на двѣ торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые можетъ свободно течь вода, но не можетъ пройдти порядочная рыба; въ этой перегородкѣ оставляются ворота,

*) Не давно я убѣдился, что налимъ можетъ взять на удочку и въ день: при мнѣ одинъ рыбакъ выудилъ налима, въ два фунта на землянаго червя, весною, въ спущенномъ прудѣ. Налимы берутъ также весною на крючки, сейчасъ по слитіи полой воды.

или пустое мѣсто, въ которое вставляется морда *) (или неротъ), крѣпко привязанная по срединѣ къ длинной палкѣ: если отверзтая ея сторона четыре-угольная, то ее можно вставить между кольями очень плотно; если же круглая (что, по моему, очень дурно), то дыры надобно заткнуть вѣтками сосны, или ели, а за неимѣніемъ ихъ, какими-нибудь прутьями. Всего необходимѣе, чтобъ морда лежала плотно на днѣ. Зимой, особенно въ сильные морозы, преимущественно около святокъ, выходятъ налимы изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держатся цѣлый годъ, и идутъ вверхъ по рѣкѣ по самому дну, пріискивая жесткое, хрящеватое, или даже каменистое дно, о которое они трутся для выкидыванія изъ себя икры и молокъ; такимъ образомъ, встрѣтивъ перегородку, сквозь которую пролѣзть не могутъ, и отыскивая отверзтіе для свободнаго прохода, они неминуемо попадутъ въ горло морды. Иногда вваливаются такіе огромные налимы, что даже непонятно, какъ они могли пролѣзть въ узкое отверзтіе, будучи почти вдвое его объемистѣе. Это объясняется тѣмъ, что вся толщина налима состоитъ въ брюхѣ, которое, по мягкости своей удобно сжимается, и тѣмъ, что налимъ покрытъ необыкновенною слизью. Всего выгоднѣе загораживать язы на устьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ главную рѣку. Налимы идутъ всегда по ночамъ, и днемъ никогда въ морды не попадаются. Въ наши долгія жесто-

*) *Мордою* называется, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый мѣшокъ; задній конецъ его завязывается наглухо, а въ переднемъ, имѣющемъ видъ раскрытаго кошелька, устроивается горло на подобіе воронки, такъ что рыбѣ войдти можно свободно, а выйдти нельзя.

кія зимы очень пріятно, послѣ снѣжной вьюги, свирѣпствовавшей иногда нѣсколько дней, особенно иногда послѣ Оренбургскаго бурана, когда утихнетъ мятель и взрытыя ею снѣжныя равнины представятъ видъ моря, внезапно оцѣпенѣвшаго посреди волненія, — очень весело, при блескѣ яркаго солнца, пробраться по занесеннымъ также язамъ, которые иногда не вдругъ найдешь подъ сугробами снѣга, разгресть ихъ лопатами, разрубить ледъ пешнями и топорами, выкидать его плоскимъ сакомъ или лопатой и вытащить морду, иногда до половины набитую налимами. Изрѣдка, особенно къ великому посту, попадаются окуни, плотва и раки. — Налимы берутъ осенью на крючки, привязанные на толстую лесу, или шнурокъ, безъ наплавка, насаженные цѣлою рыбкою, или кускомъ свѣжей рыбы. Такіе крючки ставятъ на ночь, насадку опускаютъ на дно у самаго берега, иногда же по срединѣ рѣки, и шнурокъ привязываютъ къ колышку, или къ древесному сучку; но объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ подробнѣе. Попадаютъ такіе налимы, что отрываютъ толстые шнурки; очевидно, что лучше привязывать ихъ къ кусту, или сучку дерева (только не ольховому: ибо онъ сейчасъ переломится, или оторвется отъ ствола), которое имѣетъ гибь. Уха изъ налимовъ, пирогъ съ налимьими печенками.... такія блюда, превосходный вкусъ которыхъ извѣстенъ всѣмъ.



Сомъ *).

Сомъ фигурой своей очень похожъ на налима, но ротъ его, или, правильнѣе сказать, пасть, шире, безобразнѣе: голова еще болѣе сливается съ туловищемъ, то-есть, брюхомъ; онъ гораздо отвратительнѣе налима и какъ-то похожъ на огромнаго головастика. Я слыхалъ, что сомы бываютъ чудовищной, баснословной величины, что проглатываютъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Они водятся только въ большихъ рѣкахъ, преимущественно въ тихихъ, тинистыхъ и глубокихъ. Вкусъ сомовій грубъ и непріятенъ, но его плесо, или хвостъ, весь состоящій изъ позвоночной кости и жира, имѣетъ превосходный вкусъ: кулебяка съ какою-нибудь красною свѣжепросольною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри ломтиками свѣжаго сомовьяго жира, который весь въ печи

*) Silurus glaris, L. *К. Р.*

растаетъ и напитаетъ собою и начинку и корку — объяденье! Сомовъ ловятъ на огромные крючки, или крючья,— величина которыхъ иногда бываетъ не менѣе пожарнаго багра, съ соразмѣрною зазубриною, — привязывая ихъ на крѣпкія веревки и насаживая большихъ рыбъ, огромные куски мяса, ощипанныхъ вполовину куръ, утокъ и даже маленькихъ поросятъ; насаживаютъ также говяжью и баранью требуху; но на чистую мясную насадку сомъ беретъ охотнѣе. Я слыхалъ также, что гдѣ водится сомовъ много, тамъ удятъ ихъ на огромныя удочки, насаживая и большихъ лягушекъ.

Раки.

Хотя ракъ ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другаго. Пословица: *на безрыбьѣ и ракъ рыба*, на этотъ разъ несправедлива. Но кромѣ своего высокаго гастрономическаго достоинства, раки, какъ я уже сказалъ, играютъ очень важную роль въ уженьѣ: ибо служатъ самою лучшею насадкою для всѣхъ рыбныхъ породъ, особенно линючіе, которыхъ въ это время года ничто замѣнить не можетъ. Раки водятся почти во всѣхъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и даже иногда въ озерахъ; но слишкомъ холодной воды и теплой, особенно несвѣжей и нечистой, сносить не могутъ. Въ рѣкахъ большихъ и песчаныхъ раки бываютъ очень крупны, но не вкусны и водятся въ маломъ количествѣ; но въ небольшихъ рѣчкахъ, особенно въ губерніяхъ черноземныхъ, водятся въ невѣроятномъ множествѣ, такъ что даже мѣшаютъ удить, — особенно послѣ линянья, когда они бываютъ худы и голодны: на что̀ бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковыя шейки, едва они коснутся дна, какъ раки бросятся со всѣхъ сторонъ, схватятъ клешнями и ртами свою добычу и поползутъ съ нею въ нору. Сначала будешь ошибаться, что это беретъ большая рыба, станешь давать имъ волю заклёвывать, отъ чего иногда очень не скоро

освободишь крючокъ изъ норы; потомъ скоро примѣнишься къ ихъ клёву и не станешь давать имъ затаскивать крючки. Какъ скоро ракъ повезетъ наплавокъ, то надобно сейчасъ потихоньку вынимать удочку: иногда вытащишь и рака; но какое же тутъ уженье хорошей рыбы, если надобно вынимать безпрестанно удочки? Когда крючки ходятъ на вѣсу и не близко къ берегу, то раки будутъ брать менѣе; всего жаднѣе бросаются они на рыбку, навозныхъ и земляныхъ червей и хлѣбъ. Одно вѣрное спасеніе отъ раковъ: полои и разливы прудовъ, гдѣ ихъ мало и гдѣ они не трогаютъ никакой насадки, вѣроятно отъ того, что не ползаютъ по тинѣ. Впрочемъ, не вездѣ они нападаютъ на удочки. Мнѣ случалось удить во многихъ рѣкахъ, въ которыхъ водились раки, и никогда ни одинъ изъ нихъ не трогалъ моихъ удочекъ. — Ихъ ловятъ кругами и рачнями. Первое есть ничто иное, какъ обручь деревянный или желѣзный, подшитый сѣтью; на серединѣ его прикрѣпляется камень для тяжести, и кусокъ мяса, рыбы или хлѣба: первыя — чѣмъ вонючѣе, тѣмъ лучше. Такой кружокъ привязывается, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, тремя равной длины веревочками, которыя всѣ три опять привязываются къ довольно толстой веревкѣ (кружокъ имѣетъ видъ привѣшенной къ потолку люстры); длина этой веревки зависитъ отъ глубины воды; она въ свою очередь опять прикрѣпляется къ длинной палкѣ. Нѣсколько такихъ раколовныхъ снастей закидываются по мѣстамъ глубокимъ, тихимъ и крутоберегимъ, поближе къ берегу, гдѣ всегда бываетъ множество рачьихъ норъ; черезъ полчаса на каждомъ кружкѣ будутъ сидѣть и кушать по нѣскольку

раковъ: остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство, такъ называемой въ Оренбургской губерніи, *рачни* точно такое же, какъ и кружка, съ тою разницею, что вмѣсто обруча и сѣтки употребляются старыя лапти (осметки): это простѣе и удобнѣе. Такихъ раченъ легко надѣлать десятка три. Внутри каждаго лаптя (съ привязаннымъ къ нему камнемъ или набитаго глиной для скорѣйшаго погруженія), должно прикрѣпить лычкомъ кусокъ какого-нибудь мяса, рыбы, если случится, а если нѣтъ ни того, ни другаго, то корку хлѣба; рачни раскидать по рѣкѣ, саженяхъ въ пяти одна отъ другой. Когда раколовъ закинетъ послѣднюю рачню, то возвращается къ первой, и черезъ полчаса начинаетъ вынимать рачни попорядку; на каждой будетъ сидѣть по два и по три рака; вынимать надобно осторожно и тихо до поверхности воды, и потомъ проворно выкинуть на берегъ. Въ рѣкахъ изобильныхъ раками, въ нѣсколько часовъ можно такимъ образомъ поймать не одну сотню раковъ.

Въ рѣкахъ очень быстрыхъ, или мелкихъ, такой способъ неудобенъ и потому ловятъ раковъ руками, отыскивая ихъ въ норахъ, подъ корягами и камнями.

Въ тинистыхъ прудахъ и озерахъ, раки живутъ не въ норахъ (потому что для устройства норъ требуется жесткій грунтъ), а въ тинѣ; на круги и рачни они нейдутъ, и потому ловить ихъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ частымъ бредешкомъ или недоткой, вытаскивая на берегъ какъ можно болѣе тины, а вмѣстѣ съ ней—и раковъ.

Ночью раки ползаютъ по отмелямъ около самыхъ береговъ, влезаютъ и на берегъ (вѣроятно, отыскивая

корму). Ходя по такимъ мѣстамъ съ горящей лучиной, ловятъ раковъ руками.

Наконецъ есть еще способъ, и довольно забавный, доставать раковъ; но для этого необходимо, чтобъ вода была очень прозрачна. Надобно взять довольно длинную, не сухую палку, разщепить ее съ одного конца и вставить въ разщепъ клинушекъ, чтобъ края палки не сходились вершка на полтора. Запасшись такимъ орудіемъ, надобно выбрать мѣсто умѣренно-глубокое, гдѣ водится болѣе раковъ, и у самаго берега бросить на дно какого-нибудь мяса, кишки, требуху или хоть умятаго хлѣба; раки сейчасъ поползутъ къ корму со всѣхъ сторонъ; тогда разщепленную палку бережно погрузить въ воду, и наводя тихонько на рака, какъ можно къ нему ближе, вдругъ воткнуть развилки въ дно: ракъ попадетъ между ними и увязнетъ вверху разщепа. Кажется штука простая, а надобно очень примѣниться, и сначала промаховъ будетъ множество. Если раковъ въ рѣкѣ много, то и этимъ способомъ можно наловить ихъ довольно.

Въ іюнѣ и въ іюлѣ раки линяютъ и сидятъ больные въ норахъ, а рачихи также въ норахъ высиживаютъ икру: и тѣхъ и другихъ необходимо доставать руками. Рачихи линяютъ позднѣе раковъ. Желая поймать линючаго рака, некрупные налимы забиваются въ ихъ норы, и деревенскіе мальчики, доставая раковъ, не рѣдко ловятъ налимовъ руками.

Крючки и Жерлицы.

Ставленье крючковъ и жерлицъ, о которомъ я упоминалъ не одинъ разъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ. Большаго сорта *крючки*, и даже средніе, на толстыхъ лесахъ, или крѣпкихъ шнуркахъ съ грузиломъ, если вода быстра,—насаживаются рыбкою, опускаются на дно рѣки, пруда или озера, предпочтительно возлѣ берега, около корней и карягъ, и привязываются къ воткнутому въ берегъ колу, удилищу или кусту. Рыба на крючки попадается ночью; ихъ начинаютъ ставить осенью, когда сдѣлается холодно и пойдутъ морозы; эту ловлю продолжаютъ во всю зиму на такихъ рѣкахъ, которыя не мерзнутъ, или покрываются тонкимъ льдомъ *). Попадаются налимы, головли, судаки и щуки. Для предосторожности не худо употреблять крючки съ поводками изъ проволоки или струны, безъ чего щука непремѣнно перегрызетъ и самый толстый шнурокъ: ибо она, хотя рѣдко, беретъ и на крючокъ со дна. — Жерлицы ставятся для однѣхъ только щукъ. Это тотъ же крючокъ, только рыбку надобно насаживать живую въ спинку (наилучшій способъ

*) Про зимнюю ловлю на крючки я только слыхалъ; но мои попытки были всегда неудачны. Самый лучшій ловъ около 1-го октября, если есть морозы, а если нѣтъ, то позднѣе.

насадки: животку пришивать бокомъ къ крючку) и пускать ее не глубже, какъ на одинъ аршинъ, для чего длинная бичевка, или шнурокъ, всегда съ металлическимъ поводкомъ, наматывается на рогульку и ущемляется въ нарочно сдѣланный расколъ одного изъ ея рожковъ; сама же рогулька коротко и крѣпко привязывается къ длинному рычагу, который другимъ заостреннымъ концомъ своимъ втыкается въ наклоненномъ положеніи въ берегъ, или неглубокое дно; на крупныхъ щукъ обыкновенно насаживаютъ окуней, и не маленькихъ. Щука, проглотивъ насадку, размотаетъ шнурокъ съ рогульки во всю его длину, и, если хорошо забрала, будетъ ходить цѣлый день и ни за что не сорвется. Жерлицы ставятся преимущественно въ прудахъ и озерахъ, въ мелкихъ мѣстахъ около травъ и камышей. Для ставленья и выниманья жерлицъ нужна лодка, потому что всего лучше ставить ихъ въ разливахъ прудовъ. Щуки попадаютъ и днемъ, но чаще ночью. Для большихъ щукъ обыкновенные крупные крючки не годятся, потому что слишкомъ тонки и малы. Огромная щука такъ сильна и станетъ такъ кидаться и метаться, что крючокъ, хотя бы задѣлъ за ея желудокъ, называемый рыбаками *кутырь*, непремѣнно прорветъ его и выскочитъ вонъ. Для этой ловли приготовляются особенные толстые крючки, и они-то называются жерлицами. Мнѣ не одинъ разъ случалось вынимать щукъ съ вывороченнымъ, какъ чулокъ, кутыремъ, то-есть, желудкомъ, а щуки были еще живы и бойко ходили. На такія жерлицы попадаются и огромные окуни, даже изрѣдка налимы (разумѣется, въ глубокую осень), если шнурокъ размотается съ рогульки и насадка опу-

стится на дно или прислонится въ водѣ къ берегу: ибо налимъ на вѣсу ни подъ какимъ видомъ не беретъ. Лучшее время для ловли щукъ на жерлицы — конецъ лѣта и первая половина осени: весною и въ позднюю осень онѣ берутъ мало. Двойныя жерлицы, то есть, съ двумя крючками, по моимъ опытамъ, всегда оказывались неудобными.

Я небольшой охотникъ до жерлицъ: стòитъ ли заниматься однѣми щуками, когда и безъ нихъ всякая рыба беретъ на удочку? Но ставленье крючковъ осенью на налимовъ — очень любилъ и теперь люблю, и потому поговорю подробнѣе объ этой ловлѣ. Кромѣ того, что налимъ драгоцѣнная по вкусу рыба, и что ее въ это время года ничѣмъ другимъ не достанешь, ставленье крючковъ потому пріятно, что начинается тогда, когда прекращается уженье; замѣняя его нѣкоторымъ образомъ, оно можетъ служить единственной отрадой страстному рыбаку, огорченному лишеньемъ любимой забавы на цѣлое полгода! Крючки имѣютъ значительную выгоду въ томъ что ихъ можно ставить скрытно, такъ что никто, кромѣ хозяина, не увидитъ и не найдетъ ихъ; а это обстоятельство очень важно, если ловля производится на бойкихъ мѣстахъ, гдѣ много шатается народа: рѣдко кто не полюбопытствуетъ посмотрѣть поставленную снасть, если ее увидитъ; а много найдется и такихъ людей, которые будутъ нарочно приходить и вынимать вашу добычу. Да и посмотрѣвшій изъ одного любопытства, ужъ непремѣнно закинетъ крючокъ дурно: не туда и не такъ, какъ надобно; если же насаженная рыбка подбилась, какъ-нибудь, подъ берегъ, зашла за пенекъ, или задѣла за корягу, то, вынимая ее

безъ всякой осторожности, незваный гость навѣрное задѣнетъ, стащитъ насадку на бокъ или оторветъ совсѣмъ. Для избѣжанья такихъ помѣхъ, можно привязывать шнурокъ къ колышку (который втыкается плотно въ дно рѣки у берега и покрытъ водою на четверть и болѣе), даже къ карягѣ или къ таловому пруту: тальникъ часто ростетъ надъ водою и очень крѣпокъ. Это можно такъ хитро устроить, что воръ, знающій навѣрное, гдѣ поставлены крючки — не найдетъ ихъ. Въ мѣстахъ, безопасныхъ отъ посѣтителей, можно ставить крючки на удилищахъ и съ наплавками; послѣднее пріятно потому, что, подходя, рыбакъ издали уже видитъ: взяла на крючокъ рыба или нѣтъ, и куда затащило наплавокъ, а также и потому, что на удилищѣ веселѣе поводить и вытащить рыбу. Ставить надобно не на глубокихъ, а около глубокихъ мѣстъ; также около карягъ, корней и крутыхъ береговъ, на крѣпяхъ, какъ говорятъ рыбаки. Впрочемъ, иногда налимы берутъ на срединѣ рѣки, на чистомъ и гладкомъ днѣ, а потому надобно ставить разными манерами. Для насадки можно употреблять всякую мелкую рыбу, кромѣ ершей, окуней и щурятъ: живую или снулую — для налима это все равно; я даже считаю, что снулая лучше: живая можетъ спрятаться подъ траву и забиться подъ каряги, такъ что налимъ ее не увидитъ. Я предпочитаю плотичку, за ея бѣлизну, всѣмъ другимъ насадкамъ; но рыбаки считаютъ, что всего лучше небольшіе карасики, увѣряя, что они мягче и слаще другой рыбы и *живущи;* послѣднее совершенно справедливо, но по моему замѣчанію, налимы и другія хищныя рыбы берутъ на нихъ не такъ охотно. Можно насаживать на крючки куски

мяса, облупленныхъ до половины раковъ и небольшихъ лягушекъ: гдѣ много налимовъ, тамъ берутъ они на все. Всякимъ насадкамъ всего вреднѣе живые раки; гдѣ ловятся они во множествѣ, тамъ очень мѣшаютъ этой ловлѣ: объѣдаютъ насадку и затаскиваютъ въ нору крючокъ, откуда его не скоро вытащишь. Раки нападаютъ на свою добычу болѣе днемъ, и потому на день крючки надо вынимать очень рано по утру и ставить какъ можно позднѣе вечеромъ. Крючки нужны не столько большіе, сколько толстые: ибо гдѣ водятся огромные налимы, тамъ можетъ ввалиться иной въ полпуда; онъ замотаетъ *бичевку* или шнурокъ, разумѣется крѣпкій, за карягу и такъ сильно рвется, что иногда выворачиваетъ кутырь такъ же, какъ щука, и потому тонкій крючокъ можетъ прорвать желудокъ.

Блесна.

Ближе всѣхъ подходитъ къ обыкновенному уженью *блесна*. Если хотите — это настоящее уженье, съ тою разницею, что рука охотника, въ которой онъ держитъ лесу блесны, служитъ вмѣсто удилища; впрочемъ я не знаю, почему не употреблять коротенькаго удилища? Имъ также ловко будетъ подергивать и потряхивать насадку. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: на обыкновенную лесу прикрѣпляется металлическая, блестящая рыбка, у которой съ боку припаянъ крючокъ (иногда по крючку съ обѣихъ сторонъ); иногда крючокъ торчитъ изъ рта искусственной рыбки; рыбакъ садится въ лодку и, пуская ее вдоль по теченію рѣки, бросаетъ одну, или двѣ блесны, на которыхъ искусственныя рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватаютъ съ розмаху, плывущихъ за лодкою, искусственныхъ рыбокъ и попадаются на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода дѣлается чиста. Я никогда не уживалъ на блесну; но видалъ, какъ удятъ другіе. Я встрѣчалъ страстныхъ охотниковъ до этой ловли, но мнѣ она никогда не нравилась; можетъ быть потому, что я не охотникъ до уженья съ лодки, плывущей по глубокимъ

мѣстамъ.... надо признаться: я люблю твердую землю, берегъ, а жидкаго пути — боюсь.

Впрочемъ, можно ловить блесной или *блеснить,* какъ говорятъ охотники, зимой въ прорубяхъ, а осенью съ берега на мѣстахъ глубокихъ, у самаго берега, при чемъ необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтобъ искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую. Блеснить съ берега и въ проруби не такъ удобно; что же касается до уженья зимой, то въ зимнюю стужу у меня пропадаетъ охота удить.

Ходъ рыбы
ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ ВОДЫ.

Статья К. Ф. Рулье *).

Или нѣтъ инстинкта, или въ немъ есть смыслъ.

Авторъ *«Записокъ объ уженьѣ рыбы»*, говоря вообще о рыбахъ, на стр. 137, рисуетъ прекрасную картину одного изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ образѣ жизни рыбъ — ихъ хода въ опредѣленное время противъ тече-

*) Считаемъ обязанностію указать на тѣ источники, которыми мы пользовались въ замѣткахъ нашихъ, приложенныхъ къ частному описанію рыбъ настоящаго сочиненія: это не только обязанность и благодарность, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ читателю порукою того, какую степень довѣрія онъ можетъ имѣть къ этимъ примѣчаніямъ. Они касаются научнаго систематическаго опредѣленія и народныхъ названій, подъ которыми одна и таже рыба извѣстна въ разныхъ губерніяхъ. И то и другое заимствовано у спеціалистовъ своего дѣла, разумѣется, во первыхъ, у вѣчно новаго и доселѣ еще мало оцѣненнаго, Палласа (его Zoographia Rosso-Asiatica vol III). Потомъ у Профессора Черная (Фауна Харьковскаго Учебнаго Округа), у Проф. Кесслера (Естественная Исторія Кіевскаго Учебнаго Округа, выпускъ 6, 1836), у Д. С. Тарачкова, преподавателя въ Орловскомъ Бахтинскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (въ собственноручныхъ запискахъ и рисункахъ). — Политипажи приготовлены художникомъ Рихау по рисункамъ, дѣланнымъ съ натуры большею частію Проф. Казанскаго Университета Н. П. Вагнеромъ, которому особенно благодарны за изображеніе пеструшки,

нія воды. Стремленіе это даже у рыбъ нашей полосы бываетъ такъ сильно, что превышаетъ всякое вѣроятіе: преодолѣвая возможныя препятствія весьма часто съ опасностью жизни, рыба съ устья рѣки идетъ въ верхніе ключи ея, любящая глубь уходитъ на поля, гдѣ въ другое время коситъ косарь; нѣтъ силъ остановить, нѣтъ и видимой причины, вызывающей явленіе: рѣка въ половодье повсюду одинаково холодна и мутна, и казалось бы всѣ мѣста на этой рѣкѣ равно привольны, и конечно всего менѣе именно тѣ, куда заходитъ рыба противъ обыкновенія, гдѣ становится не только легкою добычею хищника и человѣка, но весьма часто и безъ того умираетъ сама по себѣ.

Въ какой связи находится это явленіе съ организаціею и жизнію рыбы? Что вызываетъ его, какое приволье доставляетъ оно самой рыбѣ? На эти вопросы желаемъ обратить вниманіе человѣка, отыскивающаго смыслъ съ видимыхъ явленіяхъ.

По счастію въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ капитальный трудъ глубоко уважаемаго Академика Бера *); собрано также нѣсколько фактовъ при опытахъ искусственнаго рыбоводства **).

Начнемъ съ замѣчанія, что упоминаемое явленіе не есть исключительная принадлежность одной какой либо полосы или только прѣсноводныхъ рыбъ; напротивъ оно

одного изъ четырехъ видовъ форели, упоминаемыхъ авторомъ, и въ Москвѣ вовсе неизвѣстныхъ. Нѣкоторые рисунки сдѣланы г. Тарачковымъ.

*) О чемъ смотри довольно пространную статью С. А. Усова, съ многими политипажами (*въ Вѣстникѣ Естеств. Наукъ*, 1856).

**) Bull. d. l'Acad. d. sc. d. S. Petersb. 1853, № 17, 18.

общее явленіе, и съ особенною силою отражается на морскихъ рыбахъ, идущихъ въ опредѣленное время въ прѣсныя воды. Всѣмъ извѣстенъ ходъ красной рыбы изъ Каспія, величайшаго материковаго озера, въ изливающіяся въ него съ сѣвера рѣки; съ нимъ тѣсно связанъ бытъ Уральскихъ казаковъ и чрезъ нихъ общее продовольствіе красною рыбою въ Россіи; но въ сѣверныхъ странахъ и рѣкахъ Россіи — вотъ гдѣ останавливались въ изумленіи передъ этимъ явленіемъ. Всѣ путешественники упоминаютъ о томъ, что для метанія икры рыба идетъ изъ Сѣвернаго, Камчатскаго и Охотскаго морей въ рѣки въ такой массѣ, что, буквально не только наполняетъ собою рѣку, но, не умѣщаясь въ ней, ложится пластами на берега, и не только служитъ достаточнымъ продовольствіемъ, притекающимъ сюда инородцамъ на полгода ихъ жизни, но, упитавъ и летящаго и бѣгущаго хищника, нерѣдко еще гніеніемъ своимъ заражаетъ воздухъ на дальнія пространства; наступаетъ зима, прикроетъ снѣжнымъ саваномъ животныхъ, пластами лежащихъ на землѣ, и долженствующихъ плавать въ водѣ, сниметъ весеннее солнце зимній покровъ и вновь обнажатся рыбы, не ушедшія въ море — новая пища для хищника, новая пища для испареній. Таковы между прочимъ картины, упоминаемыя Палласомъ, Врангелемъ, Стеллеромъ, Крашенинниковымъ, Эрманомъ и другими.

Очевидно съ этимъ ходомъ тѣсно связана жизнь особи плывущей, но столь же тѣсно связано съ нимъ и размноженіе ея — ея *нерестъ* *).

*) Авторъ „Записокъ“ употребляетъ другіе термины, которые извѣстны и въ Москвѣ. Обращаемъ вниманіе на выраженіе нерестъ—и глаголъ нереститься.

Вообще замѣчено, что рыба мечетъ икру въ мѣстахъ менѣе глубокихъ, нежели тѣ, въ которыхъ обыкновенно держалась: ни одна рыба для того не уходитъ изъ мелкихъ мѣстъ въ глубь. Извѣстно также и другое общее правило, — что рыба кладетъ яица въ мѣстахъ, гдѣ теченіе воды гораздо сильнѣе, нежели въ мѣстахъ ея обыкновеннаго пребыванія. Оба эти явленія получили только недавно смыслъ, когда обратили вниманіе на то, что яица рыбъ вообще чрезвычайно медленно развиваются (въ 6 недѣль родится щенокъ на свѣтъ, а это время иногда едва достаточно для того, чтобы выклюнулся зародышъ изъ яйца рыбъ), и на зависимость быстроты развитія яйца отъ температуры, такъ что, смотря по ея различію, одно и то же яйцо можетъ развиться нѣсколькими недѣлями раньше и позже *)! Много также объяснили и наблюденія надъ весьма сильнымъ дыханіемъ яицъ рыбы. Извѣстно, что всѣ животныя дышатъ, что, извергая нѣкоторые газы, они потребляютъ изъ воздуха кислотворъ; дышатъ и животныя и ихъ яица (если куриное яйцо покрыть непроходимымъ для воздуха лакомъ, оно не развивается), но дышатъ они въ различной степени — клеёкъ лягушекъ нуждается въ немъ мало, яйцо рыбъ

Въ первый разъ мы его встрѣтили у Пр. Кесслера, какъ терминъ, употребляемый въ Малороссіи, потомъ у г. Малышева (Запис. Вольн. Эк. Общ. 1856 № 29), какъ выраженіе на Уралѣ извѣстное; въ Областномъ Академическомъ словарѣ указаны слѣдующія выраженія: *нàрость* (течка животныхъ, Псков. губ.), *наростоваться* (о рыбахъ метать икру, Тверской губ.); въ Москвѣ *наростаться* и *роститься* (о курахъ); *растъ* въ Оренб. г. (Зап. Оренб. руж. охот.) о ягодахъ.

*) См. опыты Катрефажа и наблюденія, приводимыя въ книгѣ „Die künstliche Fischerzeugung nach den Erfahrungn der Fischzuchtanstalt des Central-Comité. Von D. Fraas. München. 1854.“

чрезвычайно сильно. Потому-то чѣмъ болѣе или слизи, или постороннихъ веществъ лежитъ на этихъ яицахъ, тѣмъ болѣе дыханіе затруднено. У большей части рыбъ зрѣлыя яица или лежатъ совершенно раздѣльно, или весьма малыми комочками; изъ рѣчныхъ рыбъ у одного окуня 3—4 яичка лежатъ тесьмою и, сплачиваясь со многими другими образуютъ родъ ткани, которая, повисая на прибрежныхъ травушкахъ, омывается, протекающею водою, постоянно приносящею новый, свѣжій воздухъ и слѣдовательно новую пищу *) для дыханія. То же происходитъ и съ яицами, которыя посредствомъ слизи комочками или чаще раздѣльно пристаютъ къ подводнымъ прибрежнымъ тѣламъ, къ песчаному грунту и проч. Вотъ значеніе слизи, покрывающей раздѣльное яйцо, приставанія его къ тѣламъ подводнымъ, протекающей стремительно волны воды и песчанаго ложа — всѣ они вмѣстѣ способствуютъ дыханію яйца: въ тинистыхъ водахъ мечетъ только та рыба, которая живетъ въ ней, и которая извѣстна своею живучестію, медленнымъ дыханіемъ своимъ, какъ напр. карпія, линь, особенно карась. Искусственное рыбоводство показало, что главнѣвнѣйшее условіе при развитіи искусственно оплодотворенныхъ яицъ есть извѣстная степень быстроты омывающей воды; нѣтъ примѣра чтобы излишняя быстрота вредила развитію, что постоянно дѣлаетъ недостатокъ ея; рыбы тинистыя требуютъ для развитія своего извѣстнаго теченія и не умираютъ отъ слишкомъ сильнаго: карась,

*) Извѣстно, что рыба дышетъ тѣмъ кислотворомъ, который какъ часть атмосфернаго воздуха, примѣшанъ механически къ водѣ, а не тѣмъ, который входитъ въ химическій составъ ея.

какъ говоритъ авторъ „*Записокъ*“, живетъ и въ стоячей водѣ и текучей, даже родниковой (стр. 147), а карпія въ сильной и быстрой рѣкѣ становится сазаномъ, т. е. изъ рыбы въ нѣсколько вершковъ становится рыбою гораздо большею (стр. 217).

Есть и другая существенная потребность омыванія лицъ водою — то смываніе съ нихъ всего посторонняго къ нимъ пристающаго, на нихъ развивающагося и ихъ окончательно истощающаго, т. е. плесени, гриба *), и нисшихъ клѣтчатыхъ растеній, дрожалокъ **); эти микроскопическія растенія развиваются и размножаются посредствомъ мельчайшихъ клѣточекъ, только въ совершенно покойной водѣ, и какъ внѣшніе паразиты, или тунеядцы, какъ грибы на деревѣ, какъ мюскардинъ на шелковичномъ червѣ, окончательно истрачиваютъ организмъ въ нѣсколько разъ ихъ большій.

Итакъ, и для того, чтобы рыба могла жить, и для того чтобы она могла отложить яйцо, и для того, чтобы то яйцо могло развиться и молодая рыбешка, выклюнувшись, пользоваться солнечнымъ пригрѣвомъ, на мелководномъ мѣстѣ, — для всего того нужно, чтобы рыба въ извѣстное время шла противъ теченія воды, туда гдѣ ей самой, можетъ придется сложить кости свои, но гдѣ потомству пріютъ. Прожила рыба, потѣшилась временнымъ привольемъ и можетъ поплатиться за него, если нужно, жизнію; назначеніе особи выполнено, потомство обезпечено, колесо пущено въ ходъ и будетъ катиться пока

*) Septomitus clavatus.

**) Synedra angustata, S. palea, S. acicularis, S. parvula, S. Vaucheriae Meredion circulare.

рыба будетъ идти противъ теченія въ опредѣленное время.

И пойдетъ она; ея ходомъ управляетъ не прихоть или произволъ, и не безсмысленный инстинктъ, а то, чему нѣтъ исключеній, чему нѣтъ случая, что всѣмъ управляетъ въ животномъ царствѣ — повиновеніе законамъ текущей необходимости.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ управляться такое непреодолимое стремленіе хода помимо видимыхъ опасностей? Расчетомъ на свое приволье и на приволье потомства? — пришлось бы допустить въ рыбахъ расчета больше, нежели въ существахъ, съ которыми мы и не смѣемъ даже ихъ сравнивать. Повиновеніемъ слѣпому инстинкту? —пришлось бы употреблять слова безъ смысла, или отыскивать его тамъ, гдѣ его не содержится. Что нибудь одно: или нѣтъ инстинкта, или есть смыслъ въ немъ *). Ежели есть, такъ поищемъ: не найдемъ ли указаній на него.

Конечно, отыскивать причины этого существеннаго явленія должно или въ той средѣ, въ которой живетъ рыба, или въ самой рыбѣ, или въ той и другой вмѣстѣ. Эти условія должны непремѣнно вліять на тѣ отношенія, на тѣ явленія взаимнаго общенія, въ которыхъ находится среда къ рыбѣ и обратно. Главнѣйшее явленіе ихъ взаимнаго общенія есть конечно дыханіе. Итакъ, во время хода рыбы противъ теченія нѣтъ-ли въ водѣ и рыбѣ временныхъ измѣненій, а потому временныхъ потребностей для послѣдней, которыя могли бы вызвать ходъ рыбы?

„Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро

*) См. нашу статью: *Мыльный пузырь*, въ Вѣстникѣ Естеств. Наукъ, годъ 1856, № 1.

вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идетъ противъ воды,“ говоритъ авторъ Запис. объ Ужен. стр. 126. *Мутность воды*—вотъ временное измѣненіе въ половодье. Эта мутность, мѣшая необходимо удобному проницанію воздуха изъ воды въ жабры рыбы, наполняя тончайшія листочки ихъ посторонними тѣлами, необходимо затрудняетъ и дыханіе, которое совершается только при свободномъ движеніи жаберъ и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ вода чище и чѣмъ она омываетъ чаще жабры новою волной. Мутная вода тяжелѣ чистой и слѣдовательно тяжестію своею подавляетъ движеніе жаберъ. Затруднено дыханіе, и, чтобы не задохнуться, рыба чувствуетъ настоятельную необходимость идти противъ теченія, потому что тогда смѣняется чаще волною волна и, чего нѣтъ въ одной волнѣ относительно воздуха, то пополнится слѣдующею. Съ другой стороны, такъ какъ жаберные листы прикрѣплены къ дужкамъ переднимъ, а не заднимъ концомъ, то опять-таки рыба обращается къ сильно текучей, тяжелой жидкости не заднимъ, а переднимъ концомъ жаберъ, т. е. ртомъ, которымъ она и кромѣ того можетъ удобнѣе избѣгать крупныхъ постороннихъ тѣлъ, несомыхъ рѣкою. Пойди рыба по теченію, т. е. обратись она противъ теченія жаберною щелью, свободный задній конецъ жаберъ легко можетъ подавиться и отворотиться къ пасти сильнотекучею, тяжелою водою. Есть, кажется, и второстепенныя причины, какова напр. та, что въ сильнотекучей тяжелой водѣ всѣ движенія рыбы, идущей по теченію воды, были бы парализованы: легче тѣлу свободно плавающему удержаться, идя противъ теченія, не-

жели по теченію — по крайней мѣрѣ опытно извѣстно, что на перелетахъ своихъ, птицы, быстро летающія, летятъ противъ вѣтра (только тяжело летающія иногда по вѣтру), и рѣчной пароходъ, эта могучая и быстрая рыба, всего охотнѣе идетъ на перерѣзъ теченію, подъ угломъ къ нему, а ежели захочетъ остановиться въ опредѣленномъ мѣстѣ, то непремѣнно спустится ниже его, и пойдетъ противъ теченія. Тоже каждому изъ насъ случалось видѣть при переправѣ въ лодкѣ черезъ рѣку.

Вотъ причины со стороны воды; есть также причины въ самой рыбѣ, вызывающія потребность хода противъ теченія. Онѣ необходимо одного характера съ предъидущими, т. е. такія, которыя въ рыбѣ временно затрудняютъ дыханіе ея; таково именно время образованія, накопленія и окончательнаго выростанія икры въ самкѣ и молокъ въ самцахъ. Будучи въ обыкновенное время, не въ *ярину* *), мало замѣтны, молоки и особенно икра до того разростаются, что занимаютъ бо́льшую долю брюшной полости, подступая переднимъ концомъ подъ самое горло: рыба дѣйствительно дѣлается *чреватою*, и, давя временною тяжестію на брюшные сосуды и воздушный пузырь, она тѣмъ вдвойнѣ и сильно затрудняетъ свое дыханіе; одно затрудненіе должно окупиться выгодою съ другой стороны — и вотъ чреватая рыба идетъ противъ воды, и конечно всего стремительнѣе самка, и только за нею ярующій самецъ. Можетъ быть, и вещества, отлагаемыя изъ крови для образованія икры и

*) Позволяемъ себѣ употребить этотъ терминъ и о рыбахъ, хотя онъ употребляется въ народѣ только о пчелахъ: это время *течки* для однихъ животныхъ, *токованья* для другихъ, *нереста, метанья икры* и *боя* для рыбы.

молокъ, требуютъ усиленнаго окисленія тѣлесныхъ соковъ: это было бы новое химическое условіе потребности хода противъ теченія.

Какъ со стороны воды, такъ и со стороны рыбы есть второстепенныя условія, — это, кажется, облегченіе изверженія икры и молокъ при усиленномъ дыханіи и давленіи воды на внутренности, лежащія въ передней части груди: извѣстно по крайней мѣрѣ, что животныя и человѣкъ для облегченія и для совершенія усиленнаго механическаго труда стараются сильнѣе вдохнуть и удержать въ себѣ на время воздухъ. Можетъ быть также, треніе брюшкомъ по хрящеватому дну, по твердому берегу, облегчаетъ выметку икры и молокъ: въ искусственномъ оплодотвореніи икры, такое постепенное поглаживаніе отъ горла къ хвосту по животику рукою употребляется съ полнымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что есть рыбы, которыя и во время нереста идутъ противъ теченія только въ моменты самаго метанія икры; таковъ между прочимъ налимъ, о которомъ авторъ говоритъ (стр. 302 и слѣд.), что онъ мечетъ икру зимою, около Святокъ, особенно въ сильные морозы, выходитъ изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держался цѣлый годъ, и идетъ *вверхъ по рѣкѣ* по самому дну, пріискивая жесткое, хрящеватое и даже каменистое дно, о которое трется для выкидыванія икры и молокъ. Въ это время легко ловить налимовъ въ морды, въ которыя вваливаются иногда рыбы такой огромной величины, что даже трудно понять, какъ онѣ могли пролѣзть въ узкое отверстіе (главная толщина налима въ брюхѣ и онъ покрытъ необыкновенною слизью). Тотъ, кто хо-

четъ ловить налимовъ, да помнитъ главное правило, что морды должно ставить отверстіемъ по теченію. Налимы всегда идутъ по ночамъ и днемъ никогда въ морды не попадаются.

Итакъ вотъ двѣ существенныя причины хода рыбы противъ теченія въ опредѣленное время; кто вспомнитъ, какъ животному мучительны опасенія задохнуться, кто вспомнитъ, на что отваживается утопающій человѣкъ и какъ не особенно сильнымъ арканомъ можно мгновенно усмирить необузданно ярящагося звѣря, тотъ пойметъ, съ какимъ стремленіемъ должна мчаться рыба въ данное время противъ теченія. На то достаточно и одной причины, со стороны ли воды, или рыбы; тамъ же, гдѣ соединятся двѣ причины, онѣ естественно дѣйствуютъ сильнѣе одной: вотъ почему щука, нерестящаяся въ половодье, обнаруживаетъ обыкновенно, въ нашей полосѣ по крайней мѣрѣ, самое сильное покушеніе течь къ верховью и закраинамъ водополья.

Остается одно—почему не всѣ рыбы одинаково стремительно, не въ одно время и не во всѣхъ мѣстностяхъ равно настойчиво идутъ противъ теченія. На все это отвѣты подготовлены предъидущимъ. Естесственно, что рыба, живущая въ холодной водѣ (поглощающей кислорода относительно больше, нежели теплая), а потому, нуждающаяся въ болѣе сильномъ дыханіи, и по вынутіи изъ воды почти мгновенно засыпающая (отчего и такъ быстро измѣняется вкусъ), каковы форель, кутема и вообще виды форелей (семги, Salmones вообще), обнаруживаетъ явленія описаннаго хода во всей красѣ *), и почему вообще

*) У нѣкоторыхъ къ этому времени шире разщепляется ротъ и отворачиваются кнаружи челюсти, очевидно отъ усилій шире раскрывать ротъ.

всѣ сѣверныя рыбы, между которыми на первомъ планѣ стоятъ различные виды семги, собратья по роду форели, были особенно наблюдаемы вышеупомянутыми лицами: Палласомъ, Беромъ и пр. Понятно также, что явленія хода тѣмъ будутъ рѣзче, чѣмъ весна, лѣто и т. д. развиваются дружнѣе, и, слѣдовательно, вызываютъ таковое же развитіе икры и молокъ въ рыбахъ. Вотъ, наконецъ, почему крайне развитыя явленія хода противъ теченія суть существенная печать полярныхъ странъ: клеймо ихъ — дружное развитіе временъ года и ростъ органическихъ тѣлъ, какъ сказочныхъ богатырей не по днямъ, а по часамъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ. *).

ПОЛАЯ ВОДА
и
ЛОВЛЯ РЫБЫ ВЪ ВОДОПОЛЬЕ.

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа — смотрѣть на разливъ полой воды. „Рѣка тронулась“... передается изъ устъ въ уста, и все село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода, — и долго, долго стоятъ пестрыя, кое-какъ одѣтыя толпы, смотрятъ, любуются, сопровождая каждое движеніе льда своими предположеніями или веселыми возгласами. Даже въ городахъ, напримѣръ въ Москвѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всѣ ея берега и мосты бываютъ усыпаны народомъ; одни смѣняются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перилы мостовъ, черезъ рѣшетки набережной, глядятъ — не наглядятся на свою пополнѣвшую Москву-

*) Въ составъ этого прибавленія вошли всѣ тѣ статьи и замѣтки, касающіяся ловли рыбъ и о рыбахъ, которыя помѣщены были авторомъ въ его книгѣ: „Разсказы и воспоминанія охотника,“ имѣвшей два изданія: въ 1855 и въ 1856 годахъ.

рѣку, которая въ водополь дѣйствительно похожа на порядочную рѣку. Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ въ это время года, не только величественное, но странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ-будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованье, и вдругъ — широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства — пошевелилась, откололась и пошла.... пошла со всѣмъ, что̀ на ней находилось въ то время, съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вехами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрыпомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на-дыбы, какъ-будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ: рѣка прошла!... Освобожденная изъ полугодоваго плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ. Такое зрѣлище представляетъ рѣка большая; но мелкія рѣки, очищаясь отъ льда исподволь, *проходятъ* незамѣтно; только въ полномъ своемъ разливѣ, обогащенныя водою сосѣднихъ овраговъ и лѣсовъ, затопивъ низменныя окрестности, образовавъ острова и протоки

тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало, — веселятъ онѣ нѣсколько времени взоры деревенскихъ жителей. За то мельничные проточные пруды и спускъ полой воды въ вешняки, представляя искусственные водопады, вознаграждаютъ быстротой, шумомъ и пѣной падающихъ водъ, скудность ихъ объема.

Вскрытіе рѣки, разливъ воды, спускъ пруда, заимка — это событія въ деревенской жизни, о которыхъ не имѣютъ понятія городскіе жители. Въ столицахъ, гдѣ ледъ на улицахъ еще въ мартѣ сколотъ и свезенъ, мостовые высохли и облака пыли, при нѣсколькихъ градусахъ мороза, отвратительно носятся сѣвернымъ вѣтромъ, — многіе узнаютъ загородную весну только потому, что въ клубахъ появятся за обѣдомъ сморчки, которыхъ еще не умудрились выращивать въ теплицахъ.... но это статья особая, и до насъ не касается.

Въ продолженіе водополья, рыболовство, по небольшимъ рѣкамъ, производится особеннымъ образомъ, о которомъ я и намѣренъ говорить. Какъ скоро рѣка прошла, но еще не выступала изъ береговъ, сейчасъ начинается *первая* ловля рыбы „наметкой", которая есть ничто иное, какъ всѣмъ извѣстный, глубокій сакъ съ мотней, то-есть мѣшокъ, похожій на вытянутый колпакъ изъ частой сѣтки, но некруглый, и пришитый къ деревянной, трехъ-угольной рамѣ, крѣпко утвержденной на длинномъ шестѣ. Извѣстно, что во время прибывающей полой воды, рыба идетъ въ верхъ. Покуда рѣка не разлилась — она держится около береговъ, а когда вода разольется по поймамъ — рыба также разбредется по полоямъ. И такъ, береговой ловъ наметкою,

продолжается весною, только до тѣхъ поръ, покуда рѣка не вышла изъ береговъ, и повторяется тогда, когда начнетъ вода вбираться въ берега. Этотъ ловъ повторяется всякой разъ, когда рѣка отъ проливныхъ дождей прибудетъ и сравняется съ берегами; чѣмъ мутнѣе, грязнѣе вода, тѣмъ лучше. Наметки бываютъ *одиночныя* (поменьше) и *двойныя* (побольше); съ одиночною можетъ управлятся одинъ сильный человѣкъ. а съ двойною — непремѣнно двое. Быстрое теченіе затрудняетъ ходъ рыбы, сноситъ ее внизъ а потому она жмется предпочтительно къ тѣмъ мѣстамъ берега, гдѣ вода идетъ тише: на этомъ основанъ ловъ наметкой. Рыбакъ стоя, наберегу, закидываетъ наметку) сѣтка которой сейчасъ надувается водою) какъ можно дальше, опускаетъ бережно на дно, легонько подводитъ къ берегу, и прижимая къ нему плотно, но не задѣвая за неровности, вытаскиваетъ наметку отвѣсно, противъ себя, перехватывая шестъ обѣими руками чѣмъ ближе къ сѣткѣ, тѣмъ проворнѣе. Очевидно, что тутъ, кромѣ ловкости, надо много силы: быстрое теченіе сноситъ наметку внизъ, для чего иногда нужно конецъ шеста положить на плечо, чтобъ на упорѣ легче было прямо погрузить наметку въ воду: ибо наметка должна идти прямо поперекъ рѣки и разомъ всѣми тремя сторонами рамы прикоснуться къ стѣнамъ берега, чтобъ захватить стоящую возлѣ него рыбу. Если какъ-нибудь теченіе воды наметку заворотитъ и она бокомъ или краемъ ударится въ берегъ — рыба отъ берега бросится въ противную сторону, испугаетъ и увлечетъ за собою всю другую рыбу, около стоявшую, хотя бы она и не видала от-

чего происходитъ тревога, и, въ такомъ случаѣ, здѣсь поймать уже нельзя ничего. Мутность воды мѣшаетъ рыбѣ видѣть приближеніе рыболовной снасти, и наметка загребаетъ, такъ-сказать, въ свой кошель всякую рыбу, которая стояла у берега на этомъ мѣстѣ. Обыкновенно попадаются: щучки, окуни, ерши, плотва, по большой части мелкая; но иногда захватываются другія породы рыбъ довольно крупныя. Въ рѣкахъ и рѣчкахъ, изобильныхъ рыбою, крутоберегихъ, узкихъ, особенно въ верховьяхъ большихъ прудовъ, въ эту пору года, можно и наметкой наловить множество рыбы. Весело вытряхивать на снѣгъ или на оттаявшій берегъ тяжелую наметку, нагруженную въ мотнѣ рыбою, разнообразіе которой особенно пріятно. Тутъ и щука — голубое перо, и полосатый окунь, и пестрый ершъ, до того уродливо полный икрою, что точно брюшко и бока его набиты угловатыми камешками. Тутъ и многіе другіе золотистые, серебристые, проворные красивые, давно невиданные охотникомъ, жители водянаго царства!

Но вотъ лѣтняя теплая туча засинѣла на югозападномъ краѣ горизонта, брызнули дождевыя капли.... громъ.... и полился дождь.... Пора обмыть землю, выходящую изъ-подъ снѣга, опутанную тенетниками или паутинами, пора растопить и согнать послѣдніе, снѣжные, обледенѣлые сугробы! Тронулись большіе овраги, подошла лѣсная вода, бѣгутъ потоки, журчатъ ручьи со всѣхъ сторонъ въ рѣку, и — рѣка выходитъ изъ береговъ, затопляетъ низменныя мѣста, и рыба, оставляя безполезные берега, бросается въ полои. Наметка уже не годится: пришла пора употреблять другія рыболов-

ныя снасти. Эти снасти: *морды*, или верши, вятели *), хвостуши. Морда (нѐротъ или наротъ — по-московски, или верша — по-тульски), есть ничто иное, какъ плетеный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый продолговатый мѣшокъ, или боченокъ, похожій фигурою на растопыренный колпакъ; задняя часъ его кругловата и крѣпко связана, къ самому хвосту прикрѣпленъ камень а передняя раскрыта широко, четвероугольною квадратною рамою, въ аршинъ и даже въ аршинъ съ четвертью въ квадратѣ **) Внутри этой отверзтой стороны, выплетено, изъ прутьевъ же, горло въ видѣ воронки, для того чтобы рыбѣ войти было удобно, а назадъ выйти нельзя.

Для ставленья мордъ въ полую воду приготовляются мѣста заранѣе, въ *межѐнь*, какъ говорится. Извѣстно, по какимъ низменностямъ будетъ разливаться вода, а потому на ложбинахъ, небольшихъ долочкахъ и въ неглубокихъ овражкахъ, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнемъ, шириною отъ одной сажени до двухъ и болѣе, смотря по мѣстности, поверхъ котораго и сквозь который вода проходитъ, но рыба, кромѣ малявки, то-есть самой мелкой, сквозь пройти не можетъ. Въ серединѣ этого плетня оставляются одни, иногда двое, воротъ или дверей (въ аршинъ или аршинъ съ четвертью шириною), въ которыя вставляются морды, прикрѣпленныя къ шестамъ; два хода, или отверзтія,

*) Или вентели, которые въ Можайскомъ уѣздѣ называются „жохами."

**) Около Москвы плетутъ нерота круглые, но это неудобно: они не плотно ложатся на дно и вставляются въ язы, и дыры надо затыкать *лапникомъ*, то-есть вѣтвями ели.

оставляются иногда для того, что-бы можно было ставить одну морду по теченію, а другую противъ теченія воды: рыба идетъ сначала вверхъ, а потомъ, дойдя до края разлива, возвращается назадъ и будетъ попадать въ морды въ обоихъ случаяхъ. Когда же вода пойдетъ на убыль, то всѣ морды и другія снасти въ этомъ родѣ, ставятся противъ ската воды, то-есть противъ теченія. Мѣста въ полояхъ между кустами, устья ручейковъ, суходоловъ и вообще всякое углубленіе земли, сравнительно съ прочею мѣстностью, считаются самыми выгодными мѣстами. Въ такія морды съ загородками попадаетъ всякая рыба безъ исключенія, не только крупная, но и мелкая, потому-что сквозь плетеный нѐротъ не можетъ пролѣзть и плотичка. Морды или нерòты ставятъ и безъ плетней, даже безъ шестовъ, на однихъ веревкахъ; но это уже не весенній ловъ.

Вятиль, вентель или крылена, какъ зовутъ его въ низовыхъ губерніяхъ, фигурою — совершенно длинная морда, только вмѣсто прутьевъ, на основаніи деревянныхъ обручей, обтянута частой сѣткой, и сверхъ того, по обоимъ бокамъ раскрытой передней части, имѣетъ крылья или стѣнки изъ такой же сѣтки, пришитыя концами къ кольямъ; задняя часть или хвостъ вятиля также привязанъ къ колу, и на этихъ-то трехъ главныхъ кольяхъ, втыкаемыхъ плотно въ землю, крылена растягивается во всю свою ширину и длину. Ее ставятъ по залитымъ водою мѣстамъ, предпочтительно тихимъ, имѣющимъ ровное дно. Названіе крылена очень выразительно, потому-что боковыя ея стѣнки изъ сѣти, замѣняющія плетень около морды, имѣютъ видъ растянутыхъ крыльевъ: общая

фигура снасти представляетъ разогнутую широко подкову. Крылены имѣютъ ту выгоду, что для нихъ не нужно приготовлять мѣстъ заранѣе, набивать колья и заплетать плетни, что ихъ можно ставить вездѣ и переносить съ мѣста на мѣсто всякій день: ибо если рыба въ продолженіе сутокъ не попадаетъ, то это значитъ, что тутъ нѣтъ ей хода; но за то на мѣстахъ, гдѣ вода течетъ глубоко и быстро, вятиль или крылену нельзя ставить, потому-что ее можетъ снести сильнымъ теченіемъ и можетъ прорвать если по водѣ плывутъ какія-нибудь коряги, большіе сучья, или вымытые изъ берега корни деревъ. Морду можно поставить на узкомъ и на довольно глубокомъ мѣстѣ (заранѣе приготовленномъ), потому-что рыба идетъ по дну; но крылена становится не глубже полутора аршина, а иногда и гораздо мельче, притомъ на мѣстахъ пологихъ и широкихъ, гдѣ бы могли растянуться ея крылья. И морду и крылену можно ставить съ лодки, хотя это и не такъ ловко; но русскіе люди не боятся простуды (за что не рѣдко дорого расплачиваются) и обыкновенно бродя въ водѣ, иногда по горло, становятъ свои рыболовныя снасти. Морда утверждена, то-есть: крѣпко привязана въ двухъ мѣстахъ снаружи къ шесту, который проходитъ по серединѣ отверзтой стороны, и будучи длиннѣе, вершка на три, нижняго края морды, плотно втыкаются въ дно. Крылена привязана къ тремъ главнымъ кольямъ и еще къ двумъ, такъ-сказать вспомогательнымъ, находящимся по срединѣ крыльевъ, имѣющихъ въ длину каждое до двухъ и болѣе аршинъ; два вспомогательные колышка, поменьше главныхъ, служатъ крыльямъ для лучшаго растягиванья и сопротив-

ленья теченію воды. Всѣ пять кольевъ крѣпко втыкаются въ мягкое дно. — Въ крылены попадается, также какъ въ морды, всякая рыба, иногда въ такомъ количествѣ и такая крупная, что сѣтка разрывается или даже выскакиваютъ колья, на которыхъ утверждена крылена. — Въ водополь очень ловко перебивать нѣсколькими вятелями какой-нибудь значительный заливъ воды въ узкомъ его мѣстѣ. Крылены ставятъ одну возлѣ другой плотно, крыло съ крыломъ, наблюдая, чтобъ одна крылена стояла по теченію или ходу воды, а другая напротивъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы рыба — впередъ ли, назадъ ли идетъ она — попадала въ разставленныя снасти.

Хвостуша уже названіемъ своимъ показываетъ, что должна имѣть длинный хвостъ. Это родъ морды; она также сплетена изъ прутьевъ, только не похожа фигурой своей на боченокъ, имѣющій въ серединѣ болѣе ширины, на который похожа морда. Хвостуша отъ самаго передняго отверзтія, которое дѣлается и круглымъ, и овальнымъ, и четвероугольнымъ, — все идетъ къ хвосту уже и связывается внизу тамъ, гдѣ оканчиваются прутья, кончики которыхъ не обрубаютъ; бока хвостуши въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, смотря по ея длинѣ, переплетаются вокругъ поперечными поясами изъ такихъ же гибкихъ прутьевъ, для того, чтобъ вдоль лежащіе прутья связать плотнѣе и чтобъ рыба не могла раздвинуть ихъ и уйти. Хвостуша всегда бываетъ длиннѣе морды, и прутья для нея употребляемые — потолще; къ хвосту ея, и также къ двумъ концамъ нижней стороны, привязываются довольно тяжелые камни, для погруженія и плотнаго лежанья хвостуши на днѣ, ибо она ничѣмъ другимъ на немъ

не утверждается; къ тому же ставится всегда на самомъ быстромъ теченіи, или, лучше сказать, паденіи воды, потому-что только оно можетъ захлестать, забить рыбу въ узкую часть, въ хвостъ этой простой снасти, гдѣ, по тѣснотѣ, рыбѣ нельзя поворотиться и выплыть назадъ, да и быстрина воды мѣшаетъ ей сдѣлать поворотъ. Мнѣ случалось видѣть хвостушки, до того полныя рыбами, что заднія или послѣднія къ выходу, не умѣщались и до половины были наружи. Самое выгодное мѣсто для ставленья хвостушъ — крутой скатъ воды, и самое выгодное время — спускъ мельничныхъ прудовъ, когда они переполнятся вешнею водою, особенно если русло, по которому стремится спертый потокъ, покато. Я живо помню эту ловлю въ моемъ дѣтствѣ: рыбы въ рѣкѣ, на которой я жилъ, было такое множество, что теперь оно кажется даже самому мнѣ невѣроятнымъ; вешняка съ затворами не было еще устроено, въ которомъ можно поднимать одинъ запоръ за другимъ и такимъ образомъ спускать постепенно накопляющуюся воду. Вешнякъ запружали на-глухо, когда сливала полая вода; а весной, когда прудъ наливался какъ полная чаша и грозилъ затопить плотину и прорвать, раскапывали заваленный вешнякъ. Вода устремлялась съ яростью и размывала прошлогодною запрудку до самаго дна, до материка. Сильная покатость мѣстоположенія умножала водную быстрину, и я видалъ тутъ такую ловлю рыбы хвостушами, какой никогда и нигдѣ не видывалъ послѣ. Во всю ширину теченія, въ разныхъ мѣстахъ, вколачивали заранѣе крѣпкіе колья; къ каждому, на довольно длинной веревкѣ, привязывалась хвостуша, такъ, чтобы ее можно

было вытаскивать на берегъ не отвязывая. Впрочемъ, иногда веревка оканчивалась глухой петлей и надѣвалась на колъ. Рыба, которая шла сначала вверхъ, доходя до крутаго паденія воды, отбивалась стремленіемъ ея назадъ, а равно и та, которая скатывалась изъ пруда внизъ по теченію (что̀ всегда бываетъ по большой части ночью), попадала въ хвостуши, которыя, хотя не сплошнымъ рядомъ, но почти перегораживали весь потокъ. Рыбы вваливалось невѣроятное множество и такъ скоро, что люди, закинувъ снасти, не уходили прочь, а стояли на берегу, и отъ времени до времени, черезъ полчаса, или много черезъ часъ, входили по поясъ въ воду, вытаскивали до половины набитыя хвостуши разной рыбой, вытряхивали ее на берегъ и вновь закидывали свои простыя снасти. На берегу была настоящая ярмарка: крикъ, шумъ, разговоры, бѣготня; куча бабъ, стариковъ и мальчишекъ таскали домой лукошками, мѣшками и подолами всякую рыбу; разумѣется не мало было и простыхъ зрителей, которые совѣтовали, помогали и шумѣли гораздо болѣе настоящихъ рыбаковъ. Все это довершалось ревомъ падающей воды, съ шумомъ, пѣной и брызгами разбивающейся о крѣпкое дно и колья съ привязанными хвостушами. Много попадалось очень крупныхъ головлей, язей, окуней, линей (фунтовъ по семи) и особенно большихъ щукъ. Я самъ видѣлъ, какъ крестьянинъ, съ помощію товарища, вытащилъ хвостушу, изъ которой торчалъ хвостъ щуки: вѣсу въ ней было одинъ пудъ пять фунтовъ. Не могу понять, какъ такая огромная и сильная рыба не выкинулась назадъ? Должно предположить, что стремленіе воды забило ея голову въ узкой

конецъ хвостуши, гдѣ она ущемилась между связанными прутьями и гдѣ ее захлестало водой; сверхъ того, натискавшаяся по бокамъ щуки, другая рыба лишала ее возможности поворотиться. Хвостуши, оставляемыя на ночь, то-есть часовъ на шесть, набивались рыбою только на четверть, не вровень съ краями; но сверху обыкновенно была мелкая плотва: вѣроятно крупная рыба выскакивала.

Во время самаго разлива полой воды, щуки мечутъ икру и выпускаютъ молоки; въ продолженіе этой операціи онѣ ходятъ по верху одна за другою, иногда по нѣскольку штукъ. Замѣтивъ мѣста, около которыхъ онѣ трутся, — всегда въ травѣ или кустахъ по полоямъ, — охотникъ входитъ тихо въ воду и стоитъ неподвижно съ боку рыбьяго хода, съ готовою острогою, и когда щуки подплывутъ къ нему близко, — бьетъ ихъ своимъ нептуновскимъ трезубцомъ, который имѣетъ, однако, не три, а пять и болѣе зубцовъ или иглъ съ зазубринами. Въ это же время стрѣляютъ щукъ изъ ружей крупною дробью, потому-что щуки ходятъ высоко, и не только спинное перо, но и часть спины видна на поверхности. И острогой, и ружьемъ добываютъ иногда такихъ огромныхъ щукъ, какія рѣдко попадаются рыбакамъ въ обыкновенныя рыболовныя снасти, и если попадаются, то снасти не выдерживаютъ.

Охота съ острогою.

Охота съ острогою можетъ доставить много удовольствія, особенно потому, что производится въ позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать: слѣдственно первой, лучшей изъ рыболовныхъ охотъ — уже не существуетъ; да и другими способами, въ это время года, ловить рыбу неудобно. Не меньшее преимущество этой охоты состоитъ въ томъ, что острогою бьется крупная рыба, какъ-то: щуки, сомы, жерихи, судаки и проч., достигающіе иногда такой величины, что обыкновенныя рыболовныя снасти ихъ не удержатъ: я разумѣю бредни, небольшіе невода, сѣти и вятили. Надобно еще прибавить, что эта охота бываетъ ночью, и весь короткой, осенній день остается свободнымъ для охотника и онъ можетъ заниматься всякими другими охотами, существующими въ позднее, осеннее время года. Охота съ острогою имѣетъ въ себѣ даже много поэтическаго, и хотя люди, занимающіеся ею, повидимому не способны принимать поэтическихъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ, понимаютъ ихъ безсознательно, говоря только, что „ѣздить съ острогою весело!“

Охота острогою требуетъ трехъ условій: темной ночи, свѣтлой воды и совершенно тихой погоды: пер-

вымъ двумъ условіямъ всегда удовлетворяетъ осень, то-есть: ночи дѣлаются длинны и темны, а вода отъ морозовъ становится совершенно прозрачною; третьяго условія — тишины, надо выжидать. Охота производится на лодкѣ небольшой, но и не маленькой: лодка должа быть легка, ходка, но не качка и не вертлява и довольно глубока. Къ кормѣ ея, на прочной, желѣзной рукояткѣ, придѣлывается желѣзная же четвероугольная рѣшетка, около аршина въ квадратѣ на которой долженъ горѣть постоянный огонь, яркой, но спокойный, для чего нужно имѣть въ лодкѣ порядочный запасъ мелко наколотыхъ, сухихъ, березовыхъ дровъ. Рѣшетка, посредствомъ изогнутой къ верху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освѣщать воду, до дна. Бой рыбы острогою можетъ производиться только въ водахъ тихихъ или стоячихъ: на прудахъ, озерахъ и на большихъ затонахъ, или заливахъ рѣкъ порядочной величины, но не быстро текущихъ. Въ темную осеннюю ночь (чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотниковъ въ лодку: одинъ на кормѣ съ весломъ, а другой съ острогою почти посрединѣ, немного поближе къ носу: двѣ запасныя остроги кладутся въ лодку: одна обыкновенной величины или нѣсколько поболѣе, а другая очень большая для самой крупной рыбы, съ длинною, тонкою но крѣпкою бичевкою, привязанною за желѣзное кольцо къ верхнему концу остроги. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, что острога имѣетъ фигуру столовой вилки, только съ короткими зубьями, которыхъ числомъ бываетъ отъ пяти до семи; каждый зубъ или игла бываетъ не короче четырехъ

вершковъ и оканчивается зазубриной, точно такою, какая дѣлается на концѣ рыболовнаго крючка, для того, чтобы проколотая острогою рыба не могла сорваться; желѣзная острога прикрѣпляется очень прочно къ деревянному шесту, крѣпкому, гладкому, сухому и легкому, длиною въ сажень и даже въ полторы, но никакъ не длиннѣе, потому-что рыбу приходится бить не болѣе какъ на трехъ-аршинной глубинѣ, а по большой части на двухъ-аршинной и менѣе. Трехъ-аршинную глубину воды огонь озаряетъ неясно, да и дѣйствовать острогою, чѣмъ глубже вода, тѣмъ тяжеле и труднѣе: и глазъ и рука становятся невѣрны. Попасть въ рыбу острогою, кажется дѣло не хитрое; но не всякій къ нему способенъ: кромѣ вѣрнаго глаза и вѣрной сильной руки, надобно имѣть много сметки и ловкости. Даже человѣкъ, имѣющій всѣ эти качества и получившій подробныя наставленія отъ опытнаго бойца, сначала будетъ ошибаться, и не попадая въ настоящее мѣсто, станетъ попадать близко къ хвосту или въ конецъ рыбьей головы, или будетъ совершенно промахиваться. Самое главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы отгадать мѣру разстоянія: пунктъ, съ котораго тихое, медленное опущеніе остроги — должно мгновенно перейти въ быстрый ударъ. Эту мѣру можно приблизительно положить отъ полуторы до двухъ четвертей отъ рыбы. Острога опускается въ воду не прямо надъ рыбою, не отвѣсно, потому-что въ этомъ положеніи шестъ остроги и рука человѣческая закрыли бы рыбу, и умѣтить въ нее было бы невозможно. И такъ, острога опускается сначала мимо рыбы и, когда подойдетъ къ ней такъ близко, что

надобно уже ударить, — осторожно переносится на цѣль и направляется противъ рыбьей спины. Самымъ лучшимъ ударомъ считается тотъ, который угодитъ въ спину, не далѣе, какъ пальца на три отъ головы. Такой ударъ лишаетъ возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на острогѣ, что̀ непремѣнно случится, если острога попадетъ близко къ хвосту, или къ концу рыла; въ обоихъ этихъ случаяхъ большая рыба легко можетъ сорваться и, не смотря на жестокія раны, отъ которыхъ въ послѣдствіи уснетъ, — можетъ уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже ударъ въ самый лобъ, случающійся очень рѣдко, если не убьетъ рыбу на повалъ дастъ ей возможность и возиться, и сойти съ остроги. Правящій весломъ долженъ быть также мастеръ своего дѣла, потому-что управленіе лодкою во время плаванья за рыбою съ острогою, совсѣмъ не то, что плаванье на лодкѣ въ обыкновенное время; даже весло нужно другое: нѣсколько пошире, похожее на деревянную лопатку, но въ тоже время — самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться впередъ ровно, тихо и безъ всякаго волненія водяной поверхности; весло никогда не вынимается изъ воды и всѣ повороты, всѣ движенія производятся подъ водою, подобно тому, какъ производитъ ихъ, своими веслообразными лапами, гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобы дать болѣе ясное и болѣе полное понятіе объ этой охотѣ, я опишу со всѣми подробностями одну изъ моихъ самыхъ замѣчательныхъ добычливыхъ поѣздокъ съ острогою въ которой я, по молодости моихъ лѣтъ, былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицемъ.

Длинны, темны становились осеннія ночи; морозы прохватили остудили воду, осадили на дно водяныя травы: шмару, плесень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и свѣтла стала вода въ полояхъ и заливахъ нашего широкако пруда. Уже нѣсколько времени поговаривали охотники, что „пора ѣздить съ острогою“, собирались и наконецъ собрались; взяли и меня съ собою. Время стояло самое благопріятное, то-есть: было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на рѣшеткѣ, уложили въ лодку все нужное, усѣлись безъ шума, оттолкнулись отъ берега и поплыли по полоямъ. Огонь ярко освѣщалъ только небольшое, кругловатое пространство около рѣшетки; даже носъ лодки освѣщался уже слабо; кругъ свѣта скоро поглощался мракомъ, и еще темнѣе, чернѣе казалась ночь, охватившая насъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, безграничное пространство воды окружало насъ; въ густомъ мракѣ не видно было ни камышей, ни плотины, ни береговъ; одна лодка плыла въ свѣтломъ кругѣ. Я сидѣлъ спиной къ огню; лице и весь образъ рыбака съ острогою, молодаго и крѣпкаго человѣка, сидящаго противъ меня, были ярко освѣщены. Когда же я оглядывался на стараго рыбака съ весломъ, освѣщаемаго и даже подогрѣваемаго сзади, то онъ представлялся черною фигурою, образомъ безъ лица, рисовавшимся на огненномъ кругѣ; при всякомъ поворотѣ лодки или движеніи гребца, свѣтъ обливалъ его то съ лѣва то справа и, казалось заглядывалъ ему въ лице. Видъ берега на плавающую съ огнемъ лодку по водѣ — также очень живописенъ. Какъ очарованная, до

половины ярко освѣщенная, какъ будто предводимая пламенемъ, двигалась лодка безъ шума и повидимому безъ движенія, безъ участія сидящихъ въ ней какихъ-то призраковъ.

Скоро стала попадаться намъ спящая мелкая рыба, стоявшая или, лучше сказать, лежавшая на днѣ, по маленькимъ ямкамъ и впадинамъ; охотники не обращали на нее вниманія; меня-же очень занимало разсматриваніе тинистаго прудоваго дна, освѣщеннаго огнемъ. Вдругъ снималась пелена съ другаго неизвѣстнаго міра съ его разными почвами, неровностями, растеніями и спящими обитателями!... Мнѣ заранѣе приказано было сидѣть смирно и громко не говорить, и я только шепотомъ или пальцемъ указывалъ на рыбу, мимо которой мы проѣзжали и которая казалась мнѣ довольно большою и стоющею удара остроги. Я ошибался, потому-что рыба въ водѣ, особенно ночью, при огненномъ освѣщеніи, кажется гораздо крупнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Молодой рыбакъ, державшій въ рукѣ острогу, положа ее поперекъ лодки, не слушалъ меня и только трясеніемъ головы или отрывистымъ шепотомъ: „это все дрянь, сидите смирно“ — отвѣчалъ на мои знаки и слова. Наконецъ поплыли мы по протоку: такъ называлось извилистое, длинное протяженіе, пересѣкавшее діагонально почти весь прудъ, никогда не зароставшее травою; вѣроятно это былъ когда-нибудь материкъ рѣки, старица, какъ его называютъ, если онъ не затопленъ водою; можетъ быть также, что это былъ овражекъ, по которому нѣкогда бѣжалъ ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но большею частію простиралась отъ полутора до двухъ аршинъ, и не смотря на то, была вдвое

глубже окружавшихъ его полоевъ. Протокъ имѣлъ подъ водою свои собственные берега, обросставшіе густыми, водяными травами въ лѣтнее время, разстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитыя сверху морозами, они опустились и лежали по дну грядами, наклонясь въ одну сторону. Въ этомъ-то протокѣ начала попадаться намъ крупная рыба: „придержи“ — шепнулъ главный рыбакъ; лодка пріостановилась, острога скользнула въ воду, шла сначала медленно, потомъ быстро вонзилась, и черезъ нѣсколько секундъ былъ осторожно вытащенъ огромный язь, по крайней мѣрѣ фунтовъ въ шесть, увязшій въ зубьяхъ остроги; зазубрины такъ въѣлись въ тѣло язя, что даже руками не вдругъ его сняли. Вторая добыча попалась — окунь такой величины, какого въ нашемъ пруду ни прежде, ни послѣ не лавливали. Къ сожалѣнію, тогда не взвѣшивали рыбу, и я не могу положительно сказать, сколько вѣсилъ этотъ окунь; но конечно въ немъ было болѣе пяти фунтовъ. Потомъ стали попадаться средніе язи и окуни, которыхъ набили десятка полтора. Вытащили также нѣсколько очень крупныхъ плотицъ. Изрѣдка наѣзжали на щукъ, отъ трехъ до семи и до десяти фунтовъ, (говоря примѣрно), которыхъ также убили штукъ пять, не считая мелкихъ: щукамъ не давали пощады и били всякаго щуренка, котораго только могли зацѣпить зубья остроги. Такое озлобленіе на щукъ происходило отъ того, что онѣ слишкомъ развелись и безъ сомнѣнія поѣдали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться намъ чаще по заливамъ, около камышей и предпочтительно въ озеркахъ, кругомъ обросшихъ камышами, и также въ отлогихъ

впадинахъ, которыя оканчивались материкомъ рѣки. Не должно думать, что рыбакъ убивалъ всякую рыбу, которая намъ попадалась; напротивъ, нѣкоторыя были такъ чутки, что уходили при одномъ приближеніи лодки, а другія уходили по большой части въ то время, когда направлялась въ нихъ острога. Надобно также замѣтить, что при вытаскиваніи порядочной рыбы нельзя было обойтись безъ нѣкотораго шума и движенія воды, и потому много уходило рыбъ, которыя стояли и спали по близости. Наконецъ выплыли мы на материкъ и, поднявшись довольно далеко въ верхъ, поворотили узкимъ, но глубокимъ заливомъ опять въ камышъ, и только стали входить въ круглое широкое озеро, какъ рыбакъ подозрилъ щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, не вдалекѣ отъ сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда онъ, положа свою острогу, взялъ изъ лодки самую большую. Я понялъ, что это значитъ. Шепотомъ и знаками указалъ онъ своему товарищу мѣсто, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мнѣ толстою и длинною деревянною плахою, или вершиной бревна, лежащаго на днѣ. Съ удвоенною осторожностью направилъ рыбакъ свой трезубецъ или, правильнѣе сказать, семизубецъ, долго наводилъ и мѣтилъ и наконецъ ударилъ изо-всѣхъ силъ, проворно приподнялся на ноги, придавилъ, что есть мочи, острогу, и оттолкнулъ отъ себя... вода точно закипѣла подъ нами, лодка зашаталась отъ толчка и волненія, и я очень испугался, хотя глубина была не больше двухъ аршинъ и хотя тогда я боялся воды менѣе, чѣмъ впо-

слѣдствіи. Повернувшись и сильно взволновавъ воду, щука бросилась сначала какъ стрѣла; но потомъ пошла тише; шестъ въ наклоненномъ положеніи до половины торчалъ изъ воды: собственная тяжесть и крѣпкая бичевка, привязанная къ верхнему концу, склоняли его на бокъ. Щука шла прямо изъ озера въ материкъ рѣки. Держа въ рукахъ конецъ бичевки, молодой рыбакъ уже громкимъ и веселымъ голосомъ сказалъ: „попалась, утятница! давно я до тебя добирался!“ но другой рыбакъ отвѣчалъ почти сердито: „ну, ну, погоди радоваться. Веревку то не выпусти изъ рукъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, веревка стала натягиваться, рыбакъ замоталъ ее за руку, и мы поплыли вслѣдъ за щукою, увлекаемые ею. Сойдя въ материкъ, она сначала не одинъ разъ погружала въ воду весь, слишкомъ четырехъ-аршинный шестъ, но потомъ начала утомляться: металась, всплывала наверхъ, пыталась бросаться въ камышъ, чтобы вырвать изъ себя острогу, но напрасно; рыба видимо изнемогала. Рыбакъ черезъ нѣсколько времени, не менѣе какъ черезъ полчаса, подтащилъ къ себѣ за бичевку верхній конецъ шеста, взялъ его въ обѣ руки, всталъ на ноги и опять притиснулъ; но щука уже не бросилась такъ быстро, какъ въ первый разъ, а сдѣлала небольшое движеніе саженъ на шесть впередъ, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащивъ щуку саженъ пять на бичевкѣ, рыбаки рѣшились поднять ее и положить въ лодку. Мы вошли въ извѣстный уже читателямъ протокъ, устье котораго было отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба рыбака, не безъ труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу, и ввалили ее въ лодку, не вынимая

остроги; она была еще жива, разѣвала ротъ, но не шевелилась. Шестъ положили ко мнѣ на плечо; я придерживалъ его обѣими руками, чтобы онъ не свалился въ воду и не мѣшалъ плыть. Молодой рыбакъ также взялъ весло, сѣлъ на носъ лодки, и мы полетѣли какъ стрѣла къ мельничному каузу. Тамъ мы позвали мельника и, съ помощію его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тѣмъ набѣжали помольщики изъ мельничнаго амбара, разглядѣли, при свѣтѣ зажженной лучины, славную добычу и раздались громкія восклицанія удовольствія и удивленія. Между помольцами случился одинъ, очень малаго роста, и сейчасъ посыпались на него шутки: „Ну, Гришка, говорилъ одинъ, очень высокій ростомъ; хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты лѣтось вѣдь купался здѣсь: зглонула бы она тебя, какъ утенка, и поминай какъ звали — пропалъ бы ты безъ вѣсти!“ — „Нѣтъ, нѣтъ, подавилась бы, возразилъ другой, все ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь, онъ все покрупнѣе утенка....“ И громкій хохотъ заглушалъ на время шумъ падающей воды и мельничныхъ колесъ. Между тѣмъ вытащили острогу изъ уснувшей щуки и мы съ торжествомъ понесли всю рыбу домой. Мнѣ сказывалъ на другой день мельникъ, что помольщики долго не спали, дивились, смѣялись и толковали о диковинной щукѣ, которая, при свѣтѣ горящей лучины, показалась имъ просто чудовищемъ. Что касается до меня, то съ самой той минуты, какъ началась возня со щукой, я былъ въ какомъ-то забытьи, смѣшанномъ (должно признаться) съ нѣкоторымъ страхомъ. Только дома, когда внесли щуку въ комнату, положили на рогожу и окружили свѣчами, чтобы лучше

разглядѣть, — я опомнился и вполнѣ предался шумной радости молодаго рыбака. Настоящіе виновники побѣды были не разговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина; но за то я за нихъ разсказывалъ долго и громко всѣ малѣйшія подробности только что совершившагося событія, ссылаясь на нихъ и заставляя подтверждать слова мои. Плохо спалось мнѣ эту ночь! Впечатлѣнія были такъ живы и противоположны, что произвели сильное волненіе въ моей крови. Щука, со всею обстановкою ея убіенія, грезилась мнѣ безпрестанно, да и въ самомъ дѣлѣ — было отъ чего взволноваться! Еслибъ это случилось со мной въ порѣ зрѣлаго возраста, когда охота къ рыбной ловлѣ была уже развита во мнѣ вполнѣ, еслибъ это случилось даже теперь со мною — кажется, впечатлѣніе было бы еще сильнѣй. По молодости, я не могъ тогда достаточно оцѣнить важность столь замѣчательнаго происшествія въ исторіи рыболовства, особенно если взять въ соображеніе, что щука, достигающая такихъ размѣровъ многими десятками лѣтъ, а можетъ быть и сотнею годовъ, чрезвычайно рѣдко попадается въ столь незначительныхъ водахъ, какъ нашъ прудъ и рѣка, — и еще рѣже становится добычей рыбаковъ. У насъ это былъ единственный случай, который до сихъ поръ еще не повторился. Надобно только представить себѣ, каковы были первыя движенія и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла въ материкъ, гдѣ могла погрузиться глубоко, она производила такое волненіе, что, еслибъ мы не находились отъ нея въ нѣсколькихъ саженяхъ, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знаютъ по опыту, что въ ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрог-

нешь, когда поворотится или плеснется вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ описываемою мною щукою. Но на небольшой лодкѣ, довольно тяжело нагруженной, на порядочной глубинѣ, на кажущемся безграничномъ пространствѣ воды, въ непроницаемой темнотѣ, кромѣ небольшаго освѣщеннаго круга, безпрестанно ожидая отчаянныхъ порывовъ водянаго чудища, которое возило и поворачивало нашу ладью во всѣ стороны.... признаюсь, сердце замираетъ отъ одного воспоминанья, и въ старости можно отказаться отъ вторичнаго участія въ такой поэтически рыбачьей сценѣ!...

Щуку разсмотрѣлъ я подробно на другой день. Мѣрою она была слишкомъ полтора аршина безъ хвостоваго пера и очень толста. Всѣхъ удивляла необыкновенная ширина ея лба, на которомъ были расположены какіе-то узоры сѣраго цвѣта, казавшіеся выпуклыми и сѣдыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лобъ *поросъ мохомъ;* когда разѣвали ей пасть, то по истинѣ страшно было смотрѣть на ея двойные, острые зубы, крупные и мелкіе; горло у ней было такъ широко, что она безъ всякаго затрудненія могла проглотить старую утку. Уже много лѣтъ замѣчали ея присутствіе въ нашемъ пруду и, конечно, много утятъ, и дикихъ и домашнихъ, переглотала она на своемъ вѣку. Къ сожалѣнію, эта рѣдкая щука не была взвѣшена, и я не могу сказать опредѣлительно объ ея тяжести; но судя по сравненію со щукой въ одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ, которую я видѣлъ нѣсколько лѣтъ послѣ *), щука, уби-

*) Я упомянулъ объ этомъ въ моихъ „Запискахъ объ уженьѣ рыбы", стр. 225-я. Эта щука попала въ хвостушу весною, въ полую воду.

тая острогою, должна была вѣсить около двухъ пудъ.

Въ послѣдствіи мнѣ случалось не одинъ разъ ѣздить съ острогою и самому бить рыбу; но никакой замѣчательной добычи намъ не попадалось, да и надо признаться, что я этого дѣла былъ не мастеръ. Одинъ только разъ, тотъ же самый охотникъ привезъ съ нижняго соколовскаго пруда (на томъ же Бугурусланѣ, восемью верстами ниже) огромнаго налима, котораго убилъ также острогою, въ материкѣ подъ корягами, стоявшаго такъ глубоко, что онъ едва могъ достать его самою большою острогою. Въ немъ было вѣсу около тридцати фунтовъ, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелкѣ. Это случилось въ самую позднюю осень, когда мелкіе полои уже покрыты были льдомъ.

Острогой бьютъ щукъ и другую крупную рыбу въ то время, когда она мечетъ, *бьетъ* икру, выражаясь по-рыбачьи. Въ эту пору особеннаго своего состоянія, рыба ходитъ стаями и не рѣдко поднимается такъ высоко, что верхнія перья бываютъ видны на поверхности воды: рыбакъ, стоя неподвижно въ камышѣ, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, или на берегу, притаясь у какого-нибудь куста, сторожитъ свою добычу и вонзаетъ острогу въ подплывающую близко рыбу. Въ глубокихъ ямахъ, подъ вешняками, крупная рыба любитъ идти противъ падающей воды, всплываетъ иногда довольно высоко и упорно держится въ неподвижномъ положеніи, уткнувъ голову въ хворостъ и всякій лѣсъ, которымъ обыкновенно бываетъ устлано дно спуска, подъ деревяннымъ его поломъ или помостомъ. Рыбакъ по большей части

мельникъ, потому-что это ему сподручно, подкарауливъ или замѣтивъ высоко стоящую рыбу, подкрадывается съ острогою и выхватываетъ иногда славнаго язя, головля, окуня или жериха. Все это бываетъ очень пріятною, случайною добычею; но не можетъ назваться настоящею *охотою съ острогою.*

Странный случай.

Я уже говорилъ въ своихъ „Запискахъ объ уженьѣ рыбы“ о необыкновенной жадности щукъ и разсказалъ нѣсколько истинныхъ произшествій, подтверждающихъ мое мнѣніе. Вотъ еще два случая въ томъ же родѣ. Первый изъ нихъ такъ невѣроятенъ и похожъ на выдумку, что нельзя не улыбнуться, слушая его описаніе. Я даже не рѣшился бы разсказать его печатно, если бы не имѣлъ свидѣтеля, И. С. Тургенева, вовсе не охотника до рыбной ловли, который на ту пору былъ у меня въ деревнѣ. Въ исходѣ Мая 1854 года, были поставлены на ночь обыкновенныя удочки съ крѣпкими лесами и крючками, насаженными рыбкою и земляными червями: ибо днемъ окуни брали мало, а по ночамъ попадались довольно крупные. На одну изъ такихъ удочекъ съ червякомъ взялъ небольшой окунь и проглотилъ крючекъ въ кутырь; на окунь взяла и заглотала также небольшая щучка или щуренокъ, а его схватила поперекъ большая щука, слишкомъ въ пять фунтовъ, и такъ увязила зубы въ своей добычѣ, что рыбакъ безъ всякой осторожности вытащилъ её изъ воды, никакъ не подозрѣвая, чтобы крючекъ не вонзился въ ея жабры; но когда онъ разглядѣлъ эту ди-

ковинную штуку, то поспѣшилъ принесть щуку къ намъ. Она вися на воздухѣ, не разжала зубовъ своихъ дорогой (разстояніе было съ полверсты), и мы съ Тургеневымъ сами отворили ей ротъ и потомъ произвели слѣдствіе надъ окунемъ и щуренкомъ, который, взявъ на окуня, какъ на насадку, самъ сдѣлался въ свою очередь насадкою. Поводокъ былъ обыкновенный, то-есть шелковый, и щуренокъ легко бы его перегрызъ; но должно предположить, что окунь, который былъ для него нѣсколько великъ, такъ расперъ ему пасть или горло, что онъ не могъ сжать рта, и что именно въ этомъ положеніи схватила его поперекъ большая щука, отъ чего ротъ щуренка разинулся больше. Когда намъ принесли эту тройную добычу — щуренокъ оказался давно уснувшимъ и даже остомѣвшимъ; большая щука была совершенно здорова и даже не оцарапана.

Послѣ этого событія, уже почти не стоитъ разсказывать, что въ томъ же году, щука схватила пескаря, посаженнаго, вмѣстѣ съ другими рыбками, въ кружокъ *), шагахъ въ десяти отъ меня, крѣпко вцѣпилась зубами въ сѣтку и подняла такой плескъ, что, услыхавъ его, мальчикъ, бывшій со мною на уженьѣ, подошелъ къ кружку и, увидѣвъ эту продѣлку, вытащилъ кружокъ и щуку на берегъ. Мы также принуждены были разжать ей палкой ротъ, чтобъ она выпустила сѣтку: въ щукѣ вѣсило около трехъ фунтовъ и сѣтка оказалась перегрызенною.

Перегрызенная щукою сѣтка кружка объяснила мнѣ

*) Мѣшокъ изъ сѣтки особеннаго устройства, о которомъ я говорилъ въ моихъ „Запискахъ объ уженьѣ рыбы“.

происшествіе, которое случилось со мной года два тому назадъ (тогда неясно понятое мною), и которое кстати разсказать теперь рыбакамъ-охотникамъ, для предупрежденья ихъ отъ подобныхъ невзгодъ. Не помню хорошенько мѣсяца, но вѣроятно въ началѣ августа, потому-что погода стояла еще жаркая, поѣхалъ я удить въ верховье Репеховскаго пруда на рѣчкѣ Ворѣ. Неизмѣнный мой товарищъ-рыбакъ всталъ ранѣе меня и былъ давно уже на мѣстѣ. Когда я пріѣхалъ, онъ показалъ мнѣ пять славныхъ окуней и только что выуженнаго имъ щурёнка, которые ходили въ кружкѣ. Черезъ полчаса кружокъ понадобился, чтобы посадить въ него выуженнаго мной окуня; но каково было наше удивленіе и досада, когда, вытащивъ кружокъ, мы увидѣли, что въ немъ остался только одинъ снулый окунь, какъ нарочно небольшой, а четырехъ большихъ и щуренка въ кружкѣ не оказалось. Разсмотрѣвъ его хорошенько, мы нашли дыру, въ которую ушла вся живая рыба. Кружокъ былъ новый и мы не знали какъ объяснить это происшествіе: думали, что попались гнилыя нитки, или что щурёнокъ перегрызъ сѣтку. Клёвъ былъ противъ обыкновенія очень удаченъ, окуни брали крупные, и мы вознаградили свою потерю. Тѣмъ не менѣе, товарищу моему очень было жаль своихъ крупныхъ окуней. Теперь же послѣ нападенія щуки на кружокъ, сейчасъ описаннаго мною, понятно, что не щурёнокъ перегрызъ сѣтку, а вѣроятно большая щука схватила снаружи котораго-нибудь изъ окуней, прорвала нѣсколько петель и, не задѣвъ занихъ зубами, ушла, испугавшись шумнаго и сильнаго плеска остальной ры-

бы (который мы слышали, но кружка не посмотрѣли), и что нѣсколько окуней и щуренокъ воспользовались прорѣхою и отправились опять гулять въ Ворю. Нравоученіе этого разсказа состоитъ въ томъ, что щукъ лучше не сажать въ кружокъ хотя прежде я дѣлывалъ это часто безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, и что кружокъ, опущенный въ воду съ пойманною рыбою, надобно внимательно осматривать при каждомъ сильномъ плескѣ рыбы.

Новыя охотничьи замѣтки.

Весною 1855 года, послѣ выхода этой книжки, случилось мнѣ собственными глазами увидѣть то, о чемъ я прежде даже и не слыхивалъ, и что рыбакамъ по ремеслу должно быть непремѣнно извѣстно. Я узналъ, что щуки ежегодно, въ Маѣ мѣсяцѣ, перемѣняютъ зубы. Охотникъ, занимавшійся исключительно ловлею щукъ на жерлицы и сообщившій мнѣ это извѣстіе, показалъ мнѣ нѣсколько пойманныхъ имъ щукъ, у которыхъ старые зубы, ослабѣвъ въ своихъ корняхъ, потеряли всякую упругость, сдѣлались мягки, повисли и лезли какъ волосы, когда я слегка потиралъ внутренность щучьяго рта моими пальцами въ обыкновенной перчаткѣ. Изъ-подъ старыхъ, еще не выпавшихъ зубовъ, торчали уже новые, тонкіе и острые, но еще мягкіе. Вотъ въ это-то время, щуки, ловя рыбу, не рѣдко только портятъ ее, а удержать по слабости зубовъ не могутъ, и вотъ отчего, именно въ это-то время года, часто случается рыбакамъ видѣть рыбъ, хватанныхъ щуками. Разумѣется, дѣло идетъ о рыбѣ нѣсколько покрупнѣе; мелкую же щуки могутъ глотать и вовсе безъ помощи зубовъ. Насадка на жер-

лицахъ, также въ эту пору, часто бываетъ измята и даже не прокушена до крови.

Хотя я зналъ, что кошки ѣдятъ рыбу, но никогда не слыхалъ и не видалъ, какъ они производятъ эту охоту. Третьяго Мая, 1855 года, сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшаго проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травою, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прячется, растянувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который не далеко отъ меня копался въ своихъ грядахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ разсказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякой день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

Недавно узналъ я отъ одной достовѣрной особы, что въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Окѣ, производится съ большимъ успѣхомъ слѣдующее уженье. Въ іюнѣ мѣсяцѣ появляется, всего на недѣлю, по берегамъ Оки, великое множество бѣленькихъ бабочекъ (названіе ихъ я позабылъ). Рыбаки устроиваютъ на пескахъ гладкіе *точки*

и зажигаютъ на нихъ небольшіе костры съ соломой; бабочки бросаются на огонь, обжигаются и падаютъ; ихъ сметаютъ въ кучки и собираютъ цѣлыми четвериками. Обгорѣлыхъ бабочекъ крѣпко сминаютъ съ хлѣбомъ или тѣстомъ, и шариками этой смѣси насаживаютъ крючки. Рыба беретъ на такую насадку съ необыкновенной жадностью, и очень крупная: язи, головли, лещи и даже окуни и судаки. Такимъ образомъ, въ самое пустое время, выходитъ славное и добычливое уженье. Должно замѣтить что окуни и судаки на хлѣбъ никогда не берутъ, — слѣдовательно вся приманка заключается въ бабочкахъ.

№ 18726
ЛЕНОБОТНЗ
МАГАЗИН
№ 01
р 60 коп

1724

М 2